

The background of the cover is a detailed illustration of a character from the Warhammer 40,000 universe. The character is a large, heavily armored figure, likely a member of the Adeptus Mechanicus. He has a bald head with long, thinning grey hair on the sides. His armor is primarily gold and purple, with intricate mechanical details and rivets. He has multiple arms: his left arm is a large, green, mechanical arm ending in a complex, multi-barreled weapon. His right arm is a gold, mechanical arm ending in a skull. He is holding a large, gold, mechanical object in his left hand. The background is a dark, industrial landscape with smoke and debris.

WARHAMMER
40,000

ФАБИЙ БАЙЛ
ПРРОДИТЕЛЬ
ДЖОШ РЕЙНОЛЬДС

Annotation

У него много имен: Владыка Клонов, Свежеватель, Прародитель. Он, коварный и развращенный, наводит страх на людей и монстров. Бывший главный аптекарь Детей Императора, безумец, известный под именем Фабий Байл, обладает несравненными познаниями в области генетических преобразований. Теперь он — один из самых известных ренегатов. Те, кто раньше назывались братьями, ненавидят его, и даже самые опустившиеся космодекантики Хаоса боятся одного звука его имени. Некогда изгнанный за свои жуткие эксперименты, Байл скрылся в глубинах Ока Ужаса, оставив после себя результат своих работ — омерзительных чудовищ. Но когда бывший ученик приносит весть о ценнейшем корабле, который только и ждет захватчика, Байл, не утерпев, вновь бросается в горнило войны. Заполучив этот корабль, он, возможно, подберет ключ к единственной загадке, что до сих пор ему не поддавалась... Загадке, способной спасти его от неминуемой гибели.

- [Warhammer 40000](#)
 - [Силы Хаоса](#)
 - [Фабий Байл](#)
 - [Джош Рейнольдс](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Часть третья](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Warhammer 40000

Силы Хаоса

Фабий Байл

Джош Рейнольдс
Прародитель

Часть первая
Блудный сын

Глава 1
Мёртво-живой

Олеандр Кох шел по мертвому городу, тихо напевая себе под нос.

Сухой ветер скреб по ярко раскрашенной броне, и воин, наклонившись вперед, подставил лицо навстречу когтям бури. Ему нравилось, как они обдирают открытую кожу. Он слизнул текущую по лицу кровь, наслаждаясь пряным вкусом.

Олеандр выглядел одновременно вычурно и дико. Идеальный облик для воина, за которым тянулся вековой след из огня и трупов. Его силовая броня имела оттенок свежего синяка и была украшена как непотребными изображениями, так и архаичным медицинским оборудованием. С краев наплечников свисали шкуры животных, а на тактическом поясе был закреплен шлем с плюмажем из рваных шелковых лент, окруженный стазис-флаконами и дополнительными магазинами для болт-пистолета, который лежал в кобуре на другом боку. Единственным оружием помимо пистолета был длинный изогнутый меч. Его выковали на Туонеле, в тайной кузнице местных культов смерти, и золотое навершие изображало череп. Олеандр не был первым его владельцем и подозревал, что не будет последним.

Сам он, в отличие от оружия, был создан на Терре. Будучи аптекарием Олеандром, он воевал под знаменами Фениксийца — сначала за Императора, затем за Воителя. Он сполна вкусил плоды войны и нашел смысл жизни в полевых лабораториях ученого, которого теперь называл своим повелителем. Ученого, ради встречи с которым он и вернулся на этот мир, рискуя жизнью, если не

большим.

Он был вынужден посадить позаимствованный корабль в стороне, на окраине города. Олеандр спрятал его среди сотен разрушенных остовов других кораблей, приказав экипажу из сервиторов ждать его сигнала. Он понятия не имел, что за системы защиты здесь организовали, пока его не было, и, хотя он заранее отправил закодированное вокс-сообщение, прося разрешения на посадку, ему совсем не хотелось рисковать и подставляться под орудия местных параноиков. Немногочисленные обитатели этого мира оберегали свое личное пространство с почти маниакальным рвением. Впрочем, с их наклонностями это было ожидаемо.

Закованные в керамику пальцы выстукивали по навершию мелодию без ритма, аккомпанируя песне. Ветер выл, бросаясь на воина. И не только ветер. По всей планете отзывался предсмертный крик ее когда-то гордого народа. Их тонкие кости, сплавившиеся под воздействием противоестественного тепла, ковром устилали землю. Когда Олеандр начинал вслушиваться, в какофонии удавалось различить отдельные голоса, как ноты в песне. Казалось, что они поют специально для него. Приветствуют его дома.

Развалины города — их города — напоминали нетронутые джунгли из живой кости и кочек, заросших грубой психопластичной плотью. Может, когда-то город и был красив, но теперь он стал великолепен. Скопления безмолвных ксеносских лиц покрывали стены, как плесень, по улицам тянулись живые тени. Причудливые площади заливал сверхъестественный свет, а в разрушенных зданиях с хихиканьем бродили фосфоресцирующие силуэты. Это было безумие, живое и мертвое одновременно. Весь Урум в миниатюре.

Урум Мертво-живой. Старый мир, как называли его некоторые. Планета не всегда носила это имя, Урумом ее нарекли старьевщики с археорынков, и другого названия не было. Для Олеандра же этот мир был просто домом.

Порой он забывал, почему вообще уехал отсюда. А иногда память была слишком услужлива. Он лениво коснулся сделанного из хрупких стеклянных пузырьков с зельем ожерелья и остановился. Ветер ослаб, словно чего-то ожидая. Олеандр хмыкнул и повернулся. К нему приближались.

— Наконец-то, — протянул он.

Мерцающие силуэты тянулись через руины. Они светились, как металл на солнце, но металлические объекты не могли двигаться так плавно и быстро. Во всяком случае, судьба до сих пор берегла его от встреч с чем-либо подобным. Они следовали за ним последние несколько часов, и, возможно, эта игра им наконец наскучила. Или он был ближе к своей цели, чем думал. Город менялся с каждым годом, но Олеандр не был уверен, растет он или умирает. Быть может, верны были оба варианта.

Сторожевые звери были низкими и поджарыми. Они вызывали ассоциации с волками, хотя выглядели совсем иначе и больше походили на ящеров, населяющих некоторые дикие миры, только с перьями из жидкого металла вместо чешуи и заостренными, похожими на клюв мордами. Единственным звуком, который они издавали, был скрежет ног-клинков по земле. Они разделились, исчезли в тенях разрушенных зданий, и даже с трансчеловеческими органами чувств за ними не получалось уследить. Олеандр занял боевую стойку, положил пальцы на рукоять меча и принялся ждать. Мгновение растянулось, секунды утекали одна за другой. Ветер набрал силу, и в голове зазвенело от пронзительных криков мертвецов.

Олеандр некоторое время пел вместе с ними, то повышая, то понижая голос одновременно с ветром. Это была старинная песня — старше даже, чем Урум. Он узнал про нее на Лаэране у выжившего из ума поэта по имени Кастинь.

— Странно ночью, когда черные звезды горят, и странно луны в небе кружат... Скоро песни Гиад зазвонят...

Инстинкты побудили его развернуться, а меч внезапно оказался в руке, словно по собственной воле. Первого зверя он разрубил надвое, выплеснув его дымящиеся внутренности на медленно пульсирующую землю. Тот завопил и задергал конечностями в воздухе, отказываясь умирать. Олеандр наступил ему на череп несколько раз, пока зверь не затих, и повернулся, не прекращая петь. Другой решил подняться по навесу из плоти и кости, но Олеандр заметил, как зверь осторожно подбирается к нему, и услышал, как стучат зазубренные конечности. Он опустил руку к пистолету.

Позади раздался скрежет.

— Умно, — проговорил он и, выхватив пистолет, резко

обернулся и выстрелил. Мерцающий зверь бросился вперед, но тут же рухнул на землю. Олеандр крутанул меч и сделал выпад назад, пронзив второго зверя, прыгнувшего на него с высоты. Когти заскребли по силовой броне, вытянутые челюсти бесцельно защелкали. Глаза-целеискатели сканировали лицо воина в поисках уязвимых мест. Олеандр сделал шаг назад и ударил мечом в одно из искривленных деревьев, сбрасывая умирающее животное с клинка.

Он потыкал дергающееся существо оружием. Его создала не природа, что было очевидно по блестящим перьям и сенсорам, выступающим из плоти, как шипы. Впрочем, природа на этом мире и не властвовала. Сторожевых зверей выращивали в резервуарах из базовых кислот, растягивая и обрезаая до нужной формы. Он лениво поднял меч и попробовал едкую кровь, замаравшую клинок.

— Пикантно, — сказал он, — С легким намеком на настоящую. Лучшая твоя работа на данный момент, повелитель.

Олеандр улыбнулся собственным словам. Долго он не пользовался этим обращением — с тех пор, как покинул эту планету. С тех пор, как его повелитель и владыка Урума изгнал его за преступления. Олеандр тут же прогнал эту мысль. Воспоминания причиняли боль, и погружаться в них было все равно что трогать зараженную рану. Удовольствия это не несло — только муку. Некоторые последователи Слаанеш утверждали, что эти два ощущения — одно и то же, но Олеандр знал, что это не так.

Он пнул до сих пор конвульсивно дергающееся тело и отвернулся. Поблизости что-то застучало. Характерный стук серебристых конечностей был единственным шумом, которым сторожевые звери себя выдали. Несколько из них вырвались из неестественного подлесья и бросились к нему. Глупо было думать, что их будет всего трое. На этой планете неумеренность была такой же добродетелью, как и везде.

— Что ж, промедление смерти подобно, — произнес он, кидаясь им навстречу. Их было не меньше десяти, однако они двигались так быстро, что точно сосчитать не получалось.

Похожие на клюв морды стучали по его броне, пока он пытался пробраться через них. Гладкие когтеобразные отростки сдирали с керамика краску, а хвосты кнутами били по ногам и груди. Они пытались повалить его на землю. Он направил меч острием вниз,

разрезав пополам одно из ртутных существ. Вверх брызнул кислотный иxor. Затем открыл огонь из болт-пистолета, и взрывные снаряды пробили в его противниках несколько дыр размером с кулак.

Атака неожиданно прекратилась. Выжившие сторожевые звери разбежались так же быстро, как появились. Олеандр ждал, осматривая окрестности. Он убил троих, остальных кто-то отозвал, и он, кажется, знал, кто именно. До него донеслись резкий хрип дыхания в гуманоидные легкие и вонь искусственно созданной плоти.

Олеандр выпрямился и вложил меч в ножны, не протерев.

— Чего вы ждете, дети? — Он поднял болт-пистолет и показательно убрал его в кобуру. — Я вас не трону, если будете себя хорошо вести.

Он развел руки в стороны, подальше от своего оружия.

В поле зрения показались неестественные силуэты, не такие обтекаемые, как сторожевые звери. Несмотря на причудливость конечностей, двигались они бесшумно. Они были одеты в лохмотья, бывшие когда-то военной формой, а у некоторых ее дополняли не подходящие по размеру элементы боевой брони. Большинство держали в кривых лапах различное стрелковое оружие: стабберы, автопушки, лазганы и даже один пороховой джезайл. Остальные были вооружены ржавыми клинками самых разных форм и размеров.

Единственным, что их объединяло, была степень уродства. Из надбровных дуг и щек, а иногда и из истекающих жидкостью глазниц росли изогнутые рога из окаменевшей кости. Переливающуюся плоть покрывали участки густой шерсти или округлой чешуи. У некоторых не хватало конечностей, у других их было слишком много.

Когда-то они были людьми. Теперь же стали просто кусками мяса. Со всех сторон на него смотрели бессмысленные глаза. И их было гораздо больше, чем он ожидал. Подобным искалеченным отбросам всегда жилось тяжело, тем более здесь, и смерть была у них единственной определенностью.

— Ну вы и красавцы, — сказал Олеандр, — Я так понимаю, вы приветственный караул. Ну что ж, ведите меня, дети, ведите. День подходит к концу, тени все длиннее, и странные луны уж выплывают из тьмы. А путь неблизкий.

Похожее на козла существо в офицерской фуражке с козырьком рывкнуло что-то — видимо, приказ. Стая настороженно поволоклась вперед, сомкнувшись вокруг Олеандра. Это был явно не приветственный караул, но его это устраивало, и он позволил им увести себя дальше в город. Олеандр прекрасно знал дорогу, но не видел смысла начинать конфликт.

По пути стая то увеличивалась, то редела случайным образом. Группы бормочущих здоровяков исчезали в тенях, но на смену им вскоре приходили новые. Олеандр с отстраненным интересом изучал грубую геральдику новоприбывших. Когда он был в последний раз, они с трудом понимали, что такое одежда. Теперь же они изобрели примитивные знаки различия и раскололись на четко выраженные группы — или племена. Возможно, разделение было вызвано территориальными отличиями.

Кому бы они ни служили, его они боялись. Олеандра эта мысль грела. Ему всегда нравилось быть объектом страха — это было совершенно особенное ощущение.

С недавнего времени его окружали существа, уже больше похожие на людей. Они были облачены в тряпки, испачканные в чем-то пурпурном, и броню, отмеченную символом, который отдаленно напоминал старую крылатую лапу Детей Императора. Его это развеселило. Они даже не могли вообразить, как много общего у них было с воинами, которым они пытались подражать. И те и другие невероятно далеко ушли от идеала, задуманного их создателем.

Его веселье угасло, когда в поле зрения наконец оказался дворец. Изящные ярусы грациозно поднимались к пузырящемуся волдырями небу. Тут и там из изогнутых стен вырезали куски, чтобы вставить дополнительные источники энергии, вентиляционные решетки и оружейные позиции. Дворец напоминал прекрасный цветок, покрытый техноорганической плесенью. С широкого проспекта, который вел к главному входу, убрали весь мусор, но за ним, у внешних стен древнего дворца, теперь лежали трупы, выстроенные из обломков.

Несколько раз взгляд натыкался на конструкции, которые могли быть только варварскими алтарями, и статуи, украшенные сочленениями костей и подношениями, сшитыми из кожи и мяса. Мутанты тихо молились этим статуям, и в их молитвах постоянно звучали слова «Патер Мутатис» и «Благодетель». Отец мутантов.

Олеандру оставалось лишь гадать, радует ли объект поклонения эта любовь или раздражает своей примитивностью.

Когда Олеандр и его эскорт вступили на проспект, невидимые горны прогудели то ли предупреждение, то ли приветствие. Ветер набрал силу, неся с собой непрекращающиеся крики древних мертвецов, а вместе с ними — лай и вой отребья из трущоб. В воздух вдруг поднялась пыль, мгновенно скрыв окружающие руины. Олеандр сначала хотел надеть шлем, но передумал. В шлеме было сложно петь.

— Песня души моей, голос мой мертв, умри недопетой, как дождь непролитых слез...

Внезапно какофония из трущоб остановилась. Остались только призрачные крики и пение Олеандра, но и они утихли, когда послышались тяжелые шаги и хруст камней и костей под ними. Сквозь поднятую ветром пыль лишь смутно угадывались очертания приближающегося человека. Олеандр опустил руку к болт-пистолету.

— Уверяю тебя: это ни к чему.

Вокс-канал заполняли помехи от атмосферных возмущений, но Олеандр все же узнал голос и слегка расслабился. Пыль оседала. Вперед вышло что-то огромное.

Раньше силовая броня воина была раскрашена в белый и синий, но теперь она в одних местах облезла до серого, а в других побурела от крови и прочих субстанций. Черная плесень пыталась захватить изрезанный в боях керамит, как грязь захватывает снег. На нагруднике висело шесть черепов, покрытых трещинами и опутанных цепями. Другие цепи пересекали торс и руки космодесантника, словно что-то удерживали. Как и Олеандр, воин имел при себе снаряжение аптекаря, но он явно пользовался им чаще и под более сильным огнем. На бедрах висели два изогнутых фалькса.

— Ждешь меня? — спросил Олеандр. Он не убрал руку с болт-пистолета.

— Я слышал звериный вой, — ответил воин. Он поднял руки и отсоединил шлем. Замки зашипели, выпуская струи переработанного воздуха, и из-под шлема показалось знакомое, покрытое шрамами лицо. Когда-то, до бойцовых ям, он был красив. Теперь же походил на статую, которую использовали как мишень для учебной стрельбы, — И вот ты здесь. Поешь все ту же заунывную песню.

— Маски нет, маски нет, — пропел Олеандр финал.

— Выучи уже что-нибудь новое, — сказал воин.

— Ты никогда не любил музыку, да, Арриан?

Раньше Арриан Цорци служил Ангрону на полях битв Великого крестового похода, но теперь у него был другой повелитель. Олеандр считал, что Арриан сменил хозяина очень удачно.

Ангрон был нытиком и психопатом еще задолго до того, как сделал первые шаги на пути к демоничеству. Он был даже хуже блистательного Фулгрима, яркого, как солнце. Хозяин, которого ты выбрал сам, всегда лучше хозяина, назначенного тебе кем-то другим. По крайней мере, в этом случае некого винить, кроме себя.

— В изгнании тебе было бы лучше.

У Арриана был тихий голос, слишком тихий для него. Такой больше подходил какому-нибудь вырожденцу-аристократу из внешних миров, чем дикарю, обвешанному черепами и цепями. Это было сознательным притворством. Одним из способов контролировать зверя внутри.

— Я ушел по собственной воле.

— И теперь вернулся.

— Это проблема?

В случае чего он успеет сделать только один выстрел. Арриан мог двигаться немыслимо быстро, если это было нужно. Еще одно наследие лет, потраченных на преодоление болот из чужой крови на потеху кричащей толпе.

— Нет, — Арриан постучал пальцами по рукояти одного из своих мечей, — Сегодня я тебе особого зла не желаю.

Он погладил один череп, и нити кортикальных имплантов тихо забренчали.

— А они? — спросил Олеандр, показывая на черепа. Те когда-то принадлежали воинам из отделения Арриана. Все они пали от его руки. Когда гончая войны решала найти себе нового хозяина, кровопролитие было неизбежно.

— Мои братья мертвы, Олеандр. А потому их волнуют лишь

дела мертвых. Что насчет тебя?

— Я хочу его видеть.

Арриан посмотрел через плечо, затем опустил взгляд на свои черепа и постучал по одному.

— Вы правы, братья. Он наблюдает за нами, — сказал он им.

— Вот как? — произнес Олеандр и крутанулся, осматривая безлюдное пространство. Когда он вернулся в исходное положение, Арриан стоял прислонившись к арке. Олеандр даже не слышал, чтобы Пожиратель Миров двигался.

— Он всегда наблюдает, ты же знаешь. И снаружи, и изнутри, — сказал Арриан, — С возвращением в гранд-апотекарион, Олеандр Кох. Главный аптекарий ждет тебя.

Глава 2

Гранд-апотекарион

Их шаги отдавались гулким эхом в просторных помещениях разрушенного дворца. Олеандр и Арриан шли рядом — сначала мимо оборонительных точек, потом по залам. С тех пор, как Байл обустроил на Уруме свои лаборатории, планета несколько раз подвергалась атакам.

Воины шли в непринужденном молчании. Даже в лучшие времена у них было мало общих тем для разговоров. Теперь же Олеандр буквально чувствовал, как Арриан исподтишка его изучает. Прикидывает, наверное, какого размера плаха тому подойдет. Арриан всегда был предан идеалам Байла сильнее их всех, хотя и по своим причинам. Но чего еще ждать от пса войны?

— Новый меч? — спросил Арриан.

— Старый сломался.

— Ты всегда был с ними небрежен, насколько помню. Туонельский траурный меч. Хорошее оружие в руках хорошего воина, — Арриан склонил голову набок. — Откуда он у тебя?

— Трофей, — ответил Олеандр, — Его предыдущего обладателя пришлось застрелить.

— В спину?

— Разумеется.

Арриан рассмеялся. Звук напоминал скрежет тупого ножа по влажной плоти.

Консорциум — так называл его повелитель — никогда не был крепким союзом. Его члены не были братьями, разве что в образном смысле — все они были апотекариями, но из разных легионов и банд. Вместе их свело желание узнать больше о науке плоти, желез и органов от признанного мастера. Человеческое тело было загадкой, ключ к которой они мечтали подобрать, а потому пришли к величайшему специалисту в этой области, чтобы узнать все, чему он мог их научить.

Одни, вроде Арриана, провели здесь уже несколько веков даже с поправкой на то, как двигалось время в Оке Ужаса. Другие задерживались лишь на несколько месяцев или недель. Одни приходили за конкретным уроком, другие впитывали все, что знал хозяин лабораторий, как губка. А некоторые, коих было немного, не выучивали ничего и сами становились уроком.

Но из них всех Арриан Цорци всегда был самым опасным. Для воина он слишком часто улыбался и слишком быстро думал. Болевые кортикальные импланты только делали его еще более смертоносным хищником. Олеандр мечтал стереть улыбку с его лица — и хотя бы узнать, что за ней скрывается. Арриан был монстром, который отказывался это признавать, и неведомым образом был из-за этого только страшнее. Олеандр с некоторым усилием подавил желание. Он вернулся не для того, чтобы возобновлять старые конфликты.

Чтобы отвлечься, он принялся изучать окружающую обстановку. Если внешняя часть дворца была практически пуста, то с внутренней дело обстояло совсем наоборот. Когда-то в этих разнообразных комнатах проходили декадентские пиры, кровавые гладиаторские игры и разгульные оргии. Теперь в лабиринте залов этого противоестественного здания размещались апотекариумы и вивисектории, устроенные членами Консорциума. Дворец превратился в выставку гротеска, заполненную отвратительными звуками, запахами и картинами. Крики — и человеческие, и нет — эхом разносились по сводчатым коридорам и вдоль рядов герметично закрытых операционных. Их сопровождали звон хирургических

инструментов, шипение пневматических химических насосов и чьи-то приглушенные споры и обсуждения.

Из теней под арками на него смотрели лица — сначала с любопытством, затем с ненавистью. Он покинул это место не при лучших обстоятельствах. Многие приезжали на Урум в поисках безопасности — убежища, где можно было предаваться безумствам при подстрекательстве человека, развращенного больше любого из них. Некоторые — как полулюди снаружи — даже по-своему боготворили их благодетеля. Здесь обосновался культ гениальности, и к тем, кто его бросал, относились с презрением, если не с открытой враждебностью.

Лаборатории рядом с внешним дворцом были меньше, обитавшие в них аптекарии совсем недавно оказались в Консорциуме. За смотровыми окошками из бронестекла, установленными в дверях, Олеандр разглядел кладовую ужасов — результаты грубых операций и глупых экспериментов.

— Делать — значит учиться, — промолвил он.

Арриан покосился на него.

— А учиться — значит знать, — ответил он, заканчивая поговорку. У них это было шуткой. Попыткой рационализировать иррациональное.

— Ты еще не все забыл из того, что здесь выучил.

— Я ничего не забываю.

Арриан хмыкнул:

— Уж надеюсь ради тебя. Ты ведь знаешь, как он любит устраивать тесты.

Все это время по коридорам ползли и прыгали низкорослые мутанты, стараясь держаться подальше от легионеров. На них были рваные плащи, скрывавшие искривленные тела и шипящие дыхательные маски. Они носили в лаборатории различное оборудование, а при необходимости служили ассистентами на операциях. Олеандр лениво пнул одного, когда тот оказался слишком близко.

— Червяк пробирочный, — бросил он. Существо заскулило и попятилось.

Арриан встал перед ним.

— Прекрати. Они не твои игрушки, — его руки лежали на наверхних фальксов.

— Оно меня едва не коснулось, — сказал Олеандр, — Я не потерплю, чтобы меня трогало что-то столь... столь... утилитарное, — Он едва ли не выплюнул слово. Пробирочник даже в своем уродстве не был уникален. Все они выглядели одинаково, звучали одинаково, даже пахли одинаково. Словно их отлили из одной формы. Его это раздражало. Подобная банальность была для него анафемой.

— При этом со зверями снаружи ты с радостью пообщался, — сказал Арриан.

— Они хотя бы были разнообразными, — ответил Олеандр, скривившись. — К слову, я удивлен, что они еще не вымерли. Ты видел, что они там строят?

Арриан пожал плечами.

— Мы в их дела не вмешиваемся. Они начали создавать грубое подобие общества. Иногда даже войны ведут. Это по-своему забавно.

— А что думает повелитель? — спросил Олеандр, — Его позабавить так же легко, как тебя?

Арриан выразительно посмотрел на него.

— Главный аптекарий о них вообще не думает, Олеандр. Они — просто мясо, и единственная польза от них в том, что они служат ранней системой предупреждения. Зачем ты вернулся?

— Я же сказал, что хочу его видеть. А он явно хочет видеть меня, иначе мы бы здесь не стояли. Что насчет остальных?

В Консорциуме, как и в любой группе, были свои фавориты — те, в чьей полезности не приходилось сомневаться, или воины, бывшие перед Фабием в таком долгу, что не могли ему в чем-либо отказать. Олеандр до сих пор не был уверен, к какой категории относится Арриан.

— Скалагрим возглавил экспедицию на Велиал-IV — главный аптекарий Фабий желает построить там вторую базу, — ответил Арриан. Олеандр пренебрежительно хмыкнул. Скалагрим был двойным ренегатом и в лучшем случае ненадежным.

— А Чорт? — Чорт обожал создавать из плоти новые формы. Многие правители в Оке умоляли о возможности поохотиться на одного из его невообразимых монстров. — И старик Мальперт?

— Чорт исчез месяц назад, выполняя какое-то поручение главного аптекаря. Мальперт... погиб на Коразине, — ответил Арриан.

— Погиб? — переспросил Олеандр. В памяти всплыло лицо Мальперта — впалые щеки, затуманенные глаза и желтые зубы, стершиеся до пеньков. «Мальперт» не было его настоящим именем, а с брони была стерта вся символика. По мнению Олеандра, одно это выдавало его истинное происхождение.

— Мы все очень опечалены, — сказал Арриан, тон его голоса звучал при этом ничуть не печально, — Особенно Саккара.

— Саккара еще жив? — Этого Олеандр не ожидал. Саккара Треш возглавил истребительную команду Несущих Слово, напавшую на Урум. Они собирались принести голову Байла Темному совету из-за какого-то неизвестного оскорбления и, разумеется, потерпели неудачу. Урум пожирал демонов с той же легкостью, с какой пожирал людей, и отряд Саккары за несколько дней превратился из впечатляющего в жалкий. К тому моменту, как Консорциум атаковал, Несущие Слово чуть ли не молили о смерти.

Лишь Саккара не повредился ни разумом, ни телом благодаря своим познаниям в демономантии, и это была одна из причин, по которой Байл решил пощадить дьяволиста. В Оке демоны были частью жизни, и вполне благоразумно было пользоваться услугами специалиста по их вызову и изгнанию, даже если тот работал недобровольно.

— Ты удивишься, но подобные люди совсем не спешат встретиться со своими богами, — Арриан почесал подбородок. — Пару месяцев назад мы поймали его за попыткой вырезать бомбу. Он успел добраться до самого мяса, пока мы его не остановили.

Олеандр засмеялся. Саккара уже много лет пытался избавиться от химбомбы, которую Байл поставил между его сердцами. Когда бомба сработает — о «если» речи не шло, — от Саккары останется лишь лужа булькающей протоплазмы. Эта модификация была самой очевидной из всех, которым Байл подверг Несущего Слово, но главный аптекарь утверждал, что установил в своего самого

упрямого слугу достаточно имплантов, чтобы учесть тысячу и одно обстоятельство. Саккара тратил на их поиски все время, свободное от попыток поднять восстание среди последователей Байла.

— А верховный Цимисхий? — спросил Олеандр, когда они наклонились, проходя под растрескавшейся аркой, и вошли в место, раньше бывшее садом. Теперь здесь росла только причудливая красная трава. У развалин, оставшихся от фонтана, стояло шестеро гигантов в пурпурной броне, которая потемнела до синюшного цвета из-за въевшейся грязи и пренебрежительного отношения. Боевые автоматы «Кастеллаксы», ударные войска Легио Кибернетика. Над машинами мухами вились сервочерепы, жужжа ауспиками.

— Это отвечает на твой вопрос? — сказал Арриан. Олеандр заметил среди боевых автоматов две знакомые фигуры. Оба были легионерами, но один был облачен в тяжелую силовую броню более старой модели. Она была грязно-коричневой, не считая стилизованного железного черепа, сияющего на одном наплечнике. Олеандр слышал, что его изгнали с Медренгарда, но по этому поводу до сих пор шли споры и даже делались немалые ставки. Однако Консорциум приветствовал всех практикантов телесных наук, независимо от их происхождения.

Когда Олеандр и Арриан приблизились, один из «Кастеллаксов» неуверенно шагнул вперед и направил на них болтерные пушки. Стволы задрожали и начали вращаться, пока внутренние целеискатели рассчитывали расстояние до цели. Арриан ударил Олеандра ладонью по груди.

— Не шевелись. Они нервные. К их ударным механизмам подведены эндорфиновые насосы, вроде того. Цимисхий, брат, отзови его.

Цимисхий мгновение смотрел на них, словно раздумывая, не провести ли тренировку стрельбы по живым целям. Затем пожал плечами и открыл корпус возбужденной боевой машины, за которым обнаружилось бледное, как червь, получеловеческое лицо. Оно лежало в мешанине проводов и беззвучно открывало и закрывало рот, пока Цимисхий копался во внутренних механизмах. Затем лицо протестующе завопило, робот встал на одно колено и опустил орудия, а вопли сменились недовольными стонами.

— Подневольные мозги, — пояснил Арриан, — Он выращивает

их в лабораториуме, в восточном крыле дворца. Время реакции лучше, чем у стандартных боевых автоматов — во всяком случае, так говорят некоторые.

— Твое мастерство неизменно восхищает, — громко сказал Олеандр. Цимисхий повернулся к нему и наклонил голову, возможно, приветствуя. Или благодаря. Если появление Олеандра его и удивило, вида он не подал. Впрочем, Олеандр и не рассчитывал ни на какой особый прием.

— Ты вернулся, — сказал четвертый ренегат, — Я думал, ты умнее, Олеандр.

Саккара Треш почти не изменился с их прошлой встречи: худое лицо, длинные клыки. Багровая силовая броня видала лучшие времена. На ней почти не было участков, не покрытых строками неразборчивого, изобилующего завитушками почерка или кощунственными символами. Строки были взяты из ритуальных текстов, гимнов и доктрин, которые Саккара и его братья считали адекватной заменой здравому смыслу. На голой плоти выделялись операционные швы, следовавшие по изгибу черепа и линии челюсти. Байл установил в мозгу и челюстных мышцах Несущего Слово множество контролирующих имплантов, блоков подчинения и по крайней мере один миниатюрный осколочный заряд.

— А я думал, что ты уже взорвался, Саккара. Похоже, мы оба ошиблись. Вижу, ты до сих пор издеваешься над бедным Цимисхием.

Саккара улыбнулся.

— Мы обсуждали седьмой и пятнадцатый пункты речи Великого апостола Экодаса при его третьем обращении к Темному совету. Для Железного Воина Цимисхий на удивление набожен. Вам, конечно, не понять.

Олеандр посмотрел на Цимисхия. Тот, как всегда, не ответил. Насколько Олеандр знал, Железный Воин никогда ничего не говорил.

— Как минимум наш молчаливый брат вежлив, — сказал Арриан.

— Еще одно понятие, которое вам недоступно, — ответил Саккара. Арриан улыбнулся и погладил свой череп. Саккара встретил его взгляд и не отвел глаз. Обвинить Несущего Слово в трусости было нельзя.

— Идем, брат. Я проделал долгий путь, а время не ждет, — сказал Олеандр, прерывая напряженное молчание. — Он все еще пытается спровоцировать остальных? — спросил он, когда Арриан вывел его из сада.

Подстрекательство к измене было для Саккары единственным способом сопротивляться. Олеандр подозревал, что Байл держит у себя Несущего Слово не только для того, чтобы время от времени вызывать демонов, но и для выбраковки глупцов-предателей.

— Он достаточно давно обрабатывает Цимисхия. Как птица и гора из притчи, — ответил Арриан.

— Наверное, надеется, что наш молчаливый брат сорвется и найдет на всех нас орду механических убийц, — сказал Олеандр.

Внутренний дворец почти не изменился. Широкий коридор с гигантскими колоннами, исчезающими в тенях под крышей; обломки древних статуй; потускневшие фрески, изображающие сцены из жизни прошлых правителей Урума. Это место было пропитано печалью не в меньшей степени, чем ужасом. Сломленное величие оставалось величием.

Олеандр остановился перед одной фреской и вгляделся в переплетенные фигуры, пытаясь понять, где заканчивалась одна и начинались другие. Стены были покрыты пятнами. Немного старыми, но в большинстве своем новыми. Кровью и другими субстанциями. Олеандр расставил пальцы. Порой стены дворца говорили — когда ветер был сильнее обычного и толстый слой песка покрывал город. Прислушавшись, можно было различить песни, стоны, крики прошлых кутежей. Но сейчас он ничего не слышал.

— Они молчат с тех пор, как ты ушел, — сказал Арриан.

— Никто, кроме меня, их не ценил, — ответил Олеандр.

— Мы здесь, чтобы раскрывать тайны жизни, а не слушать жалобы мертвых, — возразил Пожиратель Миров, — Ты, может, и сбежал в прошлое, но мы все никогда не прекращали двигаться вперед.

Олеандр засмеялся:

— Здесь нет никаких «мы». Только он. Остальные — лишь источники сырья, пока не разобранные по частям, — Он посмотрел на Арриана, — Чему он научил тебя за время, пока меня не было?

Какие тайны ты раскрыл?

— Из числа тех, которыми я бы поделился с тобой, — никаких, — ответил Арриан. Его руки опустились к клинкам. — Но я с радостью их тебе продемонстрирую, если хочешь.

Олеандр покачал головой.

— Столько лет прошло, а ты до сих пор верен этому безумцу. — Он перевел взгляд обратно на фреску. — Интересно, не поэтому ли он держит тебя здесь? В плане хирургии ты действуешь скорее как мясник, и интереса к созданию монстров у тебя никогда не было. И тем не менее ты здесь и пользуешься неизменным расположением. Всегда готовый угождать.

Арриан не ответил. Бессмысленно было пытаться его спровоцировать, но Олеандр не мог не попробовать. Это было все равно, что наблюдать за спящим в клетке тигром и знать, что ему снятся кроваво-алые сны.

— Какого же зверя я мог бы из тебя сделать, брат, — тихо сказал он, — Какие прекрасные ужасы ты показал бы миру.

— Нет, брат. Я никогда не буду зверем, — сказал Арриан. Его голос звучал напряженно, а лицо стало каменным. Руки, лежавшие на рукоятках фальксов, слегка тряслись. Опутывающие его цепи тихо скрипнули, словно готовые в любой момент порваться.

Напряженное мгновение миновало. Олеандр склонил голову набок.

— Как ни приятно мне было с тобой пообщаться, я хочу его видеть. Отведи меня к нему, Арриан.

— Я это и делал. Он в лабораториуме, работает.

— Над чем?

— Над собой, — сказал Арриан и отвернулся. Олеандр секунду колебался, затем последовал за ним.

В центре дворца температура была заметно ниже. Охлаждающие установки громко пыхтели из укромных углов, наполняя коридоры холодным туманом с запахом антисептиков. Вокс-динамики и пиктеры на несущих колоннах и стенах гудели и жужжали. В гранд-апотекарионе ничто не ускользало от глаз и ушей. Где-то в темноте были монстры. Один раз путь им преградили какие-то неясные

силуэты, и Арриан жестом приказал Олеандру вести себя тихо. Существа беззвучно прошли сквозь туман, сверкая золотыми глазами. Пожиратель Миров поднял руку, и лабораторные устройства, встроенные в его наручи, с пронзительным воем ожили. Существа разбежались так же бесшумно, как появились.

— Что это? — спросил Олеандр.

— Пока — тестовые образцы, — ответил Арриан. Потом — как знать?

— Он теперь позволяет им свободно ходить по территории? При мне их запирали во внешних кругах.

Истинный размер дворца всегда был предметом споров. Он представлял собой лабиринт из концентрических кругов, одновременно меньших и больших, чем казалось с орбиты. Не одна группа самопровозглашенных исследователей исчезла во внешних кругах.

— Мы до сих пор так делаем, но иногда они выбираются. И возвращаются... иными, — сказал Арриан, — Его это заинтересовало, поэтому он не мешает им бродить по дворцу, а мы их изучаем, когда получается кого-нибудь поймать, — Он склонил голову набок, — К сожалению, это происходит нечасто, — Он оскалился в кривой улыбке. — Они умнеют, пока бродят в темноте.

Олеандр вдруг почувствовал тревогу и опустил руку к болт-пистолету. Чувство было приятное. Он скучал по дворцу и по ощущению, что за каждым углом прячется новый кошмар. К этому никогда нельзя было по-настоящему привыкнуть, и оно по-своему опьяняло.

Его внимание привлек звон оружия, раздавшийся по ту сторону надежно укрепленной двери, где на страже стояло несколько мужчин и женщин. Они были одеты в грязную военную форму, из защитного вооружения на них были лишь побитые панцирные нагрудники. Tактические пояса и патронташи дополняли образ оборванного планетарного ополчения. Но они не были обычными людьми. Мышцы на их руках и шеех вздувались, почти как у Астартес, а на щеках темнели вытатуированные серийные номера. От них воняло химикатами и другими, неизвестными ему веществами.

Гландовые ищейки. Новое человечество, созданное Фабием Байлом. Они были сильнее, быстрее, агрессивнее тех мимолетных

искр, что вспыхивали в тени Империиума. Первое поколение получилось в результате частичной имплантации геносемени. Вскоре примитивные прототипы были усовершенствованы, когда повелитель изобрел собственный тип геносемени, уступающий оригинальному, но потому реже убивающий носителя сразу же.

Они мгновенно пришли в боевую готовность. В их отрешенном взгляде была какая-то приводящая в замешательство сила: словно они были быками, по незнанию забредшими в стаю карнозавров. Давно уже на Олеандра так не смотрели, и он задрожал от восторга.

— В землях слабости и печали говорят, что бледные отголоски наших погибших братьев не ведают страха, — сказал он Арриану, — Мне грустно об этом думать.

Пока он говорил, одна из ищеек вышла вперед, преграждая ему путь к двери. Она скрестила на груди мускулистые руки и пристально воззрилась на них.

— Игори, — позвал Арриан.

Олеандру показалось, что в голосе Пожирателя Миров звучит странный намек на уважение, и его передернуло. Арриан мог сколько угодно относиться к этому существу как к ровне, Олеандр же не считал себя обязанным так делать.

— Ты из новых, — сказал Олеандр, смотря на женщину — Игори, как назвал ее Арриан, — сверху вниз. Он принялся и скривился. — Но я вижу, что ты из числа его работ. Отсюда чувствую запах.

Игори не ответила. Ее квадратное лицо было словно высечено из мрамора. Все в ней было идеально. Слишком идеально и слишком симметрично. Как будто она была лишь машиной из плоти и мышц.

— Где он? Отведи меня к нему, — приказал он.

Большинство людей боялись ему подобных. Даже самые сильные из смертных казались хрупкими рядом с ренегатом-космодесантником, особенно если тот был закален веками жизни в Оке. Но glandовые ищайки Байла не боялись. Во всяком случае, они не выражали страх так же, как обычные люди. Услышав его тон, она опустила руку к клинку, лежащему в ножнах на поясе. Остальные ищайки напряглись, готовые атаковать при малейшей провокации.

Олеандр усмехнулся. Он так давно не выпускал кишки игрушкам

повелителя, а они всегда умирали восхитительно долго. Он потянулся к рукояти собственного меча, но остановился, когда его постучали по наплечнику. Повернувшись, он обнаружил, что керамика касается один из клинков Арриана.

— На твоём месте я бы этого не делал, брат, — мягко сказал Арриан. — На данный момент она его любимица. Взгляни на её ожерелье. Что ты видишь?

— Зубы, — ответил Олеандр.

— Чьи? — промурлыкал Арриан.

— Пока они не мои, мне все равно, — сказал Олеандр.

— Ты никогда не отличался наблюдательностью, — Арриан наклонился к нему. — Это зубы космодесантников, брат.

Гландовых ищеек создали для охоты на космодесантников — точнее, на их геносемя. В бою один на один они никогда бы не справились со своей жертвой, но стая могла одолеть даже самого бешеного избранного Кхорна. Байл души в них не чаял. Он даже дарил их, когда у него было хорошее настроение. Их весьма ценили те, для кого малые запасы геносемени до сих пор оставались проблемой, — Железные Воины.

Олеандр отвел меч Арриана в сторону.

— Мне нет дела до того, откуда она их взяла. Ни один смертный не останется жив после того, как вздумал угрожать мне. Я сделаю из её кожи отличный плащ.

— Не сделаешь, — сказал Арриан, — Не тебе распоряжаться её жизнью.

Олеандр любезно закивал. Он больше не мог сдерживаться.

— Нет. Видимо, не мне.

Он развернулся, отбивая меч Арриана подальше, и прыгнул на товарища-апотекария. Они столкнулись, и Арриан отшатнулся. Олеандр выхватил меч из ножен как раз вовремя, чтобы парировать смертоносный удар фалькса.

— О, как я мечтал об этом! — сказал он. Гландовые ищейки отошли, не желая встречать между ними. Олеандр не обращал на них внимания. Какими бы яростными воинами эти смертные ни были,

силы были неравны, и они это понимали. — Тебя давно следовало проучить, Пожиратель Миров.

Арриан сделал шаг назад и раскинул руки в стороны.

— Так вперед, брат. Атакуй, раз я того заслуживаю.

Олеандр прыгнул. Их клинки встретились, разошлись и встретились опять. Меняя хват меча, Олеандр крутился, прыгал и делал новые выпады. Ему нравилось считать себя мечником, но он понимал, что уровень у него в лучшем случае удовлетворительный. Увы, среди воинов Третьего была распространена подобная претенциозность. Все хотели быть Люцием — смертоносным сочетанием формы и мастерства.

Аптекарские познания Олеандра давали ему преимущество в большей части дуэлей: он прекрасно знал, куда надо атаковать, чтобы искалечить или убить. Многие воины о таких местах даже не знали.

Но Арриан тоже знал эти места. И он лучше владел мечом. К тому моменту он достал второй фалькс и ударил мечами друг об друга.

— Давно у меня не было возможности попрактиковаться на ком-либо кроме мутантов, — сказал он. — Полагаю, мне следует тебя поблагодарить.

Олеандр оскалился и шагнул вперед, со свистом рассекая мечом воздух. Арриан заблокировал удар обоими клинками и вынудил его опустить меч.

— Помнишь, как мы сражались за право помогать ему, аптекарий Олеандр? До первой крови, ибо мы знали, как ценны. Но твоя ценность сильно снизилась. — Он не давал Олеандру поднять меч, прижав оружие к полу, и прежде, чем тот успел его высвободить, бросился вперед. Их головы столкнулись, и Олеандр выпустил меч.

Он отшатнулся. Что-то ударило его по ногам сзади. И без того потеряв равновесие, он упал на колено, и к яремной вене прижалось острое клинка. Игори смотрела на него сверху вниз. Он замахнулся для удара, и она отступила, убирая нож от его горла. Он заставил себя подняться, собираясь наброситься на нее, но Арриан помешал ему, ногой отбросив к нему его меч.

— Подними его, — сказал Пожиратель Миров, — Сперва мы закончим, а потом уже будешь искать новых противников.

Олеандр помедлил, но наклонился за мечом. Когда он выпрямился, встроенный в стену вокс-передатчик вдруг с треском ожил.

— Утихомирьтесь. Арриан, убери оружие. Игори, отойди. Вот умница! Я долго ждал нашего гостя и не намерен больше откладывать воссоединение. Апотекарий Арриан... собери всех в аудитории. Уверен, им будет интересно услышать, что побудило нашего блудного брата вернуться.

Голос из вокса принадлежал бывшему главному аптекарию и капитану-лейтенанту Детей Императора. Воину, известному также как Прародитель, Владыка Клонов и Свежеватель. Воину, которого Олеандр Кох когда-то называл своим повелителем...

Фабию Байлу.

Глава 3

Глава аптекариона

Святылище Фабия Байла было местом чудес и ужасов. Оно занимало самое большое помещение во дворце, до отказа заполненное механизмами жизни и смерти. Высокие потолки скрывались под гофрами и искрящимися проводами. Связки кабелей свисали, как лианы в джунглях, тянулись через весь зал или вились по полу. В альковах стояли встроенные боевые сервиторы с гироскопической платформой вместо ног. Когда Олеандр проходил мимо, они взводили оружие и провожали его мертвым взглядом.

В некоторых местах в древних стенах проделали дыры, чтобы пустить силовые кабели, кровяные насосы и питающие трубки. С несущих колонн и скоб на стенах тускло мигали люминесцентные лампы, освещая резервуары, где в питательном составе плавали скопления неживой ткани для исследований. Мутные глаза бездумно моргали из переплетения оптических нервов, а новорожденные сердца свисали со жгутов из мышц и вен, как фрукты с изогнутых веток. В воздухе воняло антисептиком, и где-то вокс играл бойкую мелодию, добавляющую залу ужасов жуткости. Произведение Кински, немного скрипучее от времени.

Мощные холодильные установки вдоль стен изрыгали в зал морозный туман, лишая воздух тепла и скрывая неопределенного

вида существ, которые шумно бегали по полу, негромко тараторя что-то непонятное. По всему залу были расставлены вокс- и пикт-камеры; они записывали все, что здесь происходило, и передавали записи на стоящие тут и там экраны, явно откуда-то позаимствованные. Олеандру предстало собственное изображение под сотней различных углов, но со всеми было что-то не так. Недоразвитых пробирочников тут было больше: они сновали по залу и бормотали что-то друг другу, подготавливая гигантскую коллекцию сырья, которая заполняла все свободное пространство.

Банки с каталептическими узлами, оккулобами и железами Бетчера стояли рядом со стальными стеллажами, на которых покоились оптоволоконные жгуты и протезы конечностей. Большинство из них, по-видимому, взяли у тел, свисавших с потолка на мясных крючьях. Их освеживали до самого черного панциря, а в некоторых случаях и дальше. В грудной клетке одного Олеандр заметил какой-то подрагивающий кокон, а другой явно использовали для выращивания кожных клеток. Пробирочники время от времени вскарабкивались на туши с обезьяньей ловкостью, чтобы отрезать кусок или проверить показания приборов.

Олеандр пробирался через лабораторию, следуя за хриплым голосом Байла.

— Начинаем со стандартного Y-образного надреза, сначала от центра в латеральном направлении... — Его слова акцентировались механическим жужжанием какой-то невидимой машины, приступившей к работе. Олеандр вздрогнул. Он слишком хорошо знал этот звук. Хирург Байла — паукообразный набор лезвий, пил, дрелей, ножниц, шприцов, который бывший главный аптекарь изобрел сам.

— После первого надреза хорошо заметны повреждения подкожных тканей, — Раздался влажный звук, с каким ломается череп ракообразного, — Обширная инфекция на реберном каркасе. Костяные наросты распространяются с впечатляющей скоростью. Дополнение: присутствует деформация кости.

В ноздри Олеандру ударил гнилой запах. Вонь горящих костей и плоти. Байл продолжал говорить. Олеандр наконец увидел его — полусидящего на операционном столе под мешаниной люминесцентных ламп и пиктеров.

Кожа на его груди была отогнута, и взгляду представал черный панцирь, располагавшийся под эпидермисом и дермой, в подкожных тканях. На нем виднелись передатчики крови и нейросенсоры различных размеров. Часть черного панциря отделили, и она теперь лежала на подносе, который балансировал на спине дрожащего пробирочника. Тонкие конечности хирурга висели над худым телом Байла, придерживая лоскуты кожи.

Фабий Байл почти не изменился с их прошлой встречи, несмотря на открытую рану в груди. Те же впалые щеки, спутанные волосы, холодные, пустые глаза. От него несло смесью из десятка запахов, не меньше: формальдегида, свернувшейся крови, резкой химической вони стерилизующих мазей. По усиленному обонянию космодесантника его вонь была, словно материальная. Олеандр закрыл глаза и медленно вдохнул, пытаясь разделить гнилой букет на составные части. Вонь Фабия могла работать как отчет о его состоянии.

Олеандр округлил глаза.

— Повелитель, вы...

— Я умираю, — Байл показал на себя рукой. — Ты это носом чувствуешь, да, Олеандр? Вонь гнилого мяса, запах консервирующих составов. От меня несет смертью, как и положено ходячему трупу.

Он улыбнулся, и рука Олеандра сама опустилась к мечу. Это была та характерная улыбка, которая больше подходила мертвецу, чем живому человеку.

— Для умирающего вы выглядите на удивление здоровым, повелитель.

— Не называй меня так, Олеандр. Я уже давно не твой повелитель. Если хочешь обращаться ко мне формально, используй мой ранг — главный аптекарий. Передай щипцы, пожалуйста, — Байл протянул руку. Олеандр помедлил. Подвижные конечности хирурга щелкали и жужжали со смутно различимой угрозой. Прибор нависал над Байлом, словно чрезмерно заботливый скорпион. Байл цокнул языком, — Олеандр, ты никогда не видел, чтобы человек сам себя препарировал? Врач, исцели себя сам. Щипцы, будь так любезен.

Олеандр взял инструмент и передал его. Байл залез в открытый живот и начал там ковыряться. Если ему и было больно, вида он не

подавал. Олеандр не знал, в силе воли причина или в мертвых нервах. За годы он повидал и не такое, но неведомым образом равнодушие Байла в сочетании с омерзительно стерильным запахом операционной вызвали у него тошноту. Ощущение было замечательное, пусть оно и отвлекало.

— Я умираю, — сказал Байл будничным тоном, — Медленно, но верно. Подозреваю, что умру в течение нескольких веков. Это тело — в течение считанных десятилетий. Оно у меня не первое и не будет последним.

Олеандр кивнул. За время, проведенное у Байла, он сам помогал не с одной трансплантацией мозга. Клонированные тела долго не жили, тем более учитывая любовь Байла к модификациям.

— Значит, скорость дегенерации растет?

В первые годы после Основания Дети Императора страдали от генетического заболевания, едва их не уничтожившего. Насколько Олеандр знал, Байл был последним живым носителем этой скверны.

— Постоянно, — ответил Байл, — А потому я перейду сразу к делу, уж извини: зачем ты вернулся, Олеандр? Что за гениальный план угнезвился в безвкусном комке плоти, который ты называешь сердцем?

— Возможно, мне просто не доставало ваших мудрых наставлений, повелитель.

Одна из насекомоподобных конечностей хирурга метнулась к Олеандру, и лезвие, установленное на конце, коснулось его яремной впадины. Воин замер.

— А я, возможно, не в настроении выслушивать твои любезности, — сказал Байл, — Отвечай. Или я добавлю твою гортань к своей коллекции.

Олеандр дипломатично сделал шаг назад и, потирая горло, произнес:

— У меня есть к вам предложение, повелитель. Взаимовыгодная сделка.

— Вот как? И что же ты можешь мне предложить?

— Эльдаров. — Байл не засмеялся. Олеандр решил, что это хороший знак, и продолжил. — Мир-корабль, принадлежащий

эльдарам. Слабый. Только и ждущий, чтобы его взяли.

Байл вернулся к операции. Олеандр прокашлялся. Некоторые обитатели банок смотрели прямо на него, и он ощутил восхитительно тревожную дрожь, представляя, как они там оказались. Иногда Байл не тратил время на умерщвление сырья. Они порой жутко шумели.

Олеандр снял с пояса трубку.

Это был подарок от знакомой демонетки. Она утверждала, что вырезала трубку из фаланги самого Конрада Кёрза. По длине та подходила и заканчивалась обломком чего-то похожего на коготь. На поверхности были аккуратно вырезаны гнусные слова, а вдоль всей длины были пробиты позолоченные отверстия. В эти отверстия вставлялись крохотные стеклянные пузырьки, висящие на шее Олеандра, после чего можно было вдохнуть различные приятные стимуляторы. Он вставил зеленый и засунул трубку в рот.

— Все сосешь эту дрянь? — заметил Фабий.

Олеандр сделал глубокий вдох.

— Зло есть добро, добро есть зло.

Он закашлялся, едва процитировав старый стих.

— Поэтичности в тебе не убавилось. Что там на этот раз? Вытяжка жиров из мягких костей новорожденных хрудов? Кровь и слюна донорийских хищников?

— Слезы ангела, — сказал Олеандр, — Я сам извлек их из его головы.

Он опять закашлялся и опустил трубку. Взгляд невольно скользнул к ране в животе Байла. Там виднелось то, чему не было места в здоровом теле. Пульсирующие комки плоти. Паутины раковых тканей, блестящие на свету. Байл точным движением перерезал нити и отделял испещренные опухолью куски, а затем отправлял в стоящие рядом контейнеры, чтобы исследовать в дальнейшем. Он изучал болезнь еще задолго до того, как Фулгрим завел свой легион в темноту. Похоже, Байл не приблизился к разгадке тайны с момента последней встречи с Олеандром.

— И чем же мне может быть интересен мир-корабль, Олеандр?

Олеандр моргнул, пытаясь сосредоточиться.

— Могу дать с десятков ответов, повелитель.

— Я попросил только об одном. И прекрати меня так называть. Это утомительно.

— Сырье.

— Хороший ответ. Но у меня нет в нем недостатка, как видишь. — Байл махнул рукой в сторону стеллажей с банками, наполненными ужасами. — Ты знал, что гигантские склепы Урума остались нетронутыми, когда эль-дары покинули эту планету? Тысячи мумифицированных тел, надежно спрятанных внизу, в темноте и тишине.

— Мумифицированные — это хорошо, но свежие лучше, — сказал Олеандр. Это было первым, что выучивали кандидаты в апотекарионе: свежие материалы всегда предпочтительнее утративших качество, особенно для физиологических исследований.

— И не только тела, — продолжил Байл, — Вместе с ними хранились миллионы тех необычных камней, которые эльдары так ценят. Помнишь Йидрис и то, как наши братья раскалывали их на части, чтобы попробовать скрытые внутри чудеса?

— Я помню, — ответил Олеандр. Он до сих пор, после стольких лет, чувствовал на языке вкус камней душ. Одна мысль о них заставила его изойти слюной. Он и не знал, что они хранятся внизу; с другой стороны, Байл всегда копил секреты, как скупец — золото. Задав один простой вопрос, он мог узнать больше, чем обычный апотекарий — имея целую лабораторию, но результатами ни с кем не делился и применял их лишь тогда, когда этого требовали обстоятельства, не раньше.

— Не сомневаюсь, — заверил Байл, — Здешние, к сожалению, разбиты. Мне не помешало бы немного целых. И... несколько других вещей. Твое предложение заслуживает внимания. Поздравляю, Олеандр, ты поживешь еще немного. А теперь, может, объяснишь, почему решил преподнести мне этот заманчивый подарок?

Олеандр помедлил. Следующий этап требовал осторожности.

— Блистательный Король в Радостном Отдохновении, — сказал он, — Вы слышали это имя?

— Это описание, а не имя, но да, слышал. Когда-то его звали Касперос Тельмар, насколько помню. Одна из шавок Эйдолона. Был

капитаном Двенадцатой роты, когда это еще имело значение.

— Для некоторых до сих пор имеет, — заметил Олеандр, — Не для меня, конечно. Но для некоторых. Я имею честь служить у Блистательного Короля главным аптекарием, а также одним из его Узников Радости.

— Уверен, честь эта сомнительна, — сказал Байл, — И кто такие Узники Радости?

— Лорды-командующие, но не имеющие привилегий и не пользующиеся уважением.

— Ты всегда был амбициозен.

— Где мы найдем кров, там и живем, — ответил Олеандр. — Блистательный хочет достичь апофеоза. Присоединиться к Повелителю Темных Удовольствий в его бесконечных празднованиях. Он планирует совершить достойное жертвоприношение — предложить Слаанеш чистые души в огромном количестве, — Он улыбнулся. — А мы оба знаем, что Принц удовольствий ценит души презренных эльдаров больше прочих.

— Знаем ли? Или это лишь одно из тех нелепых суеверий, которые идиоты с варпом вместо мозгов распространяют, выдавая за научные факты? — Одно из лезвий хирурга дернулось, — Верх глупости — приписывать мотивацию случайным процессам, Олеандр. Слаанеш — не «кто», а «что», а посему не может ничего ценить — тем более личностей.

Олеандр нахмурился. Байл придерживался необычной собственной веры, несмотря на все, что повидал. Пламя Великого крестового похода до сих пор горело в нем, пусть и тихо. Байл считал, что боги придуманы для глупцов и слабых духом. Он прокашлялся.

— Как скажете, повелитель. Тем не менее Блистательный верит, что скоро вознесется.

— А во что веришь ты?

Олеандр помолчал, осторожно подбирая слова.

— Я верю, что здесь есть возможность продвинуться. Мне продвинуться, если быть точнее.

Байл опустил обратно на стол.

— Собственная банда. Как же изменились твои приоритеты со времени нашего последнего разговора! Я почти разочарован.

— А ваши приоритеты, повелитель? Они изменились? — поинтересовался задетый Олеандр. В конце концов когда-то Байл тоже командовал бандами. И сейчас речь шла не только о власти.

— Мои приоритеты те же, что всегда, Олеандр, — сказал Байл, начиная зашивать рану на животе, — Моя работа. Человечество. Не в нынешнем виде, разумеется. Но душа его — человечество, каким оно должно быть. Доведенное до совершенства моей рукой, следующее моей воле. Эти новые люди будут процветать, распространяясь по всей Новой Ночи и неся свет моей мудрости в самые дальние ее уголки, — Он спустился со стола, — Свет, от которого ты отвернулся. Который ты бросил.

— Он оказался слишком ярким для меня, — сказал Олеандр.

Байл рассмеялся.

— И ты не первый. У многих для него кишка тонка. С другой стороны, пару минут назад у меня ее вообще не было.

Он охнул, когда хирургeon прижался к нему и вогнал крепежные клинки на место, подсоединяясь к позвоночнику и ключицам. Байл слегка ссутулился под его весом.

Олеандр вежливо улыбнулся шутке повелителя. Чувство юмора у Байла было черным и прихотливым, и окружающим оставалось только мириться с ним, если они не хотели стать его объектом.

Приятный дурман от трубки прошел так же быстро, как возник. Внутри зудело, и хотелось глотнуть еще. Зависимость тоже была подарком демоницы — одним из тех символов любви, которые могли преподнести лишь ей подобные, соединяя немного удовольствия и немного боли.

— Предложение интересное. Но какая же помощь нужна от меня? Мой старый товарищ Касперос наверняка может и сам атаковать столь удобную цель.

Пробирочники столпились вокруг Байла. Он взмахнул рукой, и вперед суетливо выбежали маленькие мутанты с броней в руках. Они вскарабкались на стоящие рядом лавки и на операционный стол и принялись одевать повелителя, ни на мгновение не переставая щебетать между собой на своем пронзительном языке.

— Эльдары коварны, — сказал Олеандр, приготовившись отодвинуться, если потребуется. — Их сенсоры на порядок лучше наших. Есть способы решить эту проблему, но у них имеются и немеханические методы нас обнаружить. У меня есть теория, что мы, благословленные вниманием Принца Удовольствий, испускаем определенную психическую ауру, которая эльдарам кажется отвратительной.

— Иначе говоря, они чувствуют ваше приближение, как добыча чувствует хищника на ветру, — сказал Байл. Его это, кажется, позабавило, — И? Разве твой новый повелитель не рад этому? Касперос Тельмар, которого я знал, пил страх, как сладчайший нектар.

— Он рад, но проблемы это не решает. Мир-корабль быстр. Он сбежит туда, куда флот Блистательного последовать не сможет. Вы знаете, о чем я.

По лицу Байла было видно, что он знает. Эльдары обладали технологиями подпространственного перемещения, недоступными человечеству. Они могли в мгновение ока перелететь из одного конца системы в другую. Такой способ путешествия был опасен, но не больше, чем продолжительная атака.

— Ближе к делу, Олеандр. Я начинаю скучать.

— Я знаю, что у вас есть много генетического материала, обладающего психической чувствительностью, — продолжил Олеандр. Он знал это, потому что время от времени сам помогал Байлу собирать его. Резервуары с питательной жидкостью в хранилищах Байла содержали сырье, собранное с целых народов, включая биологические пробы от ведьм и мутантов, всегда скрывающихся среди людей, — Материалы, которые можно использовать для достижения общих целей, если вы того пожелаете.

Байл подал знак, и пробирочники разбежались, хрюкая и чирикавая. Теперь он был облачен в полный комплект брони, но даже в ней выглядел худым, как скелет, и напоминал насекомое-паразита, прячущегося в скорлупе своей последней жертвы. Доспехи его давно уже не бывали в заботливых руках серва. Темно-аметистовый поблек, а в некоторых местах из-под краски проглядывал голый керамит. Один пробирочник вынес ему сложенную стопку темной кожи, и Байл накинул ее на себя с почти высокомерным изяществом. Плащ из кричащих лиц, отобранных у мертвых и умирающих, был

единственным проявлением его тщеславия.

Олеандр некоторое время смотрел, как лица растягиваются и изгибаются при каждом движении Байла.

— Ты знаешь, как найти этот мир-корабль? — спросил Байл спустя некоторое время.

— Да. Найти его несложно. Проблема — незамеченным подобраться для атаки. И моих скромных умений для ее решения не хватает. — Олеандр поклонился, — А потому я приполз обратно с обнаженным горлом и поднятыми руками, чтобы умолять вас о помощи, о мой повелитель.

— И опять это слово. Ты не мой раб, Олеандр. Уважай себя хоть немного. И все же... интересная задача. И заманчивая награда за ее решение, — Байл несколько секунд разглядывал его. — Я уже много месяцев не покидал базу и так долго не использовал свои инструменты, что они, должно быть, притупились. Между тем славные сражения моей молодости вспоминаются со все большей ностальгией... как и крики скота, когда берешь у него образцы для исследований.

— Значит, вы поможете мне, повелитель?

— Это значит, что я подумаю над этим, Олеандр.

Фабий отвернулся от своего бывшего ученика, борясь с улыбкой, которая грозила показаться на землистом лице. Он оперся на диагностический стол и сделал вид, что изучает раковые образования, извлеченные из собственных внутренностей. Предложение выглядело достаточно простым. Уже это вызывало у Байла подозрения. Ничто никогда не было просто. Изыскания давно его этому научили.

Олеандр принес ему интересную задачу. Байл видел не меньше десятка решений, и ни одно не требовало отправляться на старый мир, рискуя жизнью, если не хуже, чтобы спросить совета у бывшего повелителя. Зачем тогда он приехал? Чтобы протянуть оливковую ветвь? Извиниться за прошлые проступки? Но речь шла об Олеандре, поэтому Байл тут же отметл эти варианты.

Олеандр присоединился к нему одним из первых. Одним из первых понял, чего Байл пытается достичь. Многие аптекарии под его командованием слишком легко становились рабами мимолетнейших прихотей. Они не выдерживали груза возможностей

и уединялись, чтобы проводить ненужные операции над собой или другими исключительно ради удовольствия. Но не Олеандр. Олеандр прекрасно видел, какие дороги им открываются, и присоединился к Байлу в его трудах. Пока не решил использовать плоды этих трудов в своих интересах и не был изгнан за эту наглость.

В каком бы состоянии ни находилось тело Фабия, разум работал безупречно. За микросекунды он составил список возможных ответов, проанализировал их и отбросил ненужные. Ловушка? Может быть. Остатки Третьего легиона особой любви к нему не питали, несмотря на все, что он для них сделал. Сам Фулгрим назначил награду за голову своего бывшего аптекаря. Впрочем, после катастрофы на Коразине желающих получить ее поубавилось. Не говоря уже о Граде Песнопений.

Он закрыл глаза, вспоминая, как умирающий фрегат врезался носом в сердце их цитадели. В тот день потери не ограничились одним миром. Третий легион перестал существовать как единая сущность, когда Эзекиль Абаддон решил покарать Байла за попытку исправить ошибки прошлого. Он сжал кулаки. В тот день Разоритель оправдал свое прозвище. Больше века работы оказались уничтожены одним не в меру ретивым бандитом в обносках своего генетического отца.

Но в эти дни его враги были многочисленны и разнообразны. Они носили все цвета, не только черный или пурпурный. Темный Совет Сикаруса, Лернейские агенты, альянс толийских ульев... все хотели убить его или, что еще хуже, подчинить. Прошлые ошибки и промахи не отпускали его. Он никогда не стремился к узам братства, и теперь за это приходилось платить. Он подумал об огромных биохранилищах, спрятанных глубоко внизу, и тысячах геносемян, которые там содержались. Что бы он ни натворил, многие по-прежнему считали его выдающимся специалистом в своем деле. Пока что его услуги, благодаря которым предательские легионы до сих пор не обратились в ничто, обеспечивали ему безопасность.

Но он подозревал, что скоро этого окажется недостаточно. Он не был единственным в этой области, лишь величайшим, и приближались времена, когда потребность в количестве перевесит стремление к качеству.

Где-то в области почек вдруг кольнуло так, что он моргнул. Фабий мыслью активировал хирургеон, и шприц ввел ему в шею

мягкий стимулятор. Он коротко выдохнул, а хирургeon тихо щелкнул, радуясь, что помог.

Он лично создал это хитроумное устройство. Оно держалось за его плечи и позвоночник с такой силой, что Байл порой сам удивлялся, а паучьи конечности иногда казались разумными. Учитывая все, что было известно об Оке, следовало ожидать, что устройство со временем обретет подобие разума. В конце концов, хирургeon был запрограммирован учиться — вопрос был лишь в том, чему он учится.

Изредка, когда Байл позволял себе вздремнуть, ему снилось, как устройство отделяется от него и бежит по аптекариону, проводя собственные исследования и улучшая себя. А иногда, оставаясь наедине с самим собой, он начинал подозревать, что его нерегулярные вспышки боли — это работа хирургеона, а не симптомы изнашивающегося организма.

Байл отбросил эту мысль. У локтя что-то хрюкнуло, и он посмотрел вниз. Чуть позади жался пробирочник и, громко сопя, протягивал ему ларец из бронзы и кости. Внутри лежал посох, увенчанный черепом. Байл со вздохом взял оружие, которое издавало зловещее, жадное гудение. Оно страстно хотело, чтобы им воспользовались.

Посох Мучений был артефактом, выкованным в адском пламени, более древним, чем даже Урум. Когда-то он принадлежал демоническому принцу Ш'лакклаку. Байл лично забрал его из растворяющейся лапы так называемого Маркиза Увечий и позже переделал под себя, избавившись от излишней вычурности. Посох работал как усилитель: малейшее прикосновение погружало в невыносимую агонию даже самого крепкого противника.

На его взгляд, оружие было несколько примитивно, но оно оказалось весьма полезным, когда требовалось успокоить буйных объектов исследований или защититься от врагов. Кроме того, оно наполняло его силой, которой ему так не доставало. Неприятный симбиоз, но в текущих обстоятельствах необходимый. Чтобы видеть солнце каждый день и не терять будущее в настоящем, требовалось идти на компромиссы.

— Благодетель, — раздался тихий голос. Байл оглянулся и заметил неподалеку Игоря, держащую в руках похожее на пистолет

оружие в кобуре. Для нее было честью и удовольствием помогать ему с экипировкой — во всяком случае, она так утверждала. Как и Олеандр... как и все его создания, она отличалась невероятной амбициозностью. Но на что годился лишенный амбиций человек? Разве что на службу сервитором. Только амбициозные могли достичь совершенства, ибо только они хотели его найти.

Он повернулся к ней и поднял руки. Она с улыбкой подошла и повесила кобуру ему на пояс. Отведя в сторону плащ, она погладила его, и он едва сдержал смех. Она была умным созданием — и любознательным, хотя он не закладывал в нее пытливость. Непредвиденное свойство, но не отрицательное. По его опыту, нежданное не равнялось нежеланному. Он давно раздумывал, не передать ли часть знаний своим творениям на случай, если произойдет худшее. Дело должно продолжаться и после смерти основателя — несчастный случай ли его убьет или враги.

Когда Игори закончила, он достал игломет «Ксиклос» из кобуры. Его он тоже изобрел сам. У Фабия часто возникала потребность испытать новый химический состав в боевых условиях. Даже малейшая царапина от иглы могла свести с ума или убить, в зависимости от используемого вещества. Он прицелился в никуда, проверяя координацию между руками и зрением. Затем навел оружие на Олеандра, и тот вздрогнул, но не более.

Байл некоторое время разглядывал бывшего ученика поверх ствола, подмечая немногочисленные перемены, которые произошли в его внешности с их прошлой встречи. Глаза стали маслянисто-черными, клыки удлинились, а лохматые, давно не стриженные волосы отливали металлом. Он был похож на одичавшего ангела. В Оке Ужаса такие незначительные изменения были нормой; все, кто долго подвергался его необычному воздействию, словно бы начинали быстрее эволюционировать. Эволюция была непредсказуемой и нередко бесполезной — отчасти поэтому Байл старался подвергаться излучению как можно реже. Вместе с комплексом из лекарств, ментальных тренировок и исследовательской хирургии это помогало не обрастать лишними конечностями.

Опять кольнуло, на этот раз в груди, но он проигнорировал боль. Она была знаком, что тело работает, и беспокоиться он начнет, только когда она прекратится. Он бросил взгляд на контейнеры с амниотической жидкостью, занимавшие противоположную стену. В

специально разработанных биомеханических утробах плавали смутные, но прекрасно знакомые силуэты.

Пока они спали в питательном растворе, но были готовы проснуться, как только потребуется. Как только он потребует. Подобные хранилища были разбросаны по всей галактике, и сторожили их верные слуги, чьи имена знал только он. В конце концов, его имя звучало на тысячах миров, и глупо было бы не использовать такую репутацию. Предусмотрительность была сторожевым псом гениальности.

Он не родился в теле, которое сейчас использовал; эта оболочка даже не была у него третьей или четвертой с тех пор, как он покинул Терру. И она не станет последней, если только исследования вдруг не увенчаются успехом в ближайшее время. Тело уже изнашивалось, скорость реакции несколько снизилась, незначительные повреждения заживали дольше обычного, а чувства притупились. Не говоря уж об опухолях, которые покрывали почти все жизненно важные органы, как балянусы, мешая их работе. Порой хирургу с трудом удавалось поддерживать его на ногах.

Он не боялся смерти, мысль о ней скорее вызывала досаду. Все живое рано или поздно умирало — такова была природа биологического процесса. Без смерти не могло быть жизни, бессмертие же в лучшем случае было бесплодной затеей, а в худшем — проклятием. Самое большее, на что можно было надеяться, — это прожить как можно дольше.

— Пока моя работа не будет закончена, — тихо сказал он. Возможно, когда-то эти слова были молитвой, воззванием к некой высшей силе. Теперь они лишь сообщали о его намерении.

— Повелитель? — спросил Олеандр.

— Я ничего не говорил, — Байл убрал игольник в кобуру, — И не называй меня так.

Богов не существовало. Не существовало никаких высших сил. Ни перегонные кубы, ни безумие космических штормов не могли породить божественную силу, и не было ничего менее похожего на богов, чем явления, которые люди ими называли. Абсурдность человеческих идей порой его поражала.

Байл не был богом и слишком уважал себя, чтобы принимать этот пустой титул. Нет, он хотел быть тем, что всех этих жалких

богов породило. Главной вселенской истиной, смыслом всего существования. У него был долг перед собственным будущим: заставить человечество сделать последние шаги на своем долгом пути и занять положенное ему место во вселенной. Место, уготованное ему Байлом.

Галактика сгорит, но из ее пепла восстанут новый мир и новые люди, благодаря ему не ведающие слабости.

Но для этого требовалось время, которого у него не было.

Он опустил взгляд на Игоря — лучшую из своих детей, жемчужину, найденную в грязи. За прошедшие годы она из дикарки превратилась в трансчеловека, почти догнав их по росту. Он протянул руку и нежно провел пальцами по линии ее челюсти. Она подалась навстречу его руке, смотря на него глазами, горящими от чувства, которое он принял за счастье.

— Ты станешь матерью новой расы, дорогая моя. Так или иначе. Обещаю.

— Я живу, чтобы служить вам, Благодетель, — сказала она.

Он рассмеялся. Он почти готов был ей поверить, когда она так мило говорила.

— Я знаю. Я об этом позаботился, — Он взглянул на Олеандра, — Расскажи мне об этом твоём мире-корабле. Как он называется?

— Лугганат, — ответил Олеандр, — Они называют его Лугганат.

Глава 4

Братство монстров

Байл шагал по коридорам дворца, а Олеандр и glandовые ищейки следовали за ним. Олеандр время от времени поглядывал на Игорю и ее товарищей по стае. Если Байл прикажет, они без раздумий набросятся на него. Он не сомневался, что выживет в этой драке, но на убийство всех потребуется время, которого у него не было. Игоря отвечала на его взгляды каменным выражением лица. Возможно, она думала то же самое.

— Олеандр, ты слушаешь?

Внимание Олеандра метнулось обратно к своему бывшему повелителю.

— Да, — сказал он на автомате. Байл остановился и развернулся. Его лицо исказила кривая улыбка.

— Нет, не слушал. В этом твоя проблема. Ты никогда не слушаешь. Не думай, что если я до сих пор тебя не убил, то буду и дальше терпеть твои недостатки, как делал это в прошлом. Слушай меня, или я прикую тебя к скале и использую твои кости в качестве источника полезных веществ.

— Я слушаю, повелитель. Каждое ваше слово отдается в моей душе, как речь самого Фулгрима, — ответил Олеандр. Он отвесил изысканный поклон, и Байл хмыкнул. Развеселить главного аптекаря было непросто, но дело того стоило. Благодаря этому он до сих пор был цел, в то время как куда лучшие люди отправлялись на операционный стол Байла для вскрытия.

— Хорошо, — сказал Байл. Он протянул посох и поднял подбородок Олеандра, — Я обдумал твое предложение и решил, что делать. Ты представишь его перед Консорциумом. Если кому-то среди них оно покажется интересным, я предприму соответствующие действия.

— А если никому не покажется?

— Если никого из Консорциума оно не привлечет, я разберу тебя на составные компоненты и забуду твое имя, — ответил Байл, — Тебя изгнали не просто так, Олеандр. По справедливости

обоснованным должно быть и наказание, — Олеандр отступил, потирая подбородок, но Байл шагнул вперед и наклонился к его лицу. — Без правил мы лишь варвары. Ты согласен?

— В пользу варварства можно много чего сказать.

— Да. В основном нечленораздельного. Побеждает тот, кто рискует. Вернувшись, ты многим рискнул — почему бы не искутить судьбу еще немного, а? — Байл внимательно посмотрел на него. Глаза главного аптекаря неестественно блестели.

Олеандр нахмурился. Итак, Байл решил устроить представление, чтобы посмотреть, как его унижают. Нет, не представление, а тест. Как напомнил ему Арриан, Байл любил устраивать тесты. О его играх ходили легенды. Почти все члены Консорциума так или иначе побывали жертвами его нездорового внимания, но тому, кто оказывался на другом конце скальпеля, от этого было не легче. Байл не мог удержаться от копаний в мозгах и душах своих последователей. Казалось, он ищет что-то, но никогда не говорил, что именно.

Что ж, если Олеандру решили устроить испытание, он его пройдет. Он улыбнулся.

— Почему бы и нет? Посмотрим, насколько можно растянуть эту нить, пока она не порвется.

Аудитория представляла собой большой зал, вырезанный в центре дворца. Когда-то он служил ареной, и на его пол постоянно проливалась кровь. Массивные колонны поддерживали треснутый каркас крыши. Центр зала окружали полукруглые скамьи, поднимавшиеся от пола до самого верха. Из-под перекошенной плитки и потрескавшихся стен выбивалась скудная растительность, обвивавшая скамьи. Стены раньше покрывали резные изображения, одновременно непристойные и жуткие, но их стесали, чтобы освободить поверхность для диагностических экранов и гололитических проекций, дабы члены Консорциума, занятые важными экспериментами, могли участвовать в собраниях, не покидая лабораторий.

В центре зала поставили высокую платформу, а вокруг нее располагались массивные экзаменационные помосты, покрытые старыми пятнами. Именно здесь Фабий нередко преподавал свои самые актуальные уроки, и именно здесь члены Консорциума

собирались, когда что-то требовало их внимания. По сути зал был командным пунктом, замаскированным академической терминологией. В вопросах, которые касались их всех, Байл стремился выглядеть эгалитаристом, однако главным аптекарием двигало не великодушие, а желание таким неявным способом продемонстрировать свою власть. Те, кто открыто не соглашался с ним, нередко изгонялись, если не хуже.

Некоторые скамьи были заняты. Аптекарии-ренегаты из самых разных легионов и банд сидели или стояли в ожидании. Их было тридцать, не считая сопровождающих рабов, телохранителей и сервиторов. Олеандр увидел несколько знакомых лиц — братьев из Третьего легиона. Другие были новичками. Члены Консорциума свободно приезжали и уезжали, если только Байл был не против.

Все они, независимо от происхождения, носили какие-нибудь знаки своей профессии: плащи из кожи в подражание своему лидеру, костяные украшения, ранцы с хирургическими дендритами, следы экспериментов над собой. Эти эксперименты нередко выходили за рамки косметических улучшений и вторгались в область безумных прихотей. Нартециумы жужжали и щелкали, внутренние сенсоры брали пробы воздуха и тайком снимали биопоказатели. Беспощадно модифицированные сервиторы и писцы-мутанты стояли за своими хозяевами, терпеливо фиксируя наблюдения. Работа не прекращалась даже ради таких собраний. Повсюду висели сервочерепа, записывая происходящее, чтобы Байл мог в дальнейшем все изучить. Тех, кто не демонстрирует должную заинтересованность, накажут — или повысят, в зависимости от его настроения.

Запах Консорциума волной обрушился на Олеандра, следующего за Байлом к платформе. В зале воняло химикатами, гнилым мясом и старой кровью. Но это был запах не скотобойни, а открытия. Вонь исследований. Не было такого места, где тайны жизни и смерти изучали бы более тщательно. Здесь, в этих залах, порождали и низвергали новые расы богов и монстров. Олеандр почти соскучился по этому запаху.

Игори и остальные glandовые ищейки по традиции встали у дверей, нацелив оружие на собравшихся аптекариев. Жест был скорее символическим, но возражали немногие. Во всяком случае, больше одного раза. Никому не позволялось уйти прежде, чем будет принято решение. Те, кто пытался, часто оказывались в нескольких

резервуарах Байла одновременно.

Байл занял свое место на платформе и три раза стукнул посохом об пол, пока все взгляды не устремились на него.

— Братья, послушайте меня, — сказал он, — Нам нужно обсудить достаточно важное дело. Выйди вперед, Олеандр Кох. Выйди вперед и предстань перед Консорциумом.

Олеандр поднялся на платформу, и все затихли. Он окинул собравшихся взглядом, сразу же заметив Арриана и остальных. Саккаре явно не хотелось сидеть здесь, среди тех, кого он считал еретиками. Арриан развалился на скамье, тихо разговаривая со своими черепами. А Цимисхий... был Цимисхием. Непроницаемым, как железная стена.

— Говори, Олеандр, — сказал Байл, жестом вызывая его вперед. — Убеди их, если сможешь.

Олеандр прокашлялся и положил ладонь на навершие меча.

— Приветствую, братья. Давно мы не виделись, — сказал он. На скамьях зашептались. Олеандр подождал, когда наступит тишина, и продолжил: — Мы многое пережили вместе, братья мои. И везде, от полей войны на Терре до морей Гнозиса, мы искали истину. Когда Град Песнопений сгорел, мы потеряли знания, которые собирали сто лет, если не больше, а вместе с ними — и многих наших братьев. Их убили дикари, шайка убийц под предводительством хтонийского варвара. Но мы не сдались. Мы восстали из пепла, вознеслись к небесам на крыльях великих замыслов.

— Ближе к делу, — сказал один из аптекариев. Поверх доспехов он носил плащ с капюшоном из растянутой и покрытой швами кожи. До сих пор работающие капилляры блеснули, когда он нетерпеливо махнул рукой.

Многие присоединились к требованию. Консорциум никогда не был степенной организацией. Он состоял из безумцев, связанных узами лжи и злобы и готовых идти по головам товарищей в поисках личного совершенства. Они терпеть не могли, когда их даже на мгновение отвлекали от экспериментов, — еще одна манера, перенятая учениками у учителя. Олеандр покосился на Байла и задумался, в чем состояла цель этого теста. Байл махнул рукой, и Олеандр продолжил:

— И именно эти замыслы привели меня к вам. В пустоте нас ждет никем не охраняемая сокровищница с сырьем — мир-корабль злокозненных эльдаров. Я предлагаю его вам, взамен прося лишь помочь с его захватом.

Апотекарии замолчали. Мир-корабль стоил нескольких секунд раздумий. Затем начала активно проявлять себя подозрительность.

— А что ты от всего этого получишь? — спросил аптекарий в красной броне, которая изгибалась, как кожа. На генераторе были закреплены шипящие лекарственные насосы, а из решетки шлема валил причудливо окрашенный дым. Позади него стоял массивный сервитор, утыканный контейнерами с химикатами. Рот ему заменял дозатор, в котором булькали многочисленные банки. Сервитор задрожал, когда его хозяин вытащил из насоса опустевшую банку и взял новую из пасти раба.

— Радость вновь сразиться бок о бок со своими братьями, Горел, — ответил Олеандр. По залу прошел презрительный смех.

— Скорее радость покопаться в наших трупах, — парировал Горел. Он был угрюмым воином, которого интересовали лишь сила и эффекты его химических составов.

— Как было со Скарипидом, — добавил кто-то. Этот аптекарий носил поверх силовой брони покаянную рясу, которая скрывала все, кроме змееподобных дендритов, извивающихся вокруг него. Внезапно один из дендритов напрягся и ввел заостренный кончик в покрытую шрамами плоть раба, сидящего на корточках неподалеку. Дендрит извлек какое-то вещество, служившее рабу кровью, а второй раб между тем наклонился вперед, подставляясь для татуировки, которая зафиксировывает мысли ее хозяина.

Олеандр почти физически ощущал враждебность, исходящую от собравшихся аптекариев. Им совсем не хотелось вспоминать, что случилось со Скарипидом, хоть это и было необходимо. Он был лернейским агентом, но многим нравился. Никто не винил сынов Альфария за естественное для них поведение. И никто не хотел думать о том, что в конечном счете все они были расходным материалом в глазах своего лидера.

Со скамьи встал аптекарий в темной броне Повелителей Ночи. Его костяные украшения при этом стукнули по керамиту, а телохранители нетерпеливо зарычали, приподняв козлиные губы и

показав обломанные клыки. Козлоголовые мутанты опустили руки к свежевательным ножам и задрожали, готовые атаковать по первому приказу.

— У тебя здесь нет братьев, Олеандр, — сказал он. — А если и были, ты их зарезал. Как мы нарежем тебя, после чего скормим твои потроха зверям, которые бегают вокруг.

Для большей выразительности он активировал дрель на нартециуме, и его собственные монстры завывали, изнывая от голода.

— Сначала надо вытащить железы, Дуко, — сказал Горел, — Готов поспорить, прогеноиды у него еще хорошие.

— Если ты берешь их, то я — железу Бетчера, — заявил аптекарий в покаянной рясе.

— Бери что хочешь, но мукраноид мой, Мараг, — сказал прокаженный монстр с грязными бинтами на голых руках и шприцами на кончиках пальцев. Он широко улыбнулся, демонстрируя сгнившие дочерна зубы. — И еще образец кожи, пожалуй.

— Я забираю мозг, но готов поделиться, — прорычал Дуко, Повелитель Ночи, — Каждому на один укус, что скажете? — Он огляделся по сторонам, — Что-то ценное в его больном разуме должно быть, иначе бы Байл его не пощадил...

Олеандр напрягся, слушая, как его препарируют на месте. По залу разносились жужжание дрелей и щелканье лезвий. Байл улыбнулся ему:

— Видишь, как они по тебе соскучились? — сказал он, — Не бойся, я не подпущу к твоему мозгу ни Дуко, ни кого-либо другого. У меня на него такие... интересные планы.

Байл ударил посохом, когда крики усилились. Аптекарии почти одновременно затихли.

— Братья мои, не отвлекайтесь. Вы выслушали предложение аптекария Олеандра. Пришло время оценить его. Кто выйдет вперед и присоединится к нашему блудному брату в его пути? — спросил Байл.

Олеандр чувствовал, что все аптекарий в зале смотрят прямо на него. Он не был колдуном, но определить их мысли не составляло

труда. Для большинства он был всего лишь мимолетным раздражителем, отвлекающим от экспериментов. Для остальных — набором запасных деталей. Вторая категория разглядывала его с жадностью и уже мысленно разрезала его на части согласно своим правилам. Ему начало казаться, что это был не тест, а начало казни.

Повисла долгая тишина. Олеандр разглядывал членов Консорциума, гадая, сумеет ли во второй раз в жизни пробить себе путь на свободу. Даже если получится, шансы добраться до корабля были невелики. Во всяком случае, целым и невредимым.

Цимисхий встал, и воцарилась тишина. Железный Воин, сопровождаемый взглядами всех присутствующих, медленно подошел к Олеандру и тяжело положил ему на плечо руку в латной рукавице. Железные пальцы сжались, и толпа недовольно выдохнула. Олеандр посмотрел на товарища-апотекария.

— Брат? — спросил он.

Цимисхий кивнул и повернулся к толпе.

Затем поднялся Арриан.

— Эх, не могу допустить, чтобы наш нежный Цимисхий отправился туда один. Кто знает, что с ним случится, если никто не будет за ним присматривать. — Он прошел к платформе, держа руки на навершиях мечей, — К тому же я давно не пробовал эльдарской плоти.

Байл одобрительно кивнул.

— Отлично. Еще кто-нибудь? Саккара? — Он махнул рукой, и Саккара поднялся. — Думаю, тебе стоит к нам присоединиться. Не возражаешь?

Несущий Слово встал перед Байлом и плюнул ему под ноги. Байл рассмеялся:

— Как вижу, нет.

Главный аптекарий ударил посохом по платформе.

— Предложение принято. Остальные вольны возвращаться к своим экспериментам. Горел, ты будешь командовать аптекарионом, пока я не вернусь.

Горел удивился и тут же дернулся вперед. Аптекарии молча

покидали аудиторию, бросая в его сторону злобные взгляды. Олеандру оставалось лишь гадать, чем Горел заслужил гнев Байла. Шансы дожить до их возвращения у него были небольшие.

— Отлично, Олеандр. Тебе удалось сохранить свою шкуру. На время, — сказал Байл, когда последний член Консорциума покинул зал, — Я знаю, зачем тебе нужна моя помощь. Теперь, полагаю, пришло время поделиться с товарищами первым этапом своего смелого плана?

— Разумеется, повелитель, — ответил Олеандр, — Нам нужен проводник, способный провести нас туда, где жертва обитает в данный момент или куда может сбежать.

— В таком случае ты зря сюда приехал, — сказал Саккара. — Сомневаюсь, что кто-либо из присутствующих знает, как найти твой мир-корабль, если, конечно, Цимисхий ничего не скрывает, — Он взглянул на Железного Воина, и тот пожал плечами. Несущий Слово постучал пальцем по одному из символов на своих доспехах, — Я мог бы попросить помощи у нерожденных...

— В этом нет необходимости, верно, Олеандр? — спросил Байл.

— Я знаю, где отыскать проводника, — ответил тот. — Но сомневаюсь, что он станет помогать добровольно.

— А бывает иначе? — спросил Арриан.

— Действительно, — Байл направил посох Мучений на Олеандра, — И где же искать твоего проводника?

— На Грандиозной, — ответил Олеандр.

Глава 5

Грандиозная

Грандиозная существовала вопреки всем законам природы.

Над самым краем Ока — там, где сырая материя нереальности переходила в твердую действительность обычного космоса, висел в темноте, как драгоценность на ткани, этот мир. Он застыл между двумя мгновениями, в шаге от гибели, и представлял собой застывший фрактал из камней и сверхнагретых газов, разлетающихся от кипящего ядра. Расширение шло бесконечно медленно и не

поддавалось измерению никакими доступными методами. Никто не знал, когда оно началось и когда закончится.

Мир был мертв и в то же время нет. Он умирал вечно, заточенный в высший предел своего существования. Разломанную кору усеивали тысячи точек самых разных размеров, форм и геометрических структур; одни были гигантскими бастионами, которые щетинились зенитными пушками и оборонительными установками, другие — морями из высоких шатров, теснившимися под развалинами некогда прекрасных зданий и едва работающими атмосферными генераторами.

Все они были обособлены друг от друга; каждое феодальное владение выживало в одиночку в меру своих возможностей, но союзы и войны между городами-государствами встречались не так уж редко, и долгую ночь время от времени освещали ядерные удары. В короне рыскали корабли, воюя друг с другом от имени сверкающих городов на внутренней стороне разрушенного мира.

— Все дороги ведут к Грандиозной, — сказал Олеандр, разглядывая гололит. — Так говорят пророки-флогистонцы из Огненной глуши.

Они стояли на тесной командной палубе «Везалия» вокруг гололитического проектора. Древний фрегат класса «Гладиус» был личным кораблем Байла, захваченным при каком-то давнем набеге на имперский мир. За прошедшие века от предыдущих хозяев не осталось и следа — как и от предыдущего имени. Теперь он был «Везалием» и всегда им будет. По крайней мере, темного духа, обитавшего в ядре корабля, имя устраивало.

— Этот мир — притон воров и искателей запретных удовольствий. Сибаритов, декадентов и глупцов, — сказал Саккара, изучая гололитическое изображение. — Однажды я обращался к своим старшим с просьбой разрешить мне разбомбить его с орбиты во имя темных богов. Ни один мир не смеет уклоняться от суда варпа таким образом.

— Возможно. Но он по-своему красив, — сказал Арриан. Он расположился неподалеку среди glandовых ищущих, повсюду сопровождавших Байла. Аугментированные воины стояли молча и неподвижно и смотрели только на своего создателя, словно Байл был солнцем, вокруг которого они вращались. Олеандр хорошо помнил

это чувство: когда-то он тоже его испытывал. Но теперь плыл в одиночестве, не привязанный ни к чему, кроме собственных целей. Он не мог сказать, какое состояние лучше.

— Нам нужен не сам мир, — сказал Байл. Одна из лап хирурга вытянулась и постучала по светящемуся изображению, увеличив четкость определенного района. По воздуху побежали столбцы данных, — А только одна маленькая часть его: Черный Голан. Самый большой археорынок в этой области Ока, занимающий останки двух континентов, — Металлические конечности жужжали и щелкали. Гололит продолжал выводить новую информацию, — Такие рынки нужны: это ближайшее подобие нейтральной территории вблизи Ока, и пользы от них немало. Даже Абaddon подчиняется древним законам и признает их неприкосновенность, — Он улыбнулся, — Нам, разумеется, прислушиваться к голосу совести не стоит. Обстоятельства принуждают, братья.

— Нужно будет заплатить сбор, чтобы нас пропустили через орбитальную защиту, — сообщил Олеандр. Он постучал по гололиту, и изображение отъехало назад, показав пористую мембрану из космических крепостей и орбитальных оружейных платформ, которые почти целиком закрывали Грандиозную наподобие сферы Дайсона, — Грандиозный замок, как его называют. Я мог бы придумать название и получше, но меня никто не спрашивал, — Цимисхий сделал жест, и Олеандр кивнул, — Да, они древние. Хороший глаз, брат. Не говоря уж о том, что они скомпонованы из полу-десятка технологий, большинство из которых имеют неизвестное происхождение. Эльдарская, хрудовая — они тоже где-то там есть. Все это нужно, чтобы охранять порядок на рынках... или не давать войнам Грандиозной выйти наружу. — Он махнул рукой, — Будь у нас корабль побольше, я бы предложил пробить путь. Но с этим... можно воспользоваться тем открытым ангаром.

— Нет, я не собираюсь тратить время и просить их хозяина, чтобы нас пустили, — сказал Байл. — Поэтому мы тайно проникнем на поверхность с должной ловкостью.

Он коснулся гололита, выведя изображение региона в реальном времени. Сквозь тьму к Грандиозной лениво тянулась полоса бледного тумана. Она даже не касалась орбитальных сооружений, а корабли старались пролетать как можно дальше от нее.

— Вот, — сказал Фабий, — Мы воспользуемся им.

— И что же это такое? — спросил Арриан, наклоняясь вперед.

— Падальный путь, — сказал Олеандр. Внутри словно повернули ледяной нож, более острый, чем лезвия хирурга. — Это дорога, по которой нерожденные пробираются в глубинную смерть Грандиозной. Рана, нанесенная реальности варп-бурей, которая поглотила Грандиозную несколько тысячелетий назад. Она не закрывается, не уменьшается... — До сих пор он ни разу не видел ее вблизи и не испытывал желания увидеть. Подобные вихри в ткани имматериума представляли невероятную опасность даже для тех, кто был искушен в делах нерожденных. А он к их числу не относился, — Ученые, занимающиеся такими вещами, утверждают, что Грандиозная — это зарождающаяся варп-звезда. Чем больше нерожденных к ней стекается, тем ближе личинка подходит к предрешенному финалу.

— В нем полно демонов, — сказал Саккара. — Я чувствую и слышу их даже отсюда. Они смеются, кричат и шепчут, спускаясь по Падальному пути в умирающее сердце планеты, чтобы сполна напиться ее вечными муками.

Олеандр покосился на Несущего Слово. Саккара был бледен и выглядел напряженно. Глаза мерцали алым. Дьяволист не был колдуном, он не умел создавать огонь из воздуха или бросать молнии из глаз. Но он умел вызывать демонов и делал это хорошо.

— Да, — сказал Байл, — И мы сделаем то же самое. Так мы не привлечем ненужного внимания, — Он взглянул на Саккару, — Ты знаешь, что делать.

Саккара скривился.

— Опасная затея.

— Такая же опасная, как бомба, которую я поместил тебе в грудь?

— Да, — без колебаний ответил Несущий Слово, — Если мы попытаемся воспользоваться Падальным путем, нас ждет дорога безумия. Где ступают демоны, там горят миры. Затухают звезды. Там разумы бьются на осколки, а души рвутся в клочья.

— Как поэтично, — Байл повернулся обратно к голо-лигу. — На время перехода придется отключить поле Геллера, иначе нас почти наверняка обнаружат. Все прочие второстепенные процессы будут

остановлены, чтобы снизить риск повреждений в корабельных системах.

— Без этого поля мы не проживем и нескольких секунд, — сказал Олеандр, — Нерожденные заполонят весь корабль, — Он шагнул к Байлу, но остановился, когда на пути встал Арриан, — Арриан, даже ты должен понимать, какое это безумие...

— Считай это возможностью испытать что-то новое, — сказал Арриан. — Ведь сыны Фулгрима постоянно это делают, так? Ищут новые ощущения и удовольствия?

— Я это уже испытывал. Мне не очень понравилось, — ответил Олеандр, бессильно сжимая руки. — И я предпочел бы не повторять, если есть альтернативы. Как ангар, например.

— Я принял решение, — отрезал Байл, — Ты, Олеандр, можешь воспользоваться ангаром, если хочешь. Без корабля это будет сложно, но ты всегда был изобретателем. — Он взглянул на Саккару, — начинай.

— Нет. Вы все не понимаете, — сказал Саккара, — Это не просто какой-то космологический феномен... это река душ. Поток мыслей и эмоций, волны боли и страсти, влекомые течением из чистой ненависти и отчаяния. Это материализованная воля и мысль самих богов, которые не поддаются контролю. Даже попытка — уже кощунство. Можно лишь плыть по течению и надеяться, что выживешь.

Цимисхий положил руку ему на плечо. Саккара помотал головой и хотел сказать еще что-то, но замолчал по жесту Байла.

— Я рассчитал время, которое потребуется, чтобы ступить на Падальный путь и проплыть до первой точки за пределами орбитальных станций. На это уйдет лишь пара секунд, не более. Мы поднимем поле Геллера, едва выйдем за радиус обнаружения, — сказал Байл, — Это взвешенный риск. Значения всех переменных лежат в допустимых пределах.

— Это смертный приговор, — возразил Олеандр. — Если не для нас, то определенно для твоих питомцев.

Он показал на glandовых ищеек. Игори свирепо посмотрела на него, словно он только что бросил ей вызов.

Байл поманил ее, и она подошла.

— Они будут под защитой, — ответил Байл, наклонив голову Игорю вбок и показав поблескивающую схему прямо под ухом, — Подкожная электротатуировка. Гексаграммный символ, изобретенный Саккарой. Им помечен весь экипаж специально для подобного случая. Саккара уверяет, что символ поможет им пережить нападение, если, конечно, они справятся с физическими атаками. А если он не сработает, у меня есть свои методы. — Он постучал по игломету «Ксиклос» в кобуре. — Специальная сыворотка, давно ждущая подходящего момента.

Олеандр уставился на него, гадая, не было ли это очередной игрой Байла. Апотекарий мог показаться непоследовательным и даже импульсивным, но только тому, кто не знал его. Вполне в его характере было заранее включить в свои планы Падальный путь, чтобы испытать эту новую сыворотку. Возможно, именно поэтому он настоял на участии Саккары.

А может быть, все объяснялось проще. Он ничуть бы не удивился, узнав, что Байл уже посещал Грандиозную. В конце концов, из раздираемых войной планет получались отличные испытательные полигоны. А феоды Грандиозной начинали войны так регулярно, что по ним можно было сверять хронометр. Олеандр даже участвовал в нескольких сражениях, каждый раз на новой стороне. Космодесантники-ренегаты были привычным зрелищем на полях войны в близких к Оку регионах. Однако Байл имел обыкновение злоупотреблять гостеприимством. Его цели редко совпадали с целями тех, кто его приглашал, а вольности, которые он себе позволял, обычно быстро портили отношения.

У него было великое множество врагов. Байл был полезен космодесантникам-ренегатам, но в великой игре Ока считался непредсказуемым элементом. Он не служил никому, кроме себя, и знал слишком много, чтобы не обращать на него внимания или позволять ему разгуливать на свободе. Лернейские агенты несколько раз пытались его убить, а на Коразине даже ненадолго преуспели. Темный Совет Сикаруса отправлял за Байлом банду за бандой, преследуя его по всему Оку; Саккара был лишь последним. Сам Ангрон едва не заполучил череп Байла на Гнозисе. А награда Фулгрима все еще оставалась неполученной.

У лорда клонов были враги не только из числа бывших братьев. Олеандр забарабанил пальцами по навершию меча. У него были

враги, которые боялись того, что Байл мог сделать в будущем, а не жаждали мести за то, что он уже сделал. Враги, которые были готовы на все, чтобы увести его с избранного им пути... Даже пожертвовать своими сородичами.

«Везалий» застонал, устремляясь к демоническому туману, словно протестуя или, наоборот, сгорая от нетерпения. На летящем корабле никогда не было тихо. Скрипели заклепки, двигались переборки. Гудели пульта и звенели уведомления. Члены экипажа перешептывались — во всяком случае те, у кого были языки. Олеандр задумался, понимают ли они, что происходит, и достаточно ли им этого понимания, чтобы бояться.

В глубинах корабля обитали целые племена мутантов, которые поклонялись двигателям и орудийным батареям, в ревностности не уступая аколитам Механикум и нередко устраивая войны во имя своей веры. Они были потомками предыдущего экипажа и подчинялись немногочисленным офицерам, которых Байл считал достойными аугментации, — как смотрителя стратегиума, Вольвера.

Олеандр взглянул на существо, в данный момент наблюдавшее за сервиторами в контрольных гнездах и немногочисленными оборвышами-мутантами, которых все же подпустили к мостику. Вольвер состоял из металла и стекла и больше походил на перегонный аппарат, которому придали подобие человека. В стеклянной голове блеснул мозг, а к нему зрительными нервами крепились глазные яблоки, смотревшие из отверстий в медной черепной маске. Олеандр не знал, кому раньше принадлежали эти глаза: мужчине, женщине или чему-то иному. Но Вольвер служил «Везалию» с тех пор, как «Везалий» служил Консорциуму.

Вольвер повернул стеклянную голову, и из миниатюрной вокс-решетки, установленной между медными губами, раздался треск.

— «Везалий» недоволен, — произнес он и положил стальную руку на болт-пистолет у бедра.

— Как корабль может быть недоволен? Или доволен, раз уж на то пошло? — спросил Олеандр, несколько удивившись, что существо обратилось к нему. Байл насаждал среди своих подчиненных культ фамильярности — возможно, потому, что раболепные ритуалы его утомляли. Олеандр считал это безрассудным. Когда черни не напоминали, где ее место, она начинала думать. Олеандр украдкой

покосился на Игоря.

— «Везалий» недоволен, — повторил Вольвер своим трескучим и монотонным голосом.

— И что я должен сделать?

Члены экипажа — те, у кого были глаза, — смотрели на верхний уровень командной палубы, в его сторону. Они нервничали. Он чувствовал их страх и жалел, что не имеет права его усилить. Он потянулся к трубке, но остановился. Время было неподходящее. И он давно выучил, что умеренность — ключ к наслаждению.

Где-то глубоко внутри фрегата глухо, мрачно прогудел колокол, отдаваясь по всему мостику и в костях Олеандра.

— Что это? Ни разу еще такого не слышал.

— «Везалий»... — начал Вольвер.

— Недоволен, да, я в курсе.

— Это предупреждение, — сообщил Байл из-за спины. — «Везалий» — хищник, и он знает, что входит в незнакомые воды, так сказать. Он предупреждает обитателей тумана, что приближается и не потерпит помех.

— Это не сработает.

— Корабль этого не знает, — Байл сцепил руки за спиной, — По правде говоря, я боюсь, что избаловал его. Во время набегов я скормливаю ему легкую добычу, выполняю его капризы... Но хороший корабль сложно найти. О нем нужно заботиться.

— Я бы не назвал это заботой.

— Мы все делаем то, к чему принуждают обстоятельства, Олеандр. «Везалий» все понимает.

Падальный путь между тем занял весь смотровой экран. Теперь туман и обитающие в нем создания стали гораздо четче. Там были цвета, каких Олеандр никогда раньше не видел, и огни, не бывшие огнями. Среди астероидов и газов, служивших кровью Грандиозной, дрожало холодное пламя. Неведомые силуэты плясали в нем, бегали, воевали. Тысяча войн шла в тысячах раздробленных мгновений. Создания сплошным потоком летели неизвестно откуда в умирающее ядро расколотого мира, сливаясь в безумную космическую мешанину.

лиц и конечностей, каких никогда не было ни у одного живого существа.

— Да их там тысячи, — сказал Олеандр.

— Миллионы, — прохрипел Саккара. — Десятки миллионов. Они приходят насладиться муками в центре планеты. Смерть мира сладка. Она захватывает призраки всех, кто когда-либо жил или должен был жить на ней, и им остается лишь ждать, пока их не сорвут, как ягоды с лозы. Я слышу их крики... и смех. — Несущий Слово прижал костяшки пальцев ко лбу. — Они увидят нас, как только мы опустим поле Геллера. И придут, ведомые сначала любопытством, а потом голодом. Нам надо... Нам надо подготовиться. Мне надо подготовиться.

Олеандр опустил руку к мечу. Ему доводилось сражаться с демонами, как и всем, кто достаточно долго пробыл в Оке. Большинство из них были слабыми — чистый голод без мозгов. Но существовали и более умные, более опасные разновидности. Таких он боялся. Он улыбнулся, по достоинству оценив клубок дикой паники, образовавшийся в животе.

— Опустить поле, — спокойно произнес Байл. Он не боялся. Если он когда-то и умел испытывать страх, то давно выжег это чувство и выбросил его прочь вместе со старыми костями и кожей. Вольвер передал приказ. Раздалось протестующее гудение. Лампы замигали.

И «Везалий» нырнул в ад.

Глава 6

Падальный путь

Все началось с голосов. Сначала они тихо, едва слышно бормотали что-то. Затем зазвучали безумные крики и зловещий шепот. Глухие удары раздались по корпусу, словно кто-то пытался пробиться внутрь. вокс затрещал, и на другом конце тихо запели не знакомую Олеандру песню. Байл приказал выключить вокс. За обзорным экраном раскинулось море кричащих лиц, часть которых походила на человеческие, но большинство — нет.

По приказу Байла экран разделился на несколько изображений с

разными ракурсами. Демоны липли к фрегату, как балянусы. Некоторые были огромны, почти как сам корабль, другие — не больше человека. В лесу сенсорных антенн, торчащих вдоль корпуса, бродило существо, похожее на гигантского тигра, и охотилось на более слабых сородичей. На орудийных батареях плясали тонкие и бледные силуэты.

Саккара застонал, и Олеандр оторвал взгляд от экрана. Несущий Слово вытянул вперед одну руку, по-паучьи шевеля пальцами. Он бормотал отдельные слова и фразы на языке древней Колхиды — заклинания подчинения и защиты, как знал Олеандр.

— Он справится? — спросил он, посмотрев на Байла.

— Если не справится, мы сразу узнаем, так ведь? — Байл повернулся к Вольверу. — Долго еще? — Вольвер протрещал число. Байл удовлетворенно кивнул. — Недолго. Хорошо.

Удары вскоре сменились царапаньем — как будто крысы скребли по стенам. Отовсюду и ниоткуда жужжали крылья. Сервиторы, подсоединенные к пультам мостика, один за другим начинали кричать и биться армированными головами об стенки контрольных гнезд. Стук их черепов складывался в печальный ритм.

— Надо их отключить, — заметил Олеандр.

— И кто тогда будет управлять кораблем? — спросил Байл, — Нет, оставь их. Я не просто так армировал им черепа. Парочка ударов ничего важного не повредит.

Питательный раствор в туловище Вольвера забурлил, и он закачался. Байл прошипел что-то, после чего одна из конечностей хирурга метнулась вперед и погрузилась в порт на шейном отделе зрителя. Питательный раствор стал бледно-охровым, и Вольвер успокоился. Он пробормотал что-то в благодарность, но Байл его проигнорировал.

Корпус заскрипел. Без поля Геллера корабль защищали только собственная броня и скорость. Палуба под ногами Олеандра заходила ходуном: двигатели вспыхнули, придавая кораблю ускорение. В один момент на его пути сквозь эмпирию встало что-то гигантское и отвратительное, разевающая пасть размером с планету. «Везалий» прошел сквозь него, как скальпель, и гнусный гигант разорвался, словно облако. Палуба накренилась. Саккара начал петь песнь-проклятие высоким и на удивление приятным голосом.

Олеандр с невольным интересом разглядывал Несущего Слово. Глаза у Саккары остекленели, а на губах виднелась кровь. Его песня усиливалась, поднимаясь навстречу демоническому шуму, и странные, смутные фигуры мерцали и корчились вокруг.

Один из воинов Гландовых ищеек вдруг покачнулся и схватился за живот. Его вырвало какой-то белой массой, задымившейся при соприкосновении с палубой. В массе шевелились какие-то крохотные существа, весело хихикая. Арриан раздавил их ногой и ввел в шею страдающему стимулятор.

— Повелитель, похоже, электротатуировка не работает.

— Нет. Какое разочарование! Но все же отметить время. Мы учтем его в будущих расчетах. А пока что... — Байл плавным движением вытащил игольник и открыл огонь. Гландовые ищейки дергались, по очереди ползая иглу из пистолета. Один упал, держась за голову и крича. Другая взвыла и принялась царапать глаза, пока Игори не опрокинула ее и не прижала к палубе. — Это эссенция, полученная из генов психического пустого. Действует она недолго и порой дает неприятные побочные эффекты. Но в данном случае, как мне кажется, риск оправдан.

Он убрал пистолет в кобуру.

— А что насчет экипажа на нижних палубах? — спросил Олеандр.

— Им придется позаботиться о себе самостоятельно. Я не овец развожу, — пренебрежительно ответил Байл и раскинул руки в стороны: — Это пустяк. Естественный феномен, в котором лишь слабые умы видят что-то значимое. Все, что ты видишь и слышишь, исходит от тебя. Мы придаем форму и цель тому, что не имеет ни того ни другого, и страдаем из-за этого. — Он повернулся, подняв одну руку, а другую заложив за спину, словно вел лекцию в схоластику. — Очистите свой разум от подобных мыслей — и все это прекратится. Держите себя под контролем — и будете держать под контролем ситуацию.

По изогнутым стенам мостика побежало что-то вроде конденсата. Там, где он собирался в капли, металл растягивался и утончался. С наружной стороны на него давили руки, лица, рты и другие, менее очевидные части. Из швов в стенах закапало похожее на деготь вещество, и оно же пузырилось из-за напольных плит.

Застывая, вещество превращалось в пластинки обсидиана, из черноты которых на свет плыли силуэты.

Когда один из силуэтов подобрался слишком близко, Олеандр раздавил его ногой. Затем достал болт-пистолет и расстрелял остальные.

— Не давайте им добраться до нас, — сказал он. Цимисхий и другие последовали его примеру. Раздался звук вылетевшей заклепки, и, повернувшись, Олеандр увидел, как одна напольная плита изгибается и вылетает из пазов. Металл искорежился, потек, как воск, начал менять цвет с серого на розовый. К Саккаре потянулось щупальце, на глазах обрастающее ртами, как опухолями.

— Нельзя, — приказал Арриан, словно дрессируя животное, и разрубил щупальце клинками. Где-то далеко в эфире кто-то заревел, и палуба задрожала, как раненый зверь. «Везалий» кричал, только Олеандр не мог понять: от боли или от злости. Он оперся на гололит. Изображение Грандиозной покрылось помехами и исчезло, и в то же время его погладили по лицу руки из голографического света. Олеандр оттолкнулся от гололита и повернулся. На него смотрело невозможно чувственное лицо. Его обладательница — или обладатель? — поднялась из потока данных и пикселей, как богиня из моря. Руки маняще тянулись к нему.

«Олеандр, — прошелестело оно. — Как давно я тебя не видела, любовь моя... Иди ко мне... Иди...»

Он против воли нерешительно шагнул вперед. Внутри волной поднялось желание. Руки тряслись от голода, в мозгу искрило от тоски. От ласкающего прикосновения электрических пальцев к душе перед глазами встало лицо — нечеловеческое, прекрасное и ужасное в своей красоте. Но ему уже доводилось подчиняться этому ритму, и фальшь не ускользнула от него. Он заставил себя остановиться, хотя все инстинкты молили идти вперед.

— Нет, — выдавил он. — Нет, я знаю ее лихорадочный запах, и ты не она. Она никогда не стала бы просить — она бы потребовала.

Он выхватил меч из ножен и грубо рубанул по голографическому фантазму. Силуэт с гневным криком разлетелся на осколки. Свет бросился на Олеандра, как стая испуганных птиц, опалая броню и слепя глаза. Он отшатнулся и мог упасть, если бы не Байл.

— Я не разрешал тебе падать, Олеандр, — сказал тот.

— Я и не посмел бы упасть без вашего разрешения, повелитель, — ответил Олеандр, выпрямляясь. Он обратил внимание на Саккару. Тот стоял так, словно в него дул ураганный ветер, и медленно шевелил губами, но теперь с них не срывалось ни звука. По его щекам текла кровь из уголков глаз и рта, в которых шевелились призрачные личинки. Броню и плоть пересекали царапины от невидимых когтей.

— Он сможет удержать их достаточно долго?

— Ты уже спрашивал. Сможет, — ответил Байл. — Это одна из причин, по которой я оставил его в живых.

Нечеловеческие лица вжимались в переборки, словно пытаясь прорваться через металл. Жужжание крыльев стало оглушительным. По мостику ползли странные тени. Один пульт заискрил, и что-то начало лезть в реальность. Арриан шагнул к существу и обезглавил его стремительным взмахом фалькса. Члены экипажа, не подключенные к командным гнездам, рыдали и молились. Байл презрительно скривил губу.

— Молитва. Последнее прибежище проклятых. Все-таки надо будет исследовать нейрофизиологические выгоды операций на правой теменной доле, когда все это закончится, — сказал он, — Если получится удалить сам источник этой глупости, моя работа может пойти куда легче.

Голоса стали четче. Сильнейшие из перехватчиков приближались. Саккара вдруг застонал и упал на колени. Тени в неосвещенных углах сгустились. Между ног Олеандра с хихиканьем прошмыгнуло существо, похожее на крысу, но с человеческим лицом. Высоко под потолком сучились, перешептываясь о чем-то, подобия летучих мышей с лицами потерянных детей и забытых возлюбленных. Взгляд то и дело привлекали странные силуэты — радужные облака частиц, которые вращались и разлетались в стороны, после чего собирались заново, прыскавая со смеха и болтая на незнакомых ему языках. Сквозь холодный воздух носились неевклидовы фигуры, оставляя за собой полосы света, искривляясь и выходя за пределы его понимания.

«Олеандр, — прошептали ему на ухо. Он обернулся, но за спиной не было ничего, кроме эха от безумного смеха. — Олеандр,

Олеандр, Олеандр...»

Теперь шепот звучал отовсюду, заполняя его голову звуком собственного имени. Он закашлял, когда легкие вдруг чем-то наполнились. Из рта вылетел перламутровый дым, и чьи-то пальцы раскрыли ему рот изнутри. Он выронил меч и схватился за горло, а дым между тем поднимался все выше и расширялся все дальше. Внутри что-то шевелилось, причиняя мучительную боль. Кости трещали и органы сжимались, пока он не рухнул на пол лицом вниз, и перед ним не опустилось изящное копыто. Он чувствовал себя так, словно его выпотрошили и оставили на солнце.

Хранитель Секретов повернулся, окидывая взглядом мостик.

— Итак, что тут у нас? — сказал он. В его бычьей челюсти щелкали волчьи клыки. Массивные рога, обвитые золотыми цепями и усыпанные горстями драгоценных камней, задевали потолок. Существо было высоким и гибким, одновременно мерзким и притягательным, с четырьмя руками, две из которых заканчивались гигантскими клешнями. В двух других он держал изящные мечи из дымчатого стекла с узором из света умирающих солнц.

— Я Канатара, Под Чьим Копытом Раскалываются Горы И Чей Голос Убаюкивает Солнце. Вы позвали — и я явился. Вы счастливы?

— Тебя никто не приглашал, — сказал Арриан. Несмотря на испускаемую существом ауру, голос его даже не дрожал, и Олеандр возненавидел его еще чуть-чуть сильнее.

— Осмелюсь не согласиться, мой маленький сосуд, — ответил демон, наклоняясь к Пожирателю Миров, — От тебя несет нереализованными возможностями. Какая сладость! Могу я тебя попробовать? — Существо протянуло к космодезантику один из мечей, — Всего лишь кусочек, обещаю. Поцелуй Канатары так легки.

Арриан отбил его меч собственным оружием, и демон вновь выпрямился, презрительно фыркнув.

— Какое разочарование! Если ты здесь не для того, чтобы стать моей едой, зачем вообще пришел?

— На этом корабле ты никого есть не будешь, — сказал Байл, — Тебе подобным здесь не рады. Пошел вон обратно в детский кошмар, из которого ты вылез!

Канатара повернулся к Байлу и оскалился, демонстрируя

неправдоподобно огромное количество клыков.

— Главный аптекарий Фабий! Твою вонь я везде узнаю. Ты пахнешь неверием, гордыней и безумием. Даже для моего языка это лакомство слишком сладкое. Но попробовать все равно надо, ты согласен? Иначе какой смысл жить?

Демон шагнул к нему, и палуба застонала под его копытами, как умирающий зверь. Там, где он проходил, из щелей между напольными плитами просачивались меньшие демоны — твари с текучей плотью и круглыми пастями — и с радостным лопотанием прыгали к остальным, пока Олеандр полз к своему упавшему мечу.

— Думаешь, можешь меня напугать? Я видел вещи и похуже, когда срезал опухоль с собственного мозгового ствола. Галлюцинации — даже звуковые — меня не впечатляют, — ответил Байл и раскинул руки в стороны, — Вперед, попробуй... фикция.

Демон довольно выдохнул и бросился вперед. Олеандру оставалось лишь с ужасом и любопытством смотреть, как демон устремляет свои мечи к Фабия. Хирургeon зажужжал, и его клинки, мелькнув в воздухе, заблокировали мечи в считанных сантиметрах от головы Фабия. Устройство заныло под напором демона. Байл не дал ему удвоить усилия, и посох Мучений вылетел вперед, ударив демона по колену.

Канатара взвыл от боли и отшатнулся. Байл одобрительно кивнул:

— Я давно гадал, работает ли он на тебе подобных. Похоже, что да. Надо отметить это в лексиконе. Нужен дальнейший анализ.

Демон зашипел и попытался ударить его когтистой лапой, но Байл отступил в сторону, а одна из конечностей хирургеона метнулась вперед и вонзила шприц в демоническую плоть. Канатара издал вопль, когда вверх по руке побежали нездоровые черные линии, и размахисто взмахнул рукой. Байл пригнулся и обрушил посох на перламутровый живот. Не прекращая кричать, демон ударил его сверху вниз навершием одного меча, уронив на одно колено.

— Главный аптекарий, — позвал Арриан. Олеандр еще ни разу слышал, чтобы он был так близок к панике. Арриан с Цимисхием вырвались из толпы меньших демонов и бросились на Канатару. Силовой топор и фальксы глубоко погрузились в кощунственную плоть, брызнул иxor, демон издал пронзительный крик.

Он резко повернулся к противникам лицом и ударил Арриана тыльной стороной руки, отшвырнув его через весь мостик в обзорный экран. Демоны с возбужденными криками устремились к поверженному Пожирателю Миров. Цимисхий продолжал рубить Канатару с упертостью, столь характерной для его легиона. Канатара поменял хват мечей и поднял их, но Олеандр успел вскочить на ноги и прыгнул, вытолкнув Железного Воина из-под опускающихся клинков.

Они вместе рухнули на палубу, разбрасывая в стороны искры и разрывая металл.

— Боль... какая же восхитительная боль, — прожурчал демон, погладив рану клешней, и выдернул свое оружие из палубы. — Как изысканная кислота, льющаяся на только выросшие нервы. Обожаю это ощущение! Я живу с начала времен, но оно до сих пор не наскучило.

Канатара указал на Байла одним из мечей.

— Иди ко мне, Фабий, позволь вкусить плоды твоей желчности.

— «Везалий» недоволен.

— Что? — спросил демон, оборачиваясь. Вольвер выстрелил ему в лицо. Канатара отшатнулся, но скорее от удивления, чем от боли. Вольвер продолжал стрелять, пока болт-пистолет не издал пустой щелчок, после чего извлек пустой магазин и неторопливо потянулся за вторым. Демон заверещал и атаковал, отчего стеклянное туловище Вольвера покрылось трещинами, а сам он рухнул на пол. В необъятных глубинах корабля вновь прогудел колокол, наполняя эхом весь мостик. Демон покачнулся и схватился за голову.

— Что... Хватит выть! — прорычал он, топнув по палубе.

— Тебя здесь никто не ждет, — сказал Байл, — Корабль всегда узнает фальшь.

Олеандр заставил себя подняться и оглянулся в поисках меча. Он помог Цимисхию встать. Железный Воин хотел отправиться к Байлу на помощь, но Олеандр удержал его.

— Я помогу ему, брат. Займись Аррианом, — сказал он и бросился к своему мечу, надеясь, что сумеет добраться до него прежде, чем его заметит демон. Командная палуба тряслась от битвы.

Игори и остальные glandовые ищейки защищали Саккару в меру своих возможностей, атакуя клинками и пулями существ, которые почти не замечали ни первых, ни вторых. К счастью, демоны были не расположены нападать на тех, кто недавно получил дозу пустоты. Молитвы Саккары, похоже, тоже имели некоторый эффект; Олеандр не сомневался, что без них демоны заполнили бы корабль за считанные мгновения.

— Ты испытываешь мое терпение, милый Фабий, — сказал Канатара, трогая раны на лице. — Ты приглашаешь меня к себе, а затем оскорбляешь — и нападаешь! Неужели гостеприимство для тебя пустой звук? Возможно, все-таки не стоит передавать тебе сообщение.

— А для тебя оно что может значить? Ты даже не реален, — сказал Байл, — Песчинка в эмпиреях — вот что ты. Не знаю, что у тебя за сообщение, но оно значит для меня не больше, чем шипение проткнутого гнойника.

— Подожди. Стой. Дай прийти в себя, — перебил Канатара, выставив перед собой клешню. — Я поражен твоим отношением, — оскалился он, демонстрируя все клыки, — Как вижу, ты до сих пор поешь все ту же грустную песню, Фабий. Какая беззаветная преданность принципам, на которые ты сам плевал, когда тебе это было удобно! Решил на старости лет озаботиться спасением души?

— Не твое дело, что я решил, иллюзия!

— У меня есть имя, Фабий. Почему ты его не используешь? — заюлил Канатара.

— Имена для разумных существ, — ответил Байл.

Демон уставился на него. Ухмылка сползла с его морды. Олеандр, к тому моменту нащупавший рукоять меча, почувствовал, как сжались в груди сердца.

— Три раза ты отринул меня, — пораженно произнес Канатара, — Три раза ты плюнул на меня. Даже примитивнейший из обитателей этого тонкостенного куска металла знает о моем величии, а ты продолжаешь его отрицать? Жестокость — имя тебе, Фабий!

Байл пожал плечами:

— Я никогда особо не верил в величие, — Он закашлял. Олеандр заметил кровь на его губах и подбородке. Байл коснулся рта и

посмотрел на пальцы, — Удовольствие — это иллюзия. Только боль реальна.

— Ты думаешь, что страдал, Фабий? — зарычал Канатара. — Ты думаешь, что твоя боль может сравниться с экстазом, который дарит Владыка Темных Наслаждений? — Демон присел, готовясь к прыжку. Олеандр напрягся, гадая, успеет ли его остановить. И стоит ли. Он не был настолько хорош, чтобы вставать между человеком и богами. Но Байл был нужен ему живым. — Твои нынешние страдания — лишь капля в сравнении с океаном агонии, который ждет тебя... — продолжал демон своим тошнотворно сладким голосом.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — ответил Байл.

— О, я уже сказал, — прорычал демон, — Пожалуй, я пройду по вселенной, оставляя за собой огненный след, только чтобы увидеть, как в твоих глазах загорается огонек понимания, главный апотекарий Фабий, — Он со знающим видом взглянул на Игоря и остальных glandовых ищеек, сражавшихся с его меньшими братьями, — Только чтобы увидеть, как ты наконец осознаешь бессмысленность своих алхимических стараний. Как ты наконец поймешь правду обо мне и всем, что ты с таким презрением отрицал.

— Ты-то что об этом знаешь?

— Я не знаю. Но Феникс передает привет, Фабий, — сказал демон, ухмыляясь, — Мой дорогой друг отправил меня, чтобы я поприветствовал тебя от его имени — и предупредил. Нити судьбы оплетают тебя, Фабий. Цепи событий и решений смыкаются вокруг тебя, чтобы не дать тебе сойти с пути. Будь осторожен, иначе окажешься в тюрьме, которую сам же и выстроишь. — Он выставил перед собой меч. — Какой же заботливый у тебя отец!

Байл некоторое время смотрел на существо с непроницаемым выражением лица. Затем он поднял игольник и выстрелил прямо в глаз демона.

— Ты доставил сообщение, — сказал он. — Теперь можешь убираться с моего корабля.

Демон закричал, когда яд начал действовать, и Олеандр осознал, что на игле был все тот же пустотный состав. Зелье уничтожало демона изнутри, разлагая странную материю, составлявшую его тело. Кана-тара выронил клинки и принялся раздирать себя, вырывая

целые куски растворяющейся плоти, словно пытался добраться до инфекции внутри. Он шатался на плавающих копытах, едва не танцуя от агонии, и невнятно вопил что-то Байлу, пока его череп не провалился внутрь. Зловонная масса растеклась по полу — останки еще мгновение пузырились, после чего просочились в щели между напольными плитами и исчезли.

Вольвер тяжело поднялся, прижимая руку к текущей ране.

— «Везалий» доволен, — произнес смотритель стратегиума, смотря на Олеандра.

— Счастлив это слышать, — ответил Олеандр и взглянул на Байла, — Что это было? — спросил он. Байл поднял на него глаза, и Олеандр невольно отшатнулся при виде выражения на его лице.

Байл убрал пистолет в кобуру. Его мертвенно-бледное лицо расплылось в жуткой ухмылке.

— Знак божий.

Глава 7

Мясо для зверя

«Везалий» вылетел с Падального пути и вступил во внутреннюю часть Грандиозной. Его окутывали дым, пламя и многочисленные демоны, слишком упрямые, чтобы понять, что проиграли, но несмотря на вид, фрегат получил только внешние повреждения. Поле Геллера включили после исчезновения Канатары, и поток демонов ослаб до ручейка, а вскоре прекратился полностью.

Однако на борту оставались нерожденные, не способные уйти из-за поля Геллера и ритуалов Саккары. Они бродили по нижним палубам или бежали от охотничьих отрядов из мутантов. «Везалий» отслеживал их внутренними сенсорами и со свирепой радостью объявлял о них экипажу. Те на месте пригвождали извивающиеся комки противоестественной плоти железными колами и сжигали огнеметами, а мутанты-жрецы, распевая молитвы, собирали образцы — подношения Патеру Мутатис, предназначенные для его резервуаров.

Экипаж не развлекался в одиночку. Члены Консорциума ходили по кораблю по одному и по двое, отслеживая жертв с терпеливостью

хирургов. Им также надо было собственными глазами убедиться, что сканеры не упустили никаких повреждений на корабле. Демоны были коварны и злобны. Они могли заразить внутренние системы и пульта управления люками так же легко, как завладевали плотью. Разобраться с ними должен был Цимисхий, в то время как Саккара заковывал ослабевших демонов, чтобы ими можно было управлять. Остальных оставили на Олеандра и Арриана.

Объединившись, они принялись зачищать нижние палубы от врагов — скорее чтобы убить время, пока «Везалий» завершал оборот вокруг ядра Грандиозной и выходил на нужный курс, чем из заботы об экипаже.

Крики привели их в задымленный коридор возле главной шахты, где нескольких членов экипажа втянуло в стены, так что перекошенные тела слились с металлом. Тот факт, что они еще были живы, в очередной раз доказывал, какой выносливостью наградил их Байл, подвергнув модификациям.

К сожалению, два аптекария не были первыми, кто услышал их страдальческие крики.

Демоны прыгали вокруг умирающих мутантов, мучая их с животным восторгом. Кишки и сухожилия протянулись через весь коридор, как гирлянды. Содранная кожа свисала с их голов, из открытых ртов вырывались вопли, но жертвы замолкли одна за другой, когда их мучители повернулись к аптекариям.

— Я займусь двумя слева. Тварь справа твоя, — сказал Олеандр. Арриан склонил голову.

— Как скажешь, брат.

Олеандр метнулся вперед и плавным движением меча пригвоздил к переборке визжащее существо, составленное из двух сервиторов. Оно оказалось сильным и поползло по мечу, щелкая обеими челюстями. Олеандр выругался, вонзил нартециум в ближайший череп, активировал карнифекс и пробил кость и измененный мозг за ним адамантиевым болтом. Мгновение спустя он повторил операцию на втором черепе. Тела обмякли. Он повернул меч и выдернул его, дав сплавленным трупам упасть.

— Интересно, зачем они это делают? — сказал он, разглядывая причудливую пару. За последние несколько часов он убил уже не одного такого монстра. Похоже, демонам нравилось соединять

несколько вещей в новых, гротескных существ.

— Что делают? — отозвался Арриан. Его противник — тварь с большим количеством конечностей и недостатком костей — кинулся на Пожирателя Миров, но тот поставил блок клинками, опрокинул врага на пол и плавно сменил стойку с оборонительной на атакующую. Двигаясь с уверенностью, которой Олеандр не мог не позавидовать, он описал фальксом четкую дугу, отрезал противнику одну конечность, а затем сменил направление клинка движением запястья и разрубил надвое потянувшуюся к нему лапу.

Олеандр шагнул назад, чтобы не попасть под удар корчащейся твари.

— Строят эти неуклюжие тела.

— Метод проб и ошибок, — ответил Арриан и наступил на дергающегося демона, не давая ему двигаться. — Они не понимают, как работают наши тела. Нельзя винить их за изобретательность, даже если та сочетается с невежеством, — Он крутанул клинки и воткнул их в желеобразное тело своего пленника, — А вот для тебя это непростительно.

— Это еще что значит?

— Порой, брат, ты демонстрируешь вопиющую неосмотрительность. Подозреваю, когда-нибудь она тебя погубит. Порывы души следует направлять в нужное русло, а не подчиняться им.

— Наконец-то, секрет твоего успеха, — ответил Олеандр. — И как я до этого не додумался? Пожалуй, стоит достать скальпель и выскрести из мозга всю слабость. С каких пор тебя заботит мое благополучие, Арриан?

— Оно меня не заботит, — сказал Арриан, — Я просто предупреждаю. Будь осторожен. Если не хочешь закончить как бедный Харук. — Он постучал себя по виску. — Один болт в мозг — и ты станешь не лучше пробирочника.

Он прошел мимо Олеандра к умирающим мутантам. Точнее, мутанту — после игр демонов в живых остался только один.

Олеандр нахмурился.

— Разве Харук подвергся той спонтанной лоботомии не потому,

что охотился на тебя? Он гнался с нами от Гнозиса до самого Тарнгека, рассчитывая подарить твой череп Ангрону. Нс вижу особого сходства между ним и собой.

— Суть в том, что если главный аптекарий решит, что ты полезней в виде пускающего слюни громилы, то им ты и станешь. Он терпит твои выходки лишь потому, что ты его веселишь. Продолжай в том же духе — и, может быть, он тебя простит. — Арриан сделал выпад вверх, пронзая сердце умирающего человека. Один быстрый удар — и мучения бедняги подошли к концу, — Помоги вырезать его из стены. Кажется, из него удастся взять почти все важные органы.

Они молча взялись за работу. Несколько ударов клинка — и останки мутанта отделились от переборки и с влажным хлюпаньем упали на пол. Арриан вскрыл на безвольных руках запястья и связал останки мутанта его собственными сухожилиями. Он закинул их за спину, а Олеандр закрепил капающую массу на ранце Пожирателя Миров.

— Ну хотя бы руки у тебя не дрожат, — заметил Арриан, когда они продолжили путь.

— Практики было много. На последнем корабле, где я пребывал, члены экипажа тянули жребий, чтобы решить, кто будет добычей на охоте Блистательного и его фаворитов. Они выслеживали несчастного по самым темным уровням корабля, где металл превращался в плоть и стены между мирами утончались. Это был лабиринт самого извращенного свойства, полный невидимых опасностей. Будоражащее приключение, должен заметить.

— Я так понимаю, ты был одним из фаворитов.

— Разумеется. Аптекарии в наше время редки, брат. Мы вымираем, несмотря на все усилия нашего достопочтенного повелителя. Но даже в эти дни среди наших братьев хватает тех, кому бывает нужна наша помощь. К тому же в банде Блистательного есть те, кого можно считать легионерами, пусть они никогда и не сражались в Великом крестовом походе.

— Мы проливали свою кровь, пока не осталось ни капли, а теперь уходим со страниц истории, — проговорил Арриан.

— Судя по твоему тону, тебе это по душе.

— Такова жизнь, брат. Мы рождаемся, боремся и умираем. Это

неизбежно. Есть старинное изречение, которое мне очень нравится... Все пройдет, и это тоже пройдет, — Он взглянул на Олеандра, — Все, что мы делаем, мы делаем не для себя, а для тех, кто придет после. В этом смысл нашей жизни. Мы повивальные бабки для будущего, Олеандр. Наша работа породит великие вещи.

— Что именно? Что-то вроде пробирочников? Или glandовых ищеек?

— Возможно. А возможно, что-то так же непохожее на них, как они не похожи друг на друга. Все меняется. Ты знал, что пробирочники уже около десятилетия не выращиваются в пробирках? Они плодятся, как крысы, в темных углах гранд-апотекариона. Подозреваю, даже главный аптекарий удивился, когда узнал.

Олеандр моргнул. Новость тревожила по целому ряду причин. Обычно клоны были стерильны — как и большинство существ, выползающих из искусственных маток, в которых Байл выращивал свои творения. Если теперь все было иначе... Он помедлил. В памяти всплыла одна фраза, которую Байл невзначай бросил на Уруме. Он назвал Игори «матерью новой расы». Олеандр только собирался обсудить это, как услышал возбужденный рев.

Что-то пугливо проскакало по потолку, одновременно слишком быстро и слишком медленно. За ним гналась толпа мутантов и чудовищ. Грохотали авторужья, снаряды рикошетили от пола и потолка. Преследователи кололи демона примитивными пиками, пытаясь скинуть его. Олеандр также чувствовал маслянистый запах от огнемёта.

— Шлемы, — сказал он.

Они с Аррианом надели шлемы, как раз когда демон, разразившись пронзительным смехом, спрыгнул на палубу. Он решил дать последний бой. Существо казалось высоким, тонким и гибким. Молочно-белая кожа туго обтягивала птичьи кости, и только портупея из человеческой плоти и костей кое-как прикрывала срам. Демонетка была словно соткана из тумана и выглядела такой эфемерной, что казалась ненастоящей.

— Здравствуйте, сладкие мои, — простонала она, раскидывая руки в стороны, словно желая обнять ковыляющую к ней стаю. От звука ее голоса по телу Олеандра прошла волна тепла. Придворные Владыки Наслаждений были смертельно опасными, несмотря на

хрупкий облик.

Она вдруг крутанулась, защелкала клешнями и запела своим медоточивым голосом. Мутанты, зачарованные песней, замерли и устали на нее — и она тут же пустила в ход изящные клешни, отрезая головы, руки и ноги. Она кружилась, танцуя на растущей горе тел, а песня между тем становилась все громче и громче. Один мутант с истекающим пламенем огнеметом в руках и с баками с плещущимся внутри прометием на спине попытался отступить, но клешня сомкнулась вокруг топливного шланга, и коридор сотряс взрыв. Олеандр наклонился вперед, встречая огненную волну. Линзы шлема потемнели, компенсируя яркий свет. Сенсоры засекли демонетку, в танце идущую к нему сквозь пламя.

Клешни врезались ему в плечи, откидывая назад. К передней пластине шлема прижалось лицо в огненном ореоле с черными, широко распахнутыми и немигающими глазами. Язык, проколотый в нескольких местах костяными и бирюзовыми шипами, заскользил по трубкам дыхательной маски и вокс-решетке.

— Олеандр, — промурлыкала демонетка. — Они придут с севера, Олеандр. Будь осторожен.

Олеандр схватил ее за горящие волосы и дернул назад.

— Благодарю, миледи. Но мне кажется, что сообщение предназначено не мне.

Демонетка взвизгнула и рассмеялась:

— Пока нет, — ответила она. — Но скоро будет.

Ее копыто промелькнуло в воздухе и врезалось в его солнечное сплетение, а когда он согнулся, демонетка прыгнула назад. Приземлившись на дальнюю стену, она присела и повернула голову. Заметив Арриана, демонетка облизнула щеку.

— Хочешь знать, о чем тебе лжет твой учитель?

— Не очень, — ответил Арриан. Фалькс вылетел вперед, но демонетка заблокировала его клешней, изогнувшись под невозможным углом и ударила Пожирателя Миров в бок второй рукой. Керамит треснул, и Арриан пошатнулся. Демонетка обвила его, как змея.

— Не хочешь, не хочешь ли со мною погулять? — пропела она, хватая его клешней за горло и ногами прижимая его руки к бокам.

Арриан рухнул на спину.

Олеандр помедлил, но лишь на мгновение, после чего схватил меч и поднял его над головой.

— Миледи, могу я проводить вас из этого жестокого измерения?

Демонетка повернула к нему голову на лебяжьей шее и, хихикнув, кивнула.

— Только сделай это больно, — промурлыкала она.

Меч Олеандра опустился, пронзая противоестественную плоть. Тело еще не растворилось до конца, когда Арриан вырвался на свободу.

— И часто ты спрашиваешь разрешения, прежде чем убить кого-то?

— В Оке хорошие манеры многого стоят, — ответил Олеандр, помогая второму аптекарию подняться. — Особенно когда дело касается слуг Принца Наслаждений.

— И все же удачный удар, брат, — сказал Арриан.

— Хм. Мне кажется, как раз с удачей у меня не очень, — ответил Олеандр, размышляя над словами демонетки. Его не удивляло, что она его знает, но то, что она решила его предупредить, вызывало беспокойство. Он провел рукой по клинку, но стереть иxor не получилось. Обмакнув в него палец, он поднес руку к губам. — Видишь ли, мои желания не соответствуют моим способностям. И так было всегда, сколько я себя помню. Я мечтаю о дарах, которые обещают боги... Но мне недостает силы их взять, — Кровь демона оказалась сильнодействующей. Он заморгал, когда она распространилась по телу, одновременно обжигая и леденя, и свистнул от удовольствия.

— Тебе и всем остальным глупцам в Оке, — отозвался Арриан. — Шепот в ваших головах — это не демоны и не боги, а ваши собственные жалкие амбиции, — Он помолчал и постучал по одному из своих черепов навершием меча.

— Ты прав, как всегда, брат. Скорее боги — это мы, а мы — боги. Наши повелители — это наши рабы, и наоборот, — Олеандр пнул растворяющиеся останки демонетки.

— А подобные ей стоят еще ниже.

— Хочешь сказать, что мне некого винить, кроме себя?

— Я твердо убежден, что всегда следует винить себя, Олеандр. Даже если ты не виноват, — ответил Арриан и помолчал, склонив голову набок. — Возможно, особенно если ты не виноват. Тебе бы не помешало взглянуть на себя со стороны.

— Не нравлюсь я тебе, да?

Арриан ударил фальксами друг об друга и повернулся к нему:

— Я о тебе и не думаю. То, что ты этого не понимаешь, — твоя проблема, не моя, — Он постучал по голове кончиком клинка. — Я вижу мир таким, какой он есть, а не таким, каким хочу его видеть. — Затем он хлопнул голом клинка по поблекшему кадуцею на наплечнике, — Только так мне удастся не терять то, чем я являлся раньше.

— Не уверен, что от человека, которым я был раньше, что-либо осталось, — сказал Олеандр.

— Не беспокойся. Как по мне, ты все тот же ограниченный, поверхностный безумец, которым был всегда, — ответил Арриан. Он крутанул клинки и убрал их в ножны.

— А ты все тот же снисходительный глупец, каким я тебя помню, — ответил Олеандр, осматривая свой меч, — Как хорошо, что некоторые вещи никогда не меняются, да? — Он наигранным движением спрятал меч в ножны. Кровь демонетки до сих пор приятно грела губы. Когда придет время, он узнает, что значило ее предупреждение, но не раньше.

— Да. Особенно в Оке, — ответил Арриан. Затрещал вокс, — Наш повелитель зовет.

— И то правда, — ответил Олеандр, — Должно быть, скоро приземляемся.

Они вернулись на командную палубу. Байл ждал их вместе с Цимисхием и glandовыми ищейками. Аугментированные люди успешно пережили демонический шторм. Погибла только одна участница стаи: существо со смехом ребенка и лицом волка свернуло ей шею в тугую спираль из плоти и кости. Останки демона теперь были распяты на стене палубы рядом со многими другими, а его ихор стекал в несколько склянок, расставленных чирикающими пробирочниками.

— Цимисхий и адепты провели необходимый ремонт и очистили системы. Мы приближаемся к пункту назначения, — сказал Байл, не сводя глаз с обзорного экрана, — Вы целы? «Везалий» засек взрыв...

— Один огнемет взорвался. Ничего серьезного, — ответил Арриан. — Олеандр немного поговорил с демоном.

— И что тот сказал? — спросил Байл, продолжая смотреть на экран.

— В основном глупости, не представляющие интереса, — пожал плечами Олеандр, — Во всяком случае, для меня.

На лице Байла возникла тень улыбки.

— Какая удача!

Олеандр не успел ответить, потому что появился Саккара. Судя по холоду, который сопровождал громко топающего Несущего Слово, ему удалось сковать обнаруженных демонов. С его брони свисало несколько небольших хрустальных склянок, покрытых символами и окованных железом. За стеклом бесшумно щелкали зубастые пасти и молотили невозможные конечности.

— Я поймал всех, — без предисловий объявил он.

— Некоторых. От остальных избавились мы, — сказал Арриан. Саккара покосился на него, но затем отвел взгляд. Лицо у него было бледное и напряженное. Олеандру оставалось лишь гадать, чем тот заплатил, чтобы защитить корабль от полноценного демонического шторма. За такие вещи всегда надо платить: разумом, душой или телом. С другой стороны, Саккара наверняка продал что-то из этого задолго до того, как имел несчастье встретить Байла.

— Отлично, — сказал Байл и постучал по одной склянке, встревожив ее туманного обитателя. — Они мне пригодятся. Хорошая работа, Саккара.

— Если б не эта бомба у меня в груди, я бы выпустил их на тебя, безбожник, — сказал Саккара. В его голосе не было злости, скорее усталая смиренность. Олеандр почти пожалел его. Тяжело быть верующим в обществе неверующих.

— Не сомневаюсь, — кивнул Байл и отвернулся, — Итак, мы успешно прошли испытание. И, возможно, получили намек на грядущие события, если кто-то верит в такие вещи, — Он взглянул на

Вольвера. — Спускай нас. — Смотритель стратегиума передал приказ подчиненным, и «Везалий» заскользил вперед, следуя по составленной Вольвером траектории. Окулус разделился на несколько изображений, каждое из которых показывало происходящее с отдельного угла, но вскоре остановился на одном.

— Да, такое не каждый день увидишь, — сказал Олеандр.

Ядро планеты истекало огнем. Олеандру подумалось, что смотреть на него — это как смотреть на солнце, только приятного мало. Магма и сверхнагретый газ накрывали целые континенты сверкающей паутиной, соединяя друг с другом отдельные осколки Грандиозной. Время от времени на этих кипящих нитях вспыхивали крохотные огоньки.

— Что это? — спросил Саккара.

— Сборщики газа. Просеиватели руды. Еще насосные станции и звукозаписывающие посты, — пояснил Олеандр, — Я знаю одного человека, который собирает вокс-записи предсмертного крика Грандиозной и продает их на воплерынках Баракши.

Саккара непонимающе взглянул на него. Олеандр махнул рукой в сторону ядра.

— Планета до сих пор умирает, брат. Только очень, очень медленно. Некоторым людям нравится такое слушать. Музыка сфер, так сказать... Да что там, на Баракши за звук пожирающей себя черной дыры можно купить небольшую луну, — Он улыбнулся Несущему Слово. — Ты когда-нибудь слышал такое? Это... трансцендентно. Осмелюсь даже сказать, что это меняет всю жизнь.

Саккара отвернулся.

— Может, когда-нибудь получится послушать, — сказал он, разглядывая экран, — Похоже, начинается война.

Внутреннюю сторону разлетающейся коры усеивали купола гигантских ульев. Между ними вспыхивали огни, но то были огни не промышленности, а войны. Артиллерийские орудия, созданные, чтобы нести смерть через океаны, теперь несли ее сквозь пустоту.

— Красиво, — сказал Арриан, когда один город исчез в ядерном огне.

— Очередное доказательство силы наших установок, — заметил

Байл. — Человечество всегда приспосабливается, чтобы вести войны более эффективно. Люди снесут любые тяготы ради возможности проломить череп ближнему. Смотрите внимательно. Это упорство завоевало звезды, а рано или поздно оно завоюет и само Око.

— С нашей помощью, — добавил Арриан.

— Да. Нас создали, чтобы мы повели человечество в будущее. Чтобы проследили за рождением новой расы, — расы, которая превзойдет даже нас. Мы разожгли огонь не для того, чтобы править пеплом, братья мои... Нет, мы разожгли его, чтобы старое уступило место новому, — Байл сцепил руки за спиной. — Не бойтесь, братья. Мы не можем проиграть в этой битве, ибо мы уже победили.

Олеандр подозревал, что последняя фраза предназначалась не им, а Канатаре. Было очевидно, что слова демона встревожили Байла. В его броне презрения появились трещины. Мысли о собственной смертности давно подтачивали фундамент его веры в себя, и демон этим воспользовался. Олеандр окинул повелителя взглядом. Когда он только вступил в Консорциум, Байл казался почти... богоподобным. Да, он казался безумным богом, но нельзя было сомневаться в его величии. Теперь же он выглядел старым. Едва ли не... сломленным. Как статуя, превращающаяся в безликую развалину под гнетом времени и забвения.

Но не совсем. В нем все еще горела искра. Байл говорил о разжигании огня, и именно это Олеандр собирался сделать перед тем, как их предприятие подойдет к концу. Сжечь ошибки прошлого, чтобы дать дорогу будущему.

— Вот, — указал Байл. Олеандр взглянул на экран. Перед ними раскинулся Черный Голан. Археорынок занимал самый большой участок разломанной коры и распространялся на обе ее стороны и внутрь. Сквозь камень когда-то пробурили гигантский коридор, в котором могли поместиться десятки, если не сотни кораблей, и рынок покрывал его внутреннюю сторону, уходя так далеко, что конца не было видно ни невооруженным глазом, ни сенсорами.

Едва «Везалий» опустился в канал, из вокса понеслись переговоры. Небольшой личный транспорт и более крупные корабли сопровождения боролись за место, время от времени вступая в открытые бои. В Черном Голане конфликты не допускались, но правило не распространялось на его воздушное пространство. На

глазах Олеандра один небольшой корабль вылетел в пустоту, бесконтрольно вращаясь и оставляя за собой огненный след.

— Как я скучал по этому месту, — сказал он.

— Не вижу эльдарских кораблей, — заметил Саккара, — Ты уверен, что они тут?

— Корсары прилетают сюда, чтобы продавать награбленное. Черный Голан — одно из немногих мест вблизи Ока, где можно это сделать, не рискуя. Они здесь — или скоро будут, — ответил Олеандр.

— Но откуда ты знаешь? — спросил Саккара.

Олеандр внимательно посмотрел на него.

— У тебя свои демоны, брат, у меня свои.

Саккара явно собирался продолжить расспросы, но Байл махнул рукой, заставив его замолчать.

— Олеандр не стал бы вытаскивать нас сюда ради бесплодной затеи. Если бы он не был уверен, нас бы здесь не было. — Байл почесал подбородок. — Однако мне не хочется просто ждать, когда они появятся.

— И не придется, — улыбнулся Олеандр, — Я уже пустил ищеек по их следу. Нужно только найти их, и они скажут нам, куда идти.

— Найти кого-то, чтобы найти кого-то, чтобы найти кого-то, — сказал Арриан. — Для тебя это игра, да?

— Если тебе так угодно.

— И что будем делать, когда найдем их? — нетерпеливо спросил Саккара, — Выманить? Узнаем, где они собираются, и атакуем?

— Нет, — ответил Байл, — Мы хирурги, а не дикари. Скальпель, а не меч, — Он перевел взгляд на Игори и остальных glandовых ищеек, — Ты создана для этой работы, дорогая. Готова к охоте?

Игори зажгла наркопапиросу и вдохнула полные легкие едкого дыма. По телу мгновенно прошла волна покоя, прогнавшая все тревоги. Она давно не чувствовала страх, как раньше, но события на мостике вызвали что-то похожее. Демоны шептали ей разные слова. Бессмысленные, лживые. Но она изо всех сил старалась не слушать. Благодетель говорил, что демоны — это ложь во плоти.

Но Благодетель сделал ее не только сильной, но и любопытной. Достаточно любопытной, чтобы прислушаться, совсем чуть-чуть. Чтобы задуматься над последними словами существа по имени Канатара. Она знала, кто такой Феникс. Фулгрим, демон-примарх Третьего. При мысли об этом существе стало плохо, поэтому она выкинула его из головы и опять затянулась, наслаждаясь вкусом наркопапирасы и чувствуя, как успокаивается. Порокам следовало поддаваться, но умеренно. Это ей тоже сказал Благодетель. Умеренность делала внимательным, голодным и всегда ко всему готовым.

Она стояла в десантном отсеке вместе со своим отрядом, смотря, как команда рабов-мутантов готовит «Сорокопута» к полету. Штурмовик был массивным кораблем — он состоял из сплошных острых углов, ракетных контейнеров и оружейных дул, а его корпус и реактивные двигатели были прикованы к палубе тяжелыми цепями. Апотекарий Цимисхий собрал «Сорокопута» из разнообразных деталей, включая останки нескольких «Грозовых птиц», и его машинный дух представлял из себя вспыльчивую химеру. Пилотами раньше служили стационарные сервиторы, но они давно превратились в мумии под воздействием вакуума. Никто не знал, кто управлял им теперь, а Благодетелю, похоже, было все равно, коль скоро корабль выполнял приказы.

«Сорокопут» не раз сбегал из своей клетки на борту «Везалия» — или его выпускали: у фрегата было дурное чувство юмора — и летал над развалинами Урума, убивая все, что мог. Игори восхищала такая непоколебимая любовь к убийству, если та, конечно, была направлена не на нее. Они убивали ради Благодетеля, чтобы отплатить ему за доброту, чтобы он мог и дальше творить чудеса.

Она задержала взгляд на своей стае. Они неплохо себя показали, когда на корабль проникли демоны. Умерла только Саша — невелика потеря. Они не показали ни страха, ни слабости. Хороший результат. Благодетель говорил, что со слабостью надо бороться. Она чуяла в воздухе, с каким нетерпением они ждут охоту. Их редко выпускали на поле боя. Отличная охота будет. Интересная.

Она отстраненно играла своим ожерельем из зубов. Благодетель плохо относился к трофеям, но для нее сделал исключение. Он редко ей в чем-либо отказывал, но она старалась этим не злоупотреблять. Благодетель дал, Благодетель взял. В очередной раз наполняя легкие

дымом, она заметила, что одна из автопушек корабля следит за каждым ее движением. К счастью, боеприпасы в «Сорокопута» загружали только перед самым вылетом. Тем не менее она отошла, чтобы между ней и штурмовиком было побольше рабов. Незачем дразнить зверя. На охоте у него будет достаточно возможностей удовлетворить свой голод.

— Испугалась, Первая?

Игори не стала оборачиваться.

— Нет. Я просто осторожна, Второй. А ты? На мостике часом не твоей мочой пахло?

По отсеку разнесся приглушенный смех. На этот раз Игори обернулась и потушила наркопапиросу о ладонь. Боль была неплохой, хотя и короткой. Адреналиновые железы напряглись в ожидании. Она бросила окурок в своего Второго. Ортис поморщился и смахнул пепел с груди. Он был крупнее нее, хотя и не настолько, как ему нравилось думать, и представлял собой бугрящийся мышцами шкаф с изрытым шрамами лицом. Скорее хвататель, чем преследователь или следопыт. Почти такой же сильный, как собратья Благодетеля, благодаря аргументированным железам.

— Я мочусь кислотой, Первая. Будь она моей — в палубе бы оказалась дырка.

— Или в твоих... — начал один из гончих. Ортис крутанулся, и его кулак вылетел вперед, как на поршнях. Шутник с криком упал на спину, держась за лицо. Игори вздохнула. Она чувала злость, исходящую от ее Второго. Страх и ярость, смешавшиеся в агрессию. Ее рука скользнула к ножу, лежащему в поясных ножнах на спине. Это был особенный нож, сердечный: с закругленным острием и созданный специально для того, чтобы одним ударом пробивать усиленную грудную клетку космодесантников. Для Ортиса он тоже подойдет.

Он повернулся к ней, ухмыляясь. Зубы у него были черные и треугольные. Он сам их подпилит и покрасил и не раз успешно пускал в ход. Они также заключали в себе мощный яд, извлеченный из насекомых с какого-то мира смерти, которых Благодетель выращивал в аптекариуме. В первую очередь эта улыбка была предупреждением.

Ортис уже несколько месяцев испытывал ее. Сновал вокруг и

ждал, когда она ослабит оборону. Окажется уязвимой. Игори его не винила. В свое время она действовала так же — в конце концов, она не всегда была Первой. Но Ортис вел себя слишком напористо. Жаль будет терять его, но ничего не поделать.

— Мне кажется, ты там испугалась, Первая. Я слышал, как ты кричала, — сказал он, разминая пальцы. Ими можно было рвать палубный настил.

— Странно, что ты вообще что-то услышал, учитывая, как ты держался, Второй, — сказала она. Она не напрягалась. Если она будет выглядеть напряженной, то выдаст свои намерения. Он поймет, что она готова к схватке, и отступит. Ей надоело осаждать его. Пришло время покончить со всем этим. — Рыдал там, как младенец.

Остальные молча смотрели на своих командиров, внимательно следя за их жестами и запахами. Кто бы ни погиб, каждый из них получит повышение. Третий станет Вторым, и так далее. Все были очень вежливыми, пока не находились на краю пропасти. Затем начинались потоки крови. Такова была жизнь.

— Не рыдал я, — прорычал Ортис и облизнул зубы. Он слишком часто моргал. У него в крови что-то было. И, возможно, не одно «что-то». — Я рычал, Первая. Показывал зубы.

— И какие здоровенные зубы! — сказала Игори, сжимая рукоять ножа. — Подойди ближе, и я помогу тебе от них избавиться.

Ортис бросился вперед. Удар был точным, но слишком медленным. Она отбила руку ладонью, одновременно доставая нож. Он слегка округлил глаза, услышав шелест клинка, покидающего ножны, а Игори, крутанувшись, изо всей силы вогнала нож ему в поясницу. Ортис был слишком силен, чтобы с ним играть. Его следовало прикончить как можно быстрее. Раздался хруст кости, и у него отказали ноги.

Игори отступила, когда Ортис упал на колени. Взыв, он попытался достать нож, но она пнула рукоять, перебив ему позвоночник. В справедливом бою не было чести. Только в победе. Это был первый урок, который Благодетель преподавал своим ищейкам. Она оглянулась.

— Ну что? — тихо спросила она. Все отводили глаза. Это было хорошо. Они знали свое место, — Даракс... Теперь ты Второй.

Даракс кивнул. У него было землистое лицо с впалыми щеками. Кожа туго обтягивала усиленные кости, а конечности усеивали штифты от имплантов. Он почесал один из них и спросил:

— А Ортис?

— Мясо для зверя, — ответила Игоря. Она повернулась, поставила ногу на затылок побежденного и, прижав к земле, выдернула нож. Ортис коротко вскрикнул и, зло уставившись на нее снизу вверх блестящими от слез глазами, щелкнул зубами. Игоря была осторожна и держалась подальше от его лица. Он не мог ходить, но по-прежнему мог кусаться. Схватив за ногу, она потащила его к «Сорокопуту».

Увидев Игоря, корабль задрожал в цепях и слегка приподнялся, благодарно гудя реактивными двигателями. Его орудия жадно вибрировали. Даже с пустыми магазинами он многое мог сделать. Ортис опять заныл, осознав, что она собирается сделать. Услышав шипение плавящегося металла, она оглянулась.

— Хм!

Он в самом деле мочился кислотой.

Глава 8

Черный Голан

Черный Голан покрывал развалины города, как разросшаяся плесень. Гигантские шатры и временные бункеры теснились рядом с менее понятными строениями — кристальными башнями, которые светились всеми цветами и в то же время ни одним из них, вздымающимися горами мусора и огромными, противоестественными зверями, бродящими с магазинами и киосками на спинах или в пастях.

Отовсюду неслись завывания стяжателей. Часть голосов, не самая большая, принадлежала людям. Они не были единственным разумным видом, который пытался найти убежище в беспокойном пространстве Ока Ужаса. И тем более они не были одиноки в своей жажде наживы, когда дело касалось останков давно погибших империй. Здесь были хруды, завернутые в плотные тряпки и предлагающие всем мимо проходящим бутылки со зрительным туманом-ссааком, и загадочные Зиго, меняющие добычу восьминогих пиратов-рак'голов на бионические импланты и оружие.

Олеандр глубоко вдохнул и с восторгом выдохнул.

— Как же я люблю ходить на рынок, — сказал он, переступая через суетливое, похожее на ящерицу существо в кольчуге из медных чешуек, — Здесь столько можно увидеть — и испытать.

Поверх брони он надел плотный, бесформенный плащ, а на голову накинул тяжелый капюшон. На мирах вроде Грандиозной ренегаты всех сортов были привычным зрелищем, ни к чему было привлекать лишнее внимание. На археомаркетах глаза и уши были повсюду, и одно лишнее слово могло создать немало проблем.

— Мы здесь не для того, чтобы удовлетворять твои ничтожные прихоти, — сказал Саккара, прикрывая лицо капюшоном и обходя извивающегося сслита. — А ради охоты.

— Ты прав, — ответил Олеандр. — И, кажется, я вижу след добычи, — Он указал на группу тонконогих кифоров, толпящихся у входа в тупик, — Вон они. Сразу за стаей кифоров.

— Где? — спросил Саккара, вглядываясь. — Не вижу никаких

эльдаров.

— Разве кто-то говорил про эльдаров? — Олеандр вышел из основного потока и направился к тупику. Тот располагался между высокими домами ксеносской постройки и был почти целиком скрыт за наростами из камней и корней, которые крепили здания к земле. Завидев приближающегося Олеандра, кифоры разбежались, прыгая на неестественно длинных ногах. Олеандр вошел в тупик, а Саккара последовал за ним, держа одну руку на болт-пистолете.

— Чем так воняет? — проговорил Несущий Слово. — Похоже на скисшее молоко и... и...

— Мяту, — ответил Олеандр. — Да, к запаху нелегко привыкнуть, но он скорее дурманит, чем вызывает тошноту. Истинный ценитель запахов мог бы назвать его даже... пикантным.

— Здесь воняет, — упрямо заявил Саккара, — Хуже, чем от слуг Нургла.

— Ну это уже гипербола. Я... стоп. Не делай резких движений, брат. Они нервные, — тихо сказал Олеандр. Саккара огляделся и округлил глаза, заметив силуэт чудовища, прижимающегося к стене. Из теней на них смотрели желтые глаза. По верху противоположной стены бесшумно проскользнул второй силуэт.

— Локсатли, — произнес Саккара. В его голосе ясно слышалось отвращение. Сыны Лоргара по-разному относились к ксеносам, но в большинстве случаев различия заключались в том, как их следует уничтожать. Несущие Слово не собирались делить благословения темных богов с другими расами.

— Тихо, — сказал Олеандр. Он вытянул руки, показывая, что в них ничего нет. Впрочем, это было всего лишь формальностью. Если бы локсатли решили, что у Олеандра с Саккарой дурные намерения, то убили бы их в ту же секунду, когда те вошли в тупик. Одно существо бесшумно вышло из темноты и пробулькало приветствие.

— Здравствуй, Фот, — сказал Олеандр, — У тебя новый шрам?

Локсатль выглядел как огромная склизкая рептилия без чешуи. Широкая зубастая голова покачивалась на толстой шее, а фиолетовый язык высовывался изо рта в беспокойном ритме. Хотя ксенос стоял на всех четырех ногах, высотой он был почти с человека. По боку серого черепа шел яркий белесый шрам.

Фот издал kloкочущий лай. Олеандр с дружеским видом закивал.

— А вот не надо было есть яйца родной сестры. Но ты выжил, это главное. А теперь... Расскажи, что ты видел.

Локсатль забулькал, отвечая. Олеандр улыбнулся, когда он закончил.

— Отлично. Обычной платы будет достаточно? Хорошо. То же место, что в прошлый раз, — Локсатль зарычал и щелкнул зубами. Олеандр покосился на Саккару. — Медленно отступай к выходу. У Фота есть чувство юмора, и оно плохо накладывается на нашу культуру.

Когда они добрались до улицы, Олеандр сказал:

— Наша добыча находится на улице Снов, в Юпикском квартале. Это недалеко. Они прилетели продавать награбленное.

— Я слышал, что корсары из братства Солнечного Удара — опасные воины, — заметил Саккара.

— Не настолько опасные, чтобы нам нужно было беспокоиться.

Саккара что-то проворчал.

— Ты, кажется, в хороших отношениях с тем... существом. Не понимаю, как ты можешь общаться с этими отбросами. Они даже не знают, как зовут богов, не говоря уже о том, как им правильно поклоняться.

— Красота скрывается в самых неожиданных местах, — ответил Олеандр. — Я некоторое время пытался воспроизвести подвижный радужный узор на их коже. Среди последователей Блистательного немало тех, кто готов убить за такое. К сожалению, локсатли недолго живут после того, как снимешь с них кожу, а когда они умирают... увы. — Он покачал головой, — Говорят, что на подобных разочарованиях и строится знание.

— Кто говорит?

— Какая разница? — ответил Олеандр, глядя на Саккару.

— Мне просто интересно, — сказал Саккара, посмотрел вверх и пробормотал что-то. Олеандр почувствовал холод.

— Что ты сейчас сделал?

— За нами следят. Я отправил собственного шпиона наблюдать за наблюдающим.

— Ты принес с собой демона? — удивился Олеандр и тоже поднял голову, выискивая шпионов. Он подозревал, что знает, кто они, но не хотел портить сюрприз и делиться этой информацией. Они и так скоро себя покажут.

Саккара посмотрел на него и постучал по одной из склянок для демонов, висящих на броне. Олеандр заметил, что та пуста.

— Я всегда их с собой ношу. Они питаются злобой, а ее у меня в избытке.

Настала очередь Олеандра удивленно смотреть на собеседника. Фраза подозрительно походила на результат самоанализа, который у него совсем не ассоциировался с фанатиками вроде Саккары.

— Правда?

— Разумеется. Если хочешь тягаться с нерожденными, злоба должна тебя переполнять, — с набожным видом ответил Саккара. — Тебе нужны сердце, полное злобы, разум, полный ненависти, и железная воля. Именно эти три качества лорд Эреб описал в своем эпохальном трактате...

Олеандр поднял руку, сдаваясь.

— Я понял, спасибо.

— Ты ведь боишься их, я прав? — спросил Несущий Слово.

— Я осторожен.

Саккара улыбнулся.

— Они так не думают. Они говорят, что ты волнуешься.

Рука Олеандра опустилась к мечу.

— А они говорят, из-за чего?

— Пока нет, — отвел взгляд Саккара.

— Сообщи мне, когда скажут. Пора связываться с остальными. Нам еще ксеноса ловить. — Он активировал подкожный вокс и произнес: — Если кто-нибудь слушает, мы напали на след.

— Хорошо. «Сорокопут» уже в пути. Направляемся по твоим координатам.

Олеандр отключил связь и посмотрел на Саккару.

— Идем. Юпикский квартал в той стороне.

— Что это за улица Снов, которую ты упомянул? — спросил Саккара, когда они стали пробираться через толпу на улицах, — Звучит по-декадентски.

— Она может быть и декадентской, — ответил Олеандр, — Смотря какой сон. Местные торговцы продают их. Кошмары в том числе. И покупают, если хочешь продать. Я знаю одного воина из Третьего, который обменял свои воспоминания об апофеозе Фулгрима на сон про миграцию хрудов. Другой продал свой последний сон об Императоре-трупце за кошмар с пытками в Темном Городе.

Саккара фыркнул:

— Плохая сделка.

— Вообще-то, я считаю, что остался в плюсе. Я собираюсь когда-нибудь посетить Коммораг. Там можно многое узнать и ощутить — если, конечно, желудок выдержит, — Увидев выражение лица Саккары, Олеандр рассмеялся: — Держи своих демонов наготове, они могут понадобится.

Улицы города расширились и сужались без какого-либо принципа или логики. Город умирал, как и сама Грандиозная, разрушаясь на протяжении веков, а не дней или недель. По улицам бродили призраки — безжизненные сгустки душевного огня, собирающиеся вокруг киосков и палаток. При приближении космодесантников Хаоса они разлетались, как испуганные птицы.

— Вон там, — сообщил Олеандр и указал на отдельно стоящую каменную арку, нависающую над улицей. Она была завешана сломанными мечами и обломками брони, — Добро пожаловать на улицу Снов, — объявил он, когда они прошли под ней.

— Она выглядит так же, как все остальные улицы в этой дыре, — бросил Саккара. Он пригнулся, уклоняясь от подвесной железной клетки, в которой нечленораздельно выло и стучало по прутьям порождение Хаоса. Между складками переливающейся гниющей плоти проглядывало что-то, похожее на остатки багровой силовой брони.

— Внешность бывает обманчива. Говорят, что боги здесь

особенно сильны.

— Мы возле Ока, Олеандр. Есть ли здесь места, где боги не сильны? — ответил Саккара, продолжая разглядывать тараторящее порождение.

— Я лишь делюсь народной мудростью, Саккара, — сказал Олеандр, — Незачем превращать это в дебаты.

— Догма — как жесткое мясо. Ее надо хорошо разжевывать. Так говорит Кор Фаэрон в своем семьдесят втором послании, — ответил Саккара. — Интересно, кем он был?

Олеандр посмотрел на лопочущее существо.

— Кем-то, кто не имеет значения, — сказал он. Только слабаки или глупцы позволяли себе дойти до такого. Богов следовало держать на расстоянии вытянутой руки, если не хватало ума с ними обращаться.

— Для богов все имеют значение. В каждом человеке хранится семя будущего величия, которое лишь ждет возможности пустить корень и расцвести.

— Ты говоришь как главный аптекарий.

Саккара обернулся к нему:

— Даже в нем есть это семя.

— Поэтому ты до сих пор его не убил?

Саккара коснулся груди.

— У меня есть на то множество причин, сибарит. Но это одна из них, да. Когда демоны говорят, мудрые люди слушают, чтобы отделить правду от лжи.

— И что же демоны говорят о нашем повелителе?

— Что он слишком долго ходит на свободе. И что скоро его усмирят. — На покрытом шрамами лице Несущего Слово возникла кривая улыбка. — С нетерпением жду этого дня и возможности этому поспособствовать. — Он вдруг напрягся, — Посмотри туда.

Олеандр оглянулся.

Впереди сквозь толпу скользили изящные существа в оранжево-золотой броне. Даже в такой разнородной толпе эльдары узнавались

без труда. Ни одна другая раса не умела двигаться с таким непринужденным, надменным изяществом, с таким скрытым презрением к окружающему миру.

— Покупают сны и наркотики, как Фот и говорил, — сказал Олеандр, смотря, как один из ксеносов подходит к киоску.

— Они побегут, как только нас заметят, — предупредил Саккара.

— На то и расчет, — ответил Олеандр. Он скинул капюшон и распахнул плащ, чтобы стала видна броня. Толпа расступилась. Олеандр уловил запах их страха, оказавшийся на удивление приятным. Легионерские войны закончились, но у обитателей регионов вокруг Ока была хорошая память. Он обнажил меч и запел. В песне не было слов, насколько ему было известно. Он узнал ее одним прекрасным вечером от комморагской гладиатриссы. Ее мозг был пропитан болью и сожалением, и его душа затрепетала при воспоминании об этом вкусе.

Корсары резко обернулись, едва первые ноты ударили воздух, как металл ударяет кристалл. Олеандр улыбнулся:

— Спускай собак, брат. Одного оставь живым, остальных можно убить.

Саккара открыл несколько своих демонических склянок и произнес одно жуткое слово. Воздух похолодел, и мимо Олеандра стрелой пронеслось что-то невидимое, разрывая реальность, словно тонкую ткань. Приближаясь к добыче, демоны отвердевали, из мерцающего тумана превращаясь в существ из плоти и крови. Их было трое, и они напоминали вытянутых бескожих собак, истекающих синим ихором. Корсары бросились в разные стороны, пытаясь укрыться в паникующей толпе, и одновременно открыли стрельбу из сюрикеновых катапульти. Один из демонов, на бегу опрокидывающих палатки и разрывающих на куски неудачливых торговцев, лопнул под снарядами, как перезревший фрукт.

Другой прыгнул на ближайшего корсара, уронив его на землю. Пока демон щелкал зубами, роняя хлопья пены, ксенос достал нож. Клинок мелькнул в воздухе, и голова пса слетела с шеи. Саккара выругался. Олеандр заметил движение на периферии зрения и развернулся, выхватывая из кобуры болт-пистолет. Его взрывной снаряд угодил корсару прямо в грудь, едва не разорвав его пополам. Последний выстрел ксеноса прошел мимо и ударил в подвесную

клетку позади, открыв порождению Хаоса путь на свободу.

Монстр кинулся на Саккару, и они вместе врезались в палатку с ядами, раскидывая в стороны различные ампулы и разбивая чаны со зловонными зельями.

Олеандр только успел повернуться, чтобы помочь Саккаре, когда последний демон взвизгнул и разлетелся на куски под выстрелами, оставив после себя только лужу. Оставшиеся эльдары бросились прочь, двигаясь так быстро, что за ними не поспевал взгляд.

— Они бегут, — сообщил он по воксу. — Я последую за ними, как только вытащу Саккару из желудка этой твари. Выпускайте гончих.

Игори бежала. Это было одной из главных радостей в ее жизни — бежать. Преследовать. Охотиться. Она перепрыгивала через проемы между крышами и платформами, не сбавляя скорости, и каждый нерв в теле, каждый орган чувств работал в полную силу. Оружие приятно тяготило. Она добавила к своему арсеналу лазерный пистолет и автопушку. Впрочем, для нынешней охоты хватило бы любого из них. Эльдары были хрупкие. Совсем не как Ангелы, на которых она обычно охотилась.

Она прыгнула, ухватилась за шест палатки, развернулась, не теряя скорости, и приземлилась на сломанный парапет. Затем вскарабкалась по наклонной стене, ненароком роняя расшатавшиеся камни. В воздухе воняло страхом ее добычи. У эльдаров был особый запах — слабый, но отчетливый. Так пахла очень холодная вода или тающий лед. Внизу эльдары бежали к своему лагерю, рассчитывая укрыться в нем. Надеясь, что большая численность им поможет.

Хороший план. Увы, Благодетель знал, что они так поступят. Он хотел, чтобы они испугались и бросились в бегство, чтобы стали готовиться к войне, которая никогда не наступит. Чтобы смотрели перед собой, пока все самое важное происходило у них за спиной. Благодетель всегда так сражался: обманом, из тени. Открытый бой был занятием для глупцов и пустой тратой ценных ресурсов.

Игори не сводила с добычи глаз. Благодетелю был нужен только один эльдар, и она выбрала его наугад, не сомневаясь, что инстинкты укажут ей на самого слабого. Выбранный ксенос был ранен и оставлял за собой кровавый след. Всегда следовало начинать с самого слабого. Игори усвоила это еще в детстве, когда ловила пищащих

крыс в темноте и тишине; тогда она была слабой и ее пытали такие же.

Воспоминания о жизни до Благодетеля давно померкли, утратили цвет и смысл. Она помнила голод. Холод. Страх. Теперь ничего этого не было. Теперь она была сильной. В ее жилах текла кровь самих богов. Но ей до сих пор нравилось есть слабых.

Она вскинула автопушку, подвешенную на ремне, и выстрелила на бегу, прострочив стену перед своей добычей. Эльдар отделился от товарищей.

— Беги-беги, мясо! — прорычала она. В стороне грохотали выстрелы, а ее стая выла, увеличивая расстояние между ее добычей и остальными корсарами, перекрывая все возможности отступить и помочь. Она довольно рассмеялась. Даракс уже начал доказывать, что искуснее Ортиса.

Ее смех превратился в удивленный крик, когда мимо просвистел сюрикен. Она спрыгнула с крыши, через кувырок встала на ноги и только успела развернуть автопушку в сторону противника, когда второй стремительный выстрел выбил оружие из руки. Ксенос сидел на опрокинутом киоске, направив в ее сторону дымящийся пистолет. Одна тонкая рука была прижата к ране на боку, где что-то пробило его психоактивную броню.

Ксенос прицелился, готовясь к следующему выстрелу. Но не успел он нажать на спусковой крючок, как автопушка взревела, разнеся киоск на щепки и вынудив ксеноса броситься в укрытие. С трудом двигаясь из-за раны, он тяжело упал. Сюрикеновый пистолет отлетел в сторону, но, когда ксенос вскочил на ноги, в руке у него уже был тонкий нож.

Даракс и остальные гончие открыли огонь, заставив его отступить в сторону Игоря. Она на мгновение задумалась, не воспользоваться ли лазпистолетом, но в конечном счете предпочла ему нож. С ножами было лучше. Охота в любом случае кончалась кровью, но она хотела вблизи увидеть боль в глазах своей жертвы. Игорь вытащила собственный нож и бросилась вперед, используя обломки, усеявшие улицу, в качестве трамплина.

Эльдар двигался так быстро, словно у него не было костей, и атаковал Игоря прежде, чем та успела приземлиться. Игорь отпрыгнула назад, но не успела вовремя. Кровь окрасила живот в том

месте, где острое ксеносского клинка коснулось плоти. Она рассмеялась.

— Неплохо, мясо, — Игори достала собственный нож и поманила его, — Попробуй еще раз. Давай. Не тяни, мяско.

Эльдар подчинился. Он бросился вперед стремительно, как змея. Их ножи со скрежетом столкнулись, и Игори отшатнулась, на мгновение поразившись силе своего противника. Она отпрыгнула назад, и эльдар тоже отступил, встав в оборонительную стойку. Рана явно не лишила его решимости. Корсар поднял руку и повторил ее недавний жест. Игори рассмеялась:

— Как пожелаешь, — сказала она и бросилась вперед, низко держа нож. Оружие эльдара мелькнуло в воздухе, чтобы заблокировать удар, как она и надеялась. Игори проскользнула по земле, кувыркнулась и врезалась плечом в грудь противника. Они вместе влетели в стену позади, повредив древнюю кладку. Нож корсара опять коснулся ее, вынудив выронить собственное оружие. Она погрузила пальцы в рану на боку существа и дернула. Эльдар завопил, и Игори ударила его усиленным черепом по лицевой стороне шлема. Ксеносский металл прогнулся и пошел трещинами.

Игори отшатнулась. Голова кружилась. Она поднесла пальцы ко рту и облизала их.

— Как мед, — сказала она. Эльдар зло бросил ей что-то на своем мелодичном языке и взмахнул ножом, но атака вышла небрежной. Игори прогнулась, уклоняясь, схватила противника за запястье и ударила его по локтю ладонью свободной руки. Треснула кость. Корсар опять закричал. Игори атаковала покачивающегося эльдара локтем по шее и сделала подсечку.

Падая, тот ухватился за Игори, и она рухнула на него, прижимая к земле своим весом. Сжав ему горло, Игори занесла кулак и обрушила на треснувший шлем такой град ударов, словно в руках у нее были поршни. К тому моменту, как эльдар потерял сознание, костяшки на руке кровоточили, а пальцы ныли. Игори поднялась, тряся поврежденной рукой.

Даракс и остальные подбежали к ней со смехом и улыбками. Она устроила хорошее представление.

— Первая, он еще шевелится, — сказал Даракс. — Хочешь, я выпущу ему кишки?

— Он нужен Благодетелю живым, Второй. Так что оставь его кишки там, где их место.

Игори оторвала рукав его рубашки и обернула им кисть, завязав импровизированный бинт зубами. Благодаря работе повелителя на них все быстро заживало. Тряпки пока будет достаточно, а потом все зарубцуется.

— Смотри, он обронил свою игрушку, — сказал один из гончих. В руках у него был сюрикеновый пистолет.

— Дай сюда, — прорычал Даракс, — Я второй, он полагается мне.

Игори несколько секунд не мешала им рычать друг на друга, пока поднимала нож. Когда Даракс отобрал у гончей пистолет, она постучала его по плечу клинком. Тот насупился, но отдал оружие, которое она тут же заткнула за пояс.

— Мой противник. Моя игрушка, — сказала она, — Есть возражения?

Никто не смел смотреть ей в глаза. Они еще не забыли, что случилось с Ортисом. Игори улыбнулась и активировала вокс, имплантированный в челюсть.

— Благодетель, мы его поймали.

Глава 9

Арлекинада

К тому моменту, как Байл прибыл, гудящей толпы на рынке уже не было. Воздух дрожал от грохота машин, чьи пассажиры надеялись укрыться в лабиринте Голановских улиц. Некоторые прятались в своих киосках или теснились в палатках, испуганно наблюдая за процессией аптекариев-ренегатов. Эльдары-налетчики в шипастой хитиновой броне расступались перед ренегатами, шипя что-то друг другу. Мутанты с других миров и благословенные варпом люди-культисты почтительно опускались на колени, бормоча молитвы темным богам, когда космодесантники проходили мимо.

Байл был погружен в раздумья и не обращал на них внимания. Он шел впереди, сцепив руки за спиной, словно прогуливался по

своему лабораториуму на Уруме. Олеандр и остальные следовали за ним, держа руки на оружии. Впрочем, они были не так уж и уязвимы: Цимисхий решил, что сейчас хорошая возможность испытать одного из своих «Кастеллаков». Он вышагивал позади, гулко бормоча что-то Цимисхию на трескучем от помех бинарике.

— Я завидую тебе, брат, — сказал Олеандр, глядя на Саккара, — Могу только представлять, что это был за опыт. — Поношенную броню Несущего Слово покрывали пятна быстро высыхающей слюны и царапины от подвижных зубов, — Каково это — побывать в желудке порождения Хаоса?

— Я поражен, что оно не отрыгнуло его, едва проглотив, — сказал Арриан.

— Это было... неприятно, — ответил Саккара, скребя пальцами по броне, — Придется гравировать все заново, — угрюмо добавил он и поднял руку, благословляя мутантов, которые цеплялись за его ноги и что-то невнятно лопотали.

Олеандр с трудом сдержал смех. Саккара совершенно не ожидал этого нападения. Порождение Хаоса едва не проглотило его целиком, специально для этого случая вырастив новый рот и надув пищевод. Лишь благодаря живости ума Несущий Слово быстро отыскал иссохший мозговой ствол твари и вырвал его из деформированного черепа. Порождение лопнуло, как проткнутый шарик, оставив Саккару стоять в окружении своих ошметков.

Они не стали упоминать куски багровой силовой брони среди этих ошметков. Брони с характерным символом пламени и гравировкой из слов. Око могло убить тысячью разных способов, но иногда оно действовало страшнее. Порой выживший больше не был тем, кем был раньше, или жалел, что не был.

Хорошее настроение оставило его. Порой деградация заходила слишком далеко даже по меркам Третьего. Но те, кто работал в области эмпиреев, никак не могли ее избежать. Варп действовал как слабая кислота, уничтожая человека по капле. Сначала уходили клятвы, потом дисциплина, потом узы братства, а потом, в самом конце — самосознание. Дети Императора зашли по этому пути так далеко, что их, возможно, уже нельзя было спасти. Но пока тело жило, жила и надежда.

Именно надежда вела его. Надежда на будущее, на более

сильные удовольствия и более содержательную боль. Он вдруг заметил длинную и тонкую тень-силуэт, прячущуюся под упавшей палаткой. Олеандр не видел лица, но все равно понял, кто это. Он не подал вида, что что-то заметил. Пусть они ведут свою игру. Он будет вести свою.

Гландовые ищейки ждали их, как и пристало преданным собакам. Игори сидела на лежащем без сознания эльдаре, играя причудливым кристаллическим ножом. Поднявшись, она заткнула нож за пояс, положила руку на приклад сюрикенового пистолета и сказала:

— Он живой, Благодетель. Как вы и приказали.

— Вижу, Игори. Я очень доволен, — Байл поймал ее забинтованную руку. Игори поморщилась, когда клинки хирурга разрезали пропитавшуюся кровью тряпку и обнажили синюю от кровоподтеков, разорванную кожу. — Так, это не пойдет. Для чего тебе дали оружие, дитя мое?

— Обстоятельства потребовали изменить подход, Благодетель, — ответила Игори.

— Конечно. Здесь ничего серьезного. Несколько осколков психореактивного металла застряли в костяшках, но твой организм их со временем исторгнет. А я пока закрою эти порезы... — Хирург с шипением активировал костяной резак и провел им над рукой Игори. Она побледнела, а воздух наполнился запахом прижигаемой плоти. Олеандр думал, что она закричит, но она проявила впечатляющий самоконтроль. Байл выпустил ее руку и замахал ладонью, разгоняя дым. Игори прижала руку к груди, стиснув зубы.

Олеандр наклонился и перевернул эльдара. Корсар был одет в оранжевое и желтое облачение с пепельными ромбами на одном рукаве. На табарде был изображен символ братства Солнечного Удара. Шлем у элдара был весь в вмятинах и трещинах. Олеандр осторожно снял его. Лицо под шлемом вроде бы было женским, однако у элдаров всегда было сложно определить пол, а из-за крови и синяков задача становилась еще сложнее. Он проверил жизненные показатели ксеноса с помощью нартециума.

— Оно еще живо. Едва, — Он осмотрел рану на боку. На коже вокруг раны блестел прозрачный гной — признак демонических сил. — Но надо позаботиться о ранах, если хотим, чтобы оно выжило.

— Мы так и поступим, как только вернемся на «Везалий» и окажемся в безопасности, — ответил Байл, стирая большим пальцем пятнышко крови со щеки Игоря. — Сколько раз меня посещала мысль, что Император поступил не так уж и мудро, предоставив свои дары лишь половине человеческой расы. Ибо у человека, как и у всех зверей, самыми опасными являются самки. Твоя свирепость прекрасна, дорогая моя, и не верь никому, кто станет утверждать обратное.

— Она его чуть не убила, — заметил Олеандр, поднимаясь. Над головой загрохотало, и он посмотрел на небо. Начинался дождь. Он больше напоминал кровь или масло, чем воду. Капли оставляли на броне жирные следы. Возможно, это были слезы остатков атмосферы.

Мгновение спустя залаяла сюрикеновая катапульта, и в его предплечье впились несколько блестящих мономолекулярных снарядов. Покачнувшись, он прижал руку к груди и отступил. Арриан и Саккара открыли огонь в направлении, откуда пришли выстрелы и где оранжевые силуэты скользили между каплями дождя, используя палатки и киоски в качестве укрытий.

— Они перегруппировались быстрее, чем я рассчитывал, — сказал Олеандр.

— Именно поэтому Цимисхий взял своего питомца, — ответил Арриан. — Брат?

Цимисхий отрывисто кивнул, и орудийные системы боевого автомата с жужжанием ожили. По жесту Железного Воина машина ринулась в бой, поливая рынок огнем на подавление. Болт-пушки грохотали, с хищной внимательностью отыскивая любое движение, даже самое незначительное. В перекрестном огне гибли и эль-дары, и торговцы. Олеандр засмеялся, глядя на эту бойню.

Хорошее настроение оставило его, когда на периферии зрения возникла многоцветная вспышка и движение. Вокс-канал затрещал, и ему показалось, что раздался смех. Здесь были не только корсары. Он выругался.

— Ты что? — спросил Саккара. Олеандру оставалось лишь гадать, услышал ли тот смех. Он замотал головой. Это было сомнительно.

— Просто призываю на их головы проклятия Принца, брат, — ответил он.

— Это хорошо. Твоя набожность делает тебе честь, — сказал Саккара, удовлетворенный ответом.

Как только корсары переключились на «Кастеллакс», Байл отдал приказ, и Игори, наклонившись, взвалила пленника на плечи. Гландовые ищейки выстроились вокруг них и открыли огонь.

— Кажется, пора уходить, — заметил Олеандр, разминая поврежденную руку. Раны уже затянулись, но болеть они будут еще несколько часов, и ему было грустно осознавать, что времени насладиться страданием не оставалось.

Внимание привлек всполох оранжевого: новые корсары неслись им наперерез, благодаря прыжковым ранцам преодолевая извилистые улочки на скорости, недоступной Астартес-ренегатам.

— Они окружили нас со всех сторон, — заметил Несущий Слово, спокойно стреляя по мечущимся силуэтам.

— Неужели ты думал, что они позволят нам просто взять и уйти со своим сородичем? — спросил Олеандр. Корсары пытались задержать их, перекрыть пути отхода. В вокс-канале опять затрещало, и он услышал что-то вроде смешка. «Солнечный Граф к нам в город привел короля-оборванца», — прошептали сквозь помехи.

— Гранаты, — спокойно сказал Байл. Олеандр снял одну с пояса и зарядил ее движением пальца. Саккара сделал то же самое. Они метнули гранаты в противоположных направлениях, и взрывы сотрясли рынок. Арриан и Цимисхий последовали их примеру, пока вскоре воздух не начал дрожать от грохота. Киоски разлетались на куски или загорались. Экзотические отвары и ксеносское оружие перегревались и взрывались, усиливая неразбериху. Торговцы в панике разбегались.

Один корсар в особенно вычурной броне вылетел на прыжковом ранце из образовавшегося дыма, приземлился, проскользив между ногами «Кастеллакса», вскочил на ноги, не теряя скорости, и перепрыгнул через Цимисхия, который замахнулся на него топором. Корсар устремился к Байлу, со свистом рассекая воздух мечом. Байл беззаботно улыбнулся.

— Арриан, будь так любезен.

Пожиратель Миров двинулся наперерез ксеносскому воину.

От ударов клинков во все стороны полетели искры. Корсар изогнулся в воздухе, приземлился и сделал выпад, по Арриан парировал и его. Ксенос был быстрее Пожирателя Миров, но уступал ему в плане физической силы. Они метались под маслянистым дождем, парируя атаки друг друга и вновь расходясь. Куда бы эльдар ни повернул, Арриан каждый раз оказывался у него на пути, пусть и в последний момент. Они сближались и разделялись, двигаясь так быстро, что взгляд Олеандра с трудом поспевал за ними.

Спустя мгновение после начала боя Арриан почти небрежно взмахнул кулаком, отшвырнув эльдара на несколько шагов.

Корсар тут же вскочил, но замялся, явно оценивая свои шансы. За то время, пока шла их дуэль, стрельба ослабла, и эльдар склонил голову набок, словно прислушиваясь. Олеандр опять услышал смех и раздраженно зарычал. Они собирались все испортить.

— Арриан, хватит с ним носиться, убивай уже, — сказал он, достал болт-пистолет и прицелился в корсара, но тот исчез из виду, скрытый дождем, прежде чем Олеандр успел выстрелить.

Арриан покосился на него, но промолчал. Он провел рукой по клинку, сгоняя воду, после чего убрал его в ножны и перевел взгляд на задымленную улицу.

— Почему они ушли? Мы были у них в кольце.

Олеандр помедлил с ответом.

— Возможно, с них хватило жертв. Даже корсарам небезразличны свои жизни. Нужно уходить, пока есть возможность.

Он убрал пистолет в кобуру, повернулся и обнаружил, что Байл разглядывает его. Во взгляде старого повелителя была задумчивость, которая Олеандру совсем не понравилась.

— Да, — кивнул Байл, перевел взгляд на бессознательного эльдара, висящего на плечах Игоря, и жестоко улыбнулся: — К тому же мы получили, что хотели.

«Сорокопут» ждал их на следующей площади, с воем орудий зачищая территорию от любых возможных угроз. Корсары, по всей видимости, старались держаться подальше от корабля, и Олеандр не мог их винить. «Кастеллакс» Цимисхия до сих пор охотился на рынке, расстреливая все, что двигалось.

Заметив их, «Сорокопут» деактивировал орудия, напоследок издав недовольный скрип.

— Отнеси нашу добычу на борт, — сказал Байл Игорю, — Остальным охранять посадочную площадку. Мне не нужны новые помехи.

Он еще говорил, когда по корпусу корабля прошла полоса света и огня. «Сорокопут» завопил от злости и с визгом реактивных двигателей взмыл в воздух. За первой серией вспышек последовала вторая, а затем и третья, вынуждая корабль подниматься сквозь дождь все выше и выше, где вражеское оружие не могло его достать.

— И что теперь? — спросил Байл.

В этот момент земля вокруг них взорвалась, наполнив влажный воздух огнем и кипящими химикатами. Олеандр услышал доносившиеся с крыши мерзкий смешок и насмешливые аплодисменты.

— Нет, — прошипел Олеандр, — Не сейчас.

Заметив, что Арриан смотрит на него, он спросил:

— Ты видел, откуда стреляют?

— Из-за дождя сложно сказать. Сенсоры моей брони их не видят. Их больше одного — или они перемещаются после каждого выстрела, — ответил Пожиратель Миров, — В любом случае они взяли нас в перекрестный огонь. Умно.

На улице мелькали пятна зеленого, черного и золотого цветов: изящные силуэты показывались в поле зрения и сразу же исчезали. Гландовые ищейки стреляли по ним, но ни в кого не попадали. Время от времени раздавался высокий, пронзительный визг, и какой-нибудь неудачливый ищейка загорался или падал, словно его выпотрошили невидимым ножом. Впрочем, ксеносы рассчитывали посеять панику этими атаками, их ждало разочарование. Аугментированные люди не отступали и только сильнее сжимали оружие, теснее сбиваясь под дождем и рыча от нарастающей злости.

Из вокса Олеандра неслась какая-то бессмыслица: «Режь его, ломай, уйти ему не дай». Секунду спустя из дождя выскользнул первый арлекин.

Ярко одетый эльдар, вооруженный двумя сверкающими

клинками, скакал прямо к ним. Саккара повернулся — медленно, очень медленно, но достаточно быстро, чтобы заблокировать смертельный удар. Олеандр отбил выпад, который должен был пронзить одно из его сердец, и краем глаза заметил, что другое скопление ярких пятен бежит к Байлу. У главы труппы были высокий зелено-золотой гребень с черными пятнами и длинноногая, большеглазая маска.

Байл развернулся, но было поздно. Клинок прошел сквозь керамит, как сквозь плоть, и из-под брони хлынула кровь. Глава труппы отскочил, а на смену ему прыгнул второй, но тут же получил в висок удар посохом Мучений, от которого раскололись и ухмыляющаяся маска, и череп под ней. Тело рухнуло на землю, словно тряпичное.

Смех арлекинов, похожий на призрачное жужжание насекомых, гулял по частотам вокса. Клинки вылетали вперед, задевая Олеандра, несмотря на его попытки обороняться. Эльдары пели, словно это был не бой, а представление. «Режь его, ломай, уйти ему не дай. Атакуй, помани, другому уступи». Олеандр видел периферийным зрением, как они кружат возле Байла, словно ярко раскрашенные птицы, атакуют и отпрыгивают прежде, чем он успевал достать их посохом.

Цимисхий бросился к Байлу, едва тот упал на колено. Силовой топор Железного Воина опустился на арлекина, оставляя в воздухе голубой молниевый след, и опалил щетину гребня, а когда эльдар обернулся, Цимисхий ударил его утяжеленной рукоятью молота в живот, опрокинув на землю.

Олеандр уже бежал им на помощь, когда что-то опутало ему ноги и он рухнул лицом вниз. Извернувшись, он увидел, как атаковавший его эльдар насмешливо салютует ему, подняв посох. На ксеносе была знакомая ему маска — серебристо-зеркальная, с полосой световых ромбов. Олеандр попытался подняться, но существо уже исчезло, растворившись в дожде так же стремительно, как оттуда вышло. Его исчезновение, казалось, послужило сигналом для остальных арлекинов, и все они, даже мертвые, пропали, словно их и не было.

— Вот почему корсары ушли. Арлекины, — прошипел Байл. Он поднялся, опираясь на посох, и, внимательно следя за разноцветными силуэтами, которые настороженно мелькали между киосками, налепил герметизирующую заплату на дыру в броне. — Ловушка, и

выбраться из нее можно только силой. Отступаем и разделяемся. Встречаемся на дополнительной посадочной площадке. Саккара, Цимисхий, вы сопровождаете Игоря. Наша добыча должна добраться до корабля в целости, чего бы это ни стоило, — Он схватил Саккару за край горжета и притянул к себе. — Береги ее как зеницу ока, или я сделаю так, что твои последние мгновения будут длиться вечность, — Он махнул рукой одному из ищеек, — Даракс, ты идешь со мной. Мы уведем за собой столько врагов, сколько сможем. Арриан?

— Главный аптекарий?

— Иди убей что-нибудь. Олеандр, ты тоже. Сделай полезное дело и выиграй нам немного времени.

Слова Байла перемежались кашлем. Его рана уже не кровоточила, но, судя по его виду, все еще причиняла боль. На бледном лице четко выделялись вены. Олеандру вспомнились разрушающиеся статуи в Урумском дворце, и он попытался прикинуть, сколько продержится нынешнее тело Байла. Неудивительно, что он так редко покидал старый мир.

— Разумеется, мастер, — ответил Олеандр. Он вскочил на ноги и направился вперед, выставив болт-пистолет. Арриан, судя по звукам, сделал то же самое.

А потом все звуки исчезли за смехом и воем невидимых труб. Арлекины двигались как ртуть, как дым, перемещаясь в мгновение, когда он моргал. Они сражались с синхронностью, от которой захватывало дух, и едва останавливались, чтобы нанести удар или уклониться от его атаки. Вскоре он был вынужден убрать пистолет в кобуру, осознав, что впустую тратит боеприпасы.

Он уже сражался с ними раньше и знал, что единственный шанс победить — это прервать представление, сбить им ритм. Но для этого надо было знать, что у них за представление. Он наблюдал за ними, а сенсоры брони записывали движения и пытались сопоставить их со старыми записями. В танце была какая-то примитивная красота — и рядом не стоящая с величием Слаанеш, одновременно вульгарная и величественная.

Когда один показатель на дисплее вспыхнул красным, он бросился вперед и схватил клетчатую ткань. Арлекин от неожиданности взвизгнул. Олеандр выдернул его из ряда и швырнул

к ларьку.

— Кто-то нарушил композицию, — заметил он, резко развернулся и ударил подпрыгнувшего к нему эльдара в живот предплечьем. Ксенос согнулся пополам и упал с разрывами внутренних органов и треснувшими, если не сломанными костями. Остальные отодвинулись и сменили танец.

Олеандр поставил ногу на грудь раненого арлекина.

— Идущая под Пеленой, — тихо сказал он, зная, что они услышат. На рынок опустилась выжидающая тишина. Тени, порожденные светящимся ядром Грандиозной, сгустились и удлиннились. Ксеносы захлопали в ладоши, но это были не аплодисменты, а аккомпанемент. Изящный ксенос выступил вперед танцевальным шагом, кружась, притопывая и хлопая в безудержном веселье. Из тьмы пронзительно засвистели. Началось новое представление.

Олеандр невольно дернулся при виде этого зрелища. Представление неведомым образом манило, несмотря на его попытки сопротивляться. Свет стал чуть приглушеннее, воздух пульсировал, и не только из-за хлопков и топота. На решетку его шлема обрушился посох, заставив покачнуться. Он отступил, и раненый арлекин уполз прочь. Зазвучали новые хлопки.

— Идущая под Пеленой! — проревел Олеандр. Его меч рассек воздух там, где только что стоял вывернувшийся из-под атаки ксенос, — Я знаю, что ты меня слышишь, ведьма. Мы так не договаривались. Почему ты нам мешаешь?

— Ты знаешь путь к Лугганату, Олеандр Кох. Зачем ты украл нашего сородича? — с придыханием прошептали ему почти прямо в ухо. Он развернулся, но успел увидеть лишь пятна гаснущего света.

— Лучше пожертвовать одним, но спасти миллионы, — сказал он, — Иначе бы он начал меня подозревать.

— Неужели? А я думаю, что Царь Перьев видит лишь свою горечь. Он смотрит назад, а не вперед. Вниз, а не вверх.

— Вы его не знаете.

Олеандр обернулся. Там был силуэт, но в то же время не был. Слышались звуки выстрелов и вой силовой брони в движении. Арриан был совсем рядом.

— Отнюдь нет. Мы знаем всех вас, и очень хорошо. Вы — лишь краткие сцены в представлении, которое идет с начала времен.

Ксенос прыгнул вперед в вихре теней и света. Олеандр заблокировал удар посоха мечом, и невозможным образом атака обернулась в живую картину. Арлекин висел над ним в воздухе, словно балансируя на краю его меча. Теперь у Олеандра была возможность подробно рассмотреть ксеноса. Тот был облачен в развевающиеся ткани зеленого, черного и золотого цветов, а из-под капюшона из желто-фиолетовых ромбов выглядывала зеркальная маска.

— Теневидица, — произнес он.

— Здравствуй, Олеандр. Не упрямясь, — прошептала она. — Ты — ось, вокруг которой вращается все представление. Можешь принимать это, можешь не принимать. Игра не изменится.

— Что? Зачем вы нас атаковали? Я все делаю так, как мы договорились...

— Такова была твоя роль, и меньшего ты сделать не мог. Ты хорошо ее сыграл, монкей. А теперь мы должны сыграть свою. Как бы он ни сопротивлялся, ему придется согласиться на роль, уготованную ему судьбой... Царь Перьев должен сбросить свои лохмотья и взойти на трон.

Олеандр зарычал и толкнул невесомого по ощущениям ксеноса назад, но та ловко кувыркнулась в воздухе и опустилась на землю. Плавным движением выпрямившись, эльдар затем изобразила короткий танец, закончившийся глубоким поклоном.

— Именно этого результата я и добиваюсь, — сказал Олеандр. — А вы мне мешаете.

— Не мешаем, нет. Помогаем. Все мы актеры на сцене. Ты — Солнечный Граф, ведомый желанием сжечь лохмотья старого короля и возвести его обратно на трон. А мы — призраки, что его преследуют. Призраки, которых ты прогонишь, — Олеандр шагнул вперед, чувствуя себя невозможно медленным и неловким рядом с Эльдаром. Та подпрыгнула, выпрямляясь, и устремила на него взгляд из-за серебристой маски, — Ты боишься тьмы, Олеандр?

— Я и есть тьма, — ответил он, поднимая меч.

Она рассмеялась:

— Есть тьма, а есть тьма-тьма-тьма. Кто ты? Не одно, а, увы, совсем другое.

— Что это значит? — спросил он, выбросив меч вперед, но эльдар ускользнула от атаки, как угорь, сделав сальто над клинком. Разноцветный посох опять обрушился на шлем, расколов одну линзу и опрокинув Олеандра на спину. Она склонилась над ним и провела тонкой рукой вверх по нагруднику, оставляя над поверхностью огоньки ослепительно-ярких цветов.

— Это значит, что судьба крепче всего сковывает тех, кто сильнее всего ей сопротивляется. А потому расслабься, — промурлыкала Идущая под Пеленой. — Все твои возражения — лишь шум. Как и возражения твоего повелителя. Драма разворачивается, и все мы должны сыграть свою роль.

Раздался хруст гравия. Она вскочила и развернулась, открывая огонь из сюрикенового пистолета, но Арриан несясь прямо под выстрелы, как бык. Теневидица ловко выскользнула из-под его клинков и со смехом скрылась из вида.

Арриан опустил взгляд на Олеандра.

— Ну, и кто тут с кем носитесь?

Глава 10

Кастелян Грандиозного замка

Фабий Байл шагал по рынку, посохом отшвыривая с пути палатки и тела. Даракс и остальные едва поспевали за ним. Следуя окольными путями ко второй точке сбора, glandовые ищейки выли и стреляли по убегающим торговцам, но это безрассудное на первый взгляд поведение на самом деле было попыткой привлечь врага. Вынудить его подойти ближе, чтобы нанести последний, смертельный удар.

Байл предпочитал сражаться с позиции силы — за стенами, турелями и достаточным количеством пушечного мяса, чтобы от грохота битвы оставался только приглушенный гул. Войны следовало избегать, когда это было возможно, и терпеть ради высших целей, когда это было необходимо. Байл поморщился и коснулся раны на боку. Она заживала, но медленней обычного.

Хирургeon тихо бормотал, посылая в мозг импульсы, которые вспыхивали на фоне мыслей, как молнии. По накладному дисплею бежали данные, предупреждая о неизбежном отказе этого органа и нарушениях в работе того. Он моргнул, проматывая список химикатов, в данный момент наполняющих организм. Он перенапрягся. Увы, в последнее время это не составляло труда. Его время было на исходе.

Но, возможно, это вскоре перестанет быть проблемой. Если он переживет следующие несколько минут, вероятность сильно возростала. Он почти сразу узнал нападавших: арлекины — на редкость зловердная фракция в своем виде. Коварные и непредсказуемые, с раздражающей привычкой появляться, когда и где их меньше всего ждали. Ему уже доводилось сталкиваться с ними, к его большому сожалению.

— Почти на месте, Благодетель, — сказал бегущий впереди Даракс. — Мы... ох.

Даракс споткнулся, упал и развалился на куски. Байл остановился. Все его стражи — его творения — одновременно и беззвучно погибли. Мгновение назад они бежали, а теперь валялись на земле в виде кусков плоти. Байл медленно обернулся, изумленно подняв брови.

По всей площади были растянуты мононити, словно паутина гигантского насекомого. Они на долю секунды блеснули на свете от ядра Грандиозной, а затем втянулись в пазы со свистом вытесненного воздуха. Байл раздраженно заскрипел зубами.

— Примитивно сделано, — крикнул он, смахивая кусок Даракса с плеча. — Их создание мне дорого обошлось.

Ответом ему был лишь взрыв ксеносского смеха, чередующийся с перешептываниями. Байл медленно сделал круг, осматривая рынок. Из-за ядра все было окрашено в тускло-охровый, даже дождь. На самой периферии зрения плясали тени, а броня зафиксировала несколько живых организмов, приближающихся к нему со всех сторон. Очередная ловушка. Он вспомнил последние слова Канатары перед его изгнанием. Не об этом ли демон пытался рассказать?

— Ну? — позвал он. Ответа не последовало. Только шум дождя нарушал тишину. Он хмыкнул. — Паника — естественный враг стратегии. Я пережил одну из величайших войн в истории

человечества. Я не сделаю и шага.

Он повернулся. Сенсоры, потерявшие часть охвата из-за дождя и фоновой радиации от ядра Грандиозной, пискнули.

— Лучше выходите. Какой смысл от меня прятаться? — продолжил Байл. — Время начинать! Поднимайтесь же на сцену, если так жаждете устроить для меня представление.

Опять смех и тихие хлопки издалека. Теперь он смутно видел их — как они смотрят, ждут... Чего? Мгновение спустя он понял.

— А! Сначала выход солиста.

Он обернулся. Разноцветные тряпки взметнулись в воздухе, и Байл отступил, уходя от выпада, едва не оставившего его без головы. Он выхватил игломет «Ксиклос» из кобуры и выстрелил. Тонкие капиллярные трубки устремились к арлекину, но тот уклонился со змеиным изяществом, остановился, отвесил такой низкий поклон, что подмел грязную улицу огромным разноцветным гребнем, и продолжил танцевать под задорные хлопки товарищей. Байл выругался и вскинул посох, парируя устремившийся к его горлу клинок.

— Слабое начало, — сказал он. Из-за белой маски с длинным носом и застывшей улыбкой невозможно было определить, понял ли его существо. Арлекин кружил возле Байла, двигаясь с невероятной скоростью. Очередной удар выбил искры из его наплечника. В ответ Байл взмахнул посохом, но противник с непринужденным видом сделал обратное сальто, уходя за радиус атаки. Многоцветные зрители отреагировали новыми аплодисментами.

Раздраженно заскрипев зубами, Байл сдержался и не стал следовать за ксеносом. Он уже попробовал раньше, и наградой за старания стала рана в боку. Поэтому он стал ждать. Существо продолжало медленно кружить. Из-за вырезанной на маске улыбки казалось, что оно смеется над ним.

«Посмотри, король в лохмотьях, слеп он к трону своему...» — зашипели в воксе, заставив Байла вздрогнуть.

— Я так понимаю, у вас это считается драмой, — произнес он, надеясь вызвать у них реакцию, — Заурядно сделано, должен заметить. Развязка известна заранее, да и настоящего драматического напряжения недостает.

Одного удара посохом хватило бы, чтобы избавиться от этого существа, но в боку опять вспыхнула боль. Он до сих пор не оправился от атаки, а физические нагрузки почти полностью исчерпали убывающие запасы выносливости.

«Стар он... стар... Одиноко бредет. Когда же, когда же на трон он взойдет?»

— Бред, — сказал Байл. Ксенос насмешливо поклонился. Байл задумался, видит ли тот, что он ранен, и ссутулился, надеясь приманить его поближе. — Ну? — закашлял он, — Кончай с этим фарсом.

Но вместо того, чтобы броситься на него, арлекин попятился, одновременно опуская оружие. Позади Байла раздался скрип шагов.

— Повелитель, вы ранены? — спросил Олеандр.

— Не очень. Будь так любезен, пристрели для меня это существо, — сказал Байл и закашлял в кулак. На латной перчатке остались брызги крови. Внутри что-то порвалось. Рана оказалась глубже, чем он думал.

Олеандр открыл огонь из болт-пистолета, но арлекин уже удалялся, кружась в пируэте.

— Простите, повелитель, — сказал Олеандр, стреляя по завалам из палаток и кабин, за которыми исчезали и остальные ксеносы. Представление закончилось. — Это как стрелять по теням.

— Тени не дают отпор. — Байл заставил себя выпрямиться. Не следовало показывать слабость перед Олеандром. Арлекин играл с ним, в этом сомнений не было, но зачем? Байл крепче сжал посох. Не покажись Олеандр, он, возможно, узнал бы причину. В удачный момент тот появился — вот только для кого? — Ты пришел как раз вовремя.

— Рад стараться, повелитель.

— Что с нашей добычей?

— Цимисхий и Саккара доставили ее на посадочный корабль. Арлекины не проявили к ним интереса. Арриан уже направляется к ним.

Байл кивнул и окинул взглядом тела, усеявшие улицу. Такой потенциал загублен! Они оказались слишком медленными и

неповоротливыми для эльдаров. В следующем поколении это надо будет исправить. Одной силы было недостаточно. Им также нужна была скорость.

Во влажном воздухе разнесся стремительный топот копыт. Байл раздраженно заворчал:

— Проклятие! Похоже, мои попытки скрыть наше появление оказались безуспешны.

— Что? Что происходит? — спросил Олеандр, поворачиваясь и оглядывая пустой рынок.

— Нас обнаружили, — ответил Байл. Топот копыт становился все громче. — Я надеялся избежать этого, но два боя подряд... Видимо, я слишком многого хотел, — Он выпрямился и поднял игольник, — Что ж, такова жизнь.

— Повелитель... мы не одни, — заметил Олеандр. Рынок больше не был пуст.

Байл повернулся, оглядывая новоприбывших, которые уже занимали позиции среди палаток и за брошенными лотками. Здесь были представители нескольких рас: люди, ксеносы, даже несколько Астартес-ренегатов, стеревших с брони все символы легионов или орденов. Прошлые присяги были забыты. Теперь они служили только Грандиозному замку и его кастеляну. На Байла и Олеандра была нацелены орудия самых разных форм и моделей, но огонь их обладатели не открывали. И не откроют, пока их повелитель не выскажется.

Топот копыт приближался. Байл продолжал стоять с выставленным перед собой игольником.

— Когда местный лорд устраивает подобные представления, можно не сомневаться, что перед тобой глухое захолустье, согласен, Олеандр?

— Местный лорд?

— Олеандр, как можно? Неужели ты не узнаешь звук приближающегося величия? К нам едет сам кастелян Грандиозного замка во всем его сомнительном великолепии.

Олеандр раздраженно зашипел:

— Все идет совсем не по плану.

— Так часто бывает, — Байл надеялся избежать этой ситуации. Она отвлекала от текущих дел и была крайне нежелательна в его нынешнем состоянии. Он стер кровь с губ и добавил, когда всадник наконец вылетел к ним: — Нужно уметь приспособливаться.

Всадник был облачен в вычурную броню, меняющуюся на глазах. В один момент она выглядела как силовые доспехи космодесантника, в другой — как массивный панцирь средневекового рыцаря. Цвета бежали по поверхности, как вода, а вместе с ними и лица. Ухмыляющиеся, кричащие, рыдающие, смеющиеся и без конца перемещающиеся, словно в попытке отвоевать себе побольше места.

Скакун всадника был столь же чудовищен. Сходство с конем у него было самое отдаленное: маслянистая плоть обволакивала черепную кибернетику, словно деготь, а косматая грива состояла из искрящихся проводов и неподключенных имплантных штекеров. Над массивными копытами, выбивающими комья земли, хрипели и тряслись поршни. Хвост представлял собой плетку из зазубренных стальных лезвий, а зубы были осколками раскаленного металла. Скакун пронзительно заржал и встал на дыбы, рассекая воздух копытами.

Его всадник вытянул перед собой шипастую булаву.

— Фабий Байл. Свежеватель. Кузнец плоти. Раковый король, — разнесся по улице глухой, монотонный голос всадника, а затем он добавил просто: — Мясник. Тысячу лет я не видел твой безумный оскал, Отец Чудовищ. И это слишком маленький срок.

— Мордрак, — непринужденно бросил Байл. — Все еще называешься графом или повысил себя до короля? Какой стремительный взлет с позиции сержанта! — Он взглянул на Олеандра: — На самом деле тысячи лет не прошло. Он любит драматизировать.

— Я кастелян Грандиозного замка, Осквернитель. Этого достаточно. Тебя предупреждали. Зачем ты вернулся? Зачем нарушил мир? Братство Солнечного Удара требует компенсации — водой, кровью или и тем и другим.

— Уверяю, Мордрак, тебя это не касается, — ответил Байл, пренебрежительно щелкнув пальцами. — И братства Солнечного Удара тоже. Я получил то, за чем пришел, и теперь ухожу. Можешь

отворачиваться и представлять, что никогда меня не видел.

Байл провоцировал его, но не мог ничего с собой поделать. Несмотря на всю свою силу, Мордрак был жалостливым к себе болваном, и при виде него, совершенно не заслуживающего доставшихся ему возможностей, не оставалось сомнений, что Вселенной правит случайность.

Рукоять булавы проскользила в закованной в металл руке Мордрака. Вокруг оружия потрескивала дьявольская энергия. Оно явно имело противоестественную природу — как и меч, лежащий в ножнах на бедре Мордрака. Облик устаревшего оружия был лишь видимостью.

— Ты освежевал меня до кости, Кузнец плоти. Сорвал плоть с души, и все равно... Я жив. И все равно плоть превозмогла. А пока я жив, Грандиозный замок закрыт для тебя. Я уже говорил тебе это век назад. Ты нарушил законы Черного Голана. И не один раз, а дважды. Народ требует твоей головы, Мясник.

— Для меня нет запретных мест, — ответил Байл, — А ты жив лишь из вредности. Если хочешь умереть, просто умри. Кинься в ядро планеты, если угодно. Только не ной мне о своей судьбе, Мордрак.

— Поэтому вы заставили нас воспользоваться Падальным путем? — прошептал Олеандр, — Чтобы избежать встречи с этим... индивидом? Во имя Мальстрёма, что он такое?

— Источник раздражения, — ответил Байл, — Мордрак ни за что бы не пустил нас, явись мы открыто. Нам пришлось бы пробивать путь силой. Чего я пытался избежать. Никогда не вступай в бой, если его можно избежать, Олеандр.

— Вся твоя жизнь — сплошная череда ошибок, — заявил Мордрак, повысив голос. Он не любил, когда его игнорировали, — И эта станет последней, — Он понудил коня двинуться вперед и поднял булаву, — Я сломаю тебе ноги, паук. Я вырву тебе глаза и заставлю твой разум работать в моих интересах. Такова твоя судьба. Таков твой конец.

Олеандр вскинул болт-пистолет. Байл хотел было сказать ему, что толку от этого не будет, но решил не тратить силы. Он едва не растрогался, глядя, как стремительно блудный ученик бросился на его защиту. Можно было даже подумать, что у того есть какой-то

скрытый мотив.

В ухе тихо пискнул датчик сближения. Байл рассмеялся и оперся на посох.

— Никто не знает мою судьбу, Мордрак. Тем более деревенщина вроде тебя. Сломаешь мне ноги, говоришь? У меня есть другие. Вырвешь глаза? Я найду новые. А мой разум принадлежит только мне и работает лишь в моих интересах.

Мордрак зарычал и пустил своего скакуна в галоп. Олеандр выстрелил, но выстрелы не могли остановить несущуюся на них машину разрушения. Байл оттолкнул его в сторону, шагнул назад и недовольно охнул, когда булава опустилась на наплечник. Ключица треснула, заставив хирургеон встревоженно зашипеть, и рука безвольно повисла. В кровь хлынули новые стимуляторы, заглушая боль прежде, чем он успел ее почувствовать. Байл выстрелил из игольника, надеясь замедлить скакуна. Чудовище взвыло от боли, когда иглы вошли ему в бок, и встало на дыбы, едва не сбросив Мордрака.

По силовой броне вдруг застучали раскаленные лазерные заряды. Люди Мордрака решили присоединиться к бою. В ответ загремел болт-пистолет Олеандра.

А мгновение спустя рынок с воем атаковал «Сорокопут». Автопушки ревели, уничтожая людей и ксеносов. Их тела разлетались на куски или поднимались в воздух. Мордрака выбило из седла при первом же пролете штурмовика. Его конь заржал и упал, дергая ногами, — в боках и голове зияли дыры размером с кулак. На землю потек дурно пахнущий иxor.

Байл поднял глаза на корабль, который описывал в небе дугу, раскаляя воздух огнем из реактивных двигателей. Машина редко получала возможность развлечься, а еще реже удавалось понаблюдать за ней в такие моменты. Ее атаки были проникнуты свирепой простотой.

Мордрак поднялся, не выпуская булаву из рук. Он прокричал что-то неразборчивое и поднял оружие, словно бросая вызов. Штурмовик с воплем устремился к кастеляну Грандиозного замка, распахивая орудиями землю по бокам от него. Корабль любил, когда его жертва бросалась в бегство, но Мордрак, похоже, не собирался его радовать.

«Сорокопут» опять завопил — на этот раз от недовольства — и наконец навел орудия на Мордрака. Высокоскоростные снаряды ударили в кастеляна, выбивая влажные куски из старинной брони. Мордрак невероятным образом остался стоять. Когда ему оторвало руку, державшую булаву, он достал меч второй. Клинок вышел из ножен с глухим стоном, напоминающим звон погребального колокола. Он сиял странным светом.

Мордрак взмахнул мечом, и свет ярко вспыхнул. Глаза Байла мгновенно адаптировались, а сенсоры брони записали характеристики излучения, чтобы он мог их позднее изучить. Волна ревущего жара сошла с меча и устремилась к «Сорокопуту».

Штурмовик уклонился с почти птичьим изяществом. Волна жара прошла мимо, лишь слегка опалив днище. Через секунду все орудия корабля открыли огонь, и Мордрак перестал существовать. Немногочисленные дымящиеся останки разлетелись по воздуху, оставляя пятна на опрокинутых палатках и лужицы на земле.

Байл поднялся.

— Идем, Олеандр. Надо уходить, пока он не взял себя в руки и не вызвал подкрепление.

— От него же только кратер остался, — запротестовал Олеандр.

Байл фыркнул:

— И что? Он бессмертен. Можно бросить его в корону звезды, и через какое-то время он выплывет, воняя паленым мясом и все так же изнывая от жалости к себе. Если промедлим, он продолжит нас преследовать, а боеприпасы у «Сорокопута» не бесконечные, и не хочется тратить ни их, ни время.

Корабль опустился на улицу, ворча двигателями. Время от времени он давал новые очереди из орудий, отчего трупы подскакивали и дергались. Когда Байл и Олеандр забрались на борт, из вокс-динамиков раздалось что-то вроде хихиканья.

— Кем он был раньше? — спросил Олеандр, когда корабль начал взбираться к верхним слоям атмосферы.

— Одним из нас. Теперь он монстр, как несчетные миллиарды, населяющие Око, — ответил Байл. — Видишь ли, он не может умереть. Что бы ни случилось, он это переживет, и даже немногочисленные пределы трансчеловеческого организма его не

ограничивают. Отрежь ему руку или ногу — он вырастит новую. Выжги ему глаза — через несколько секунд он снова видит. Раствори его в кислоте — он вскоре выскочит из дымящейся жижи, целый и невредимый. В свой последний визит на Грандиозную я разрезал его по кускам, просто чтобы проверить, есть ли предел у его живучести. Предела не оказалось.

— Неудивительно, что он вас ненавидит, — сказал Олеандр.

Байл рассмеялся:

— О, он не за это меня ненавидит. Нет, он ненавидит меня, потому что у меня не получилось его убить, — Его улыбка превратилась в гримасу, и он наклонился вперед, стараясь не обращать внимания на боль в груди, — Такие как он не заслуживают бессмертия. Недальновидные, жалкие черви. Они даже не понимают, какой потенциал в них скрыт, Олеандр! Они не видят света.

— Вы хотели бы быть бессмертным, повелитель?

— Я намерен прожить только до того, как моя работа будет закончена, — ответил Байл. Истинное бессмертие — это бремя, а у меня и других хватает. На моих плечах лежит груз будущего. Но все должно заканчиваться, чтобы иметь смысл. Настоящая красота раскрывается в миг своей гибели. Наш генетический отец когда-то любил это высказывание. Когда он еще трезво смотрел на мир.

— Боюсь, Блистательный с вами не согласится.

Байл хмыкнул. Смешок превратился в кашель, и он постучал себя по груди. В легких что-то было. Возможно, кровь. Прощальный подарок Мордрака. Хирургeon погрузил в него иглу шприца и начал откачивать жидкость. Байл прислонился к переборке и сплюнул, чтобы избавиться от крови во рту. Когда он поднял взгляд, оказалось, что Олеандр рассматривает его. Шлем скрывал его выражение лица, но Байл догадывался, какое оно. Он улыбнулся.

— Мы с Касперосом Тельмаром вообще редко в чем-либо соглашались — даже до апофеоза Фулгрима. Сомневаюсь, что это изменится. Как он был глупцом, так он им и остался.

Штурмовик вдруг задрожал и издал пронзительный вой. Послышалось жужжание штурмовых пушек.

— Должно быть, Мордрак собрался с силами и вызвал подкрепление, — заметил Байл. По корпусу прошел гул от удара.

— В нас стреляют, — сказал Саккара, вместе с Цимисхием с трудом забираясь в отсек, несмотря на попытки стабилизаторов в их броне компенсировать тряску. «Сорокопут» вопил под продолжающимися выстрелами преследователей, и из его вокс-динамиков с треском вырывались записи ядовитых ругательств, принадлежащих десяткам голосов и диалектов.

— И в самом деле, — сказал Байл и взглянул на Цимисхия: — Он выдержит?

Железный Воин постучал по переборке. Байл кивнул.

— Хорошо. Отправляйся в кабину пилота и проследи, чтобы он не вздумал развернуться и вступить в бой. Мы и так потеряли много времени, а мне еще предстоит возобновить старое знакомство.

Часть вторая

Блистательный Король в Радостном Отдохновении

Глава 11

Блистательный Король

Фабий Байл разглядывал эльдара. Существо не произнесло ни слова с того момента, как его поймали, и только сидело в позе лотоса в своей камере на борту «Везалия», погрузившись в себя. Вероятно, оно медитировало.

Он наклонился, схватил ксеноса за горло и ударил его об стену. От силы удара на поврежденной броне появились новые трещины. Ксенос бросил ему что-то, схватил за запястье и заизвивался, как разозленный фелиноид.

— Прекрати, — сказал Байл, продолжая изучать существо.

Судя по строению скелета и силуэту, это была женщина. Вторичные половые признаки у эльдаров были примерно такие же, как у людей, несмотря на значительные внутренние отличия. Она замолотила кулаками по его руке, пытаясь вырваться из хватки, и ударила ногами в живот. Он даже не вздрогнул. Существо не ело два дня, а рана в боку загноилась и отнимала еще больше сил. Оно не представляло угрозы.

Впрочем, незачем было рисковать и оставлять ей возможность навредить себе. Хирургeon с жужжанием вылетел вперед и вонзил иглу шприца в бледную кожу за трещиной в броне. Корсар напряглась, когда транквилизатор начал действовать, а затем повисла в его хватке. Она не почувствует боли в грядущей операции. Когда Байл только начал прощаться с былыми иллюзиями, он рассматривал преимущества садизма, но отказался от него вскоре после того, как Фулгрим обменял свои ноги на змеиный хвост. Сами по себе пытки были бессмысленным занятием. Они больше рассказывали о пытающем, чем о пытаемом.

Он же изобрел более эффективный способ извлекать информацию из пленников. По его свисту в камеру вразвалку вошел тихо похрюкивающий пробирочник. В руках он держал широкий поднос, на котором лежали различные инструменты, склянки и один

необычный прибор, похожий на многоножку с плоским сегментированным корпусом из гибкого металла и многочисленными волосками-антеннами. Мозговой червь.

Байл был крайне доволен своим изобретением. Даже с помощью Арриана на создание рабочего прототипа ушел стандартный год. Он провел пальцами по корпусу, и мозговой червь задрожал, тихо щелкая жвалами. Как и все создания Байла, он был наполовину выращен, а наполовину собран. И имел в составе крупницу его самого.

— Впрочем, разве так и не должно быть? Я его создатель, а созданное всегда несет в себе что-то от создателя. Частицу крови, каплю пота. У меня давно есть теория, что именно это было одной из причин безрассудных действий Хоруса. Изъяны отца передались сыновьям — более того, они при этом усилились. Надеюсь, моих добродетелей у вас больше, чем пороков, — сказал он, взглянув на пробирочника, — С другой стороны, разве не порок делает добродетель выносимой? — Пробирочник пробулькал что-то в ответ. Байл кивнул: — Верно, верно. Я начал отвлекаться.

Он вновь возвратился к пленнице. Транквилизаторы сделали свою работу, и эльдар безвольно висела в его руке. Он осмотрел рану на ее боку. Лезвия хирурга отогнули рваные края брони и ткань под ней, обнажая зараженную плоть. У нерожденных часто были отравленные клыки и когти, но их жертвы редко проживали достаточно долго, чтобы ощутить на себе эффект яда. Он осторожно ощупал опухшую, гноящуюся рану, щелкнул пальцами — и пробирочник протянул склянку для образцов.

— Даже из самых незначительных вещей можно многое узнать. Этот яд, например, скорее абстрактен... В некотором смысле он существует лишь потому, что жертва в него верит. Это замкнутый цикл, разумеется. Порочный круг. И я намерен в скором времени его разорвать, — говорил он, пока хирург вскрывал рану. В склянку потекла кровь с маслянистым ядом. Он поднял ее к глазам и с хмурым видом поворачивал. В прошлом он несколько раз синтезировал из подобных образцов мощные препараты: в основном стимуляторы, а в одном случае довольно сильный яд. Каждый раз получалось что-то новое, но, когда он разгадает тайну состава, тому найдется множество применений.

Покончив с дренажем, он побрызгал на рану антисептиком собственного изготовления. Ему удалось развести в гидропонном

отсеке «Везалия» неплохой аптекарский огород, где росли растения, собранные с тысячи миров в Оке. Богатейшая коллекция лечебных мазей и бальзамов, составленных из этих растений, полностью окупала вложенные усилия. Он бегло просканировал ксеноса, проверяя, нет ли других признаков инфекции или какой-нибудь болезни. В нем могли гнездиться какие угодно паразиты.

На груди ксеноса что-то блеснуло. Он посмотрел на переливающийся камень и без раздумий вытащил его из оправы. Камень души. Эльдар дернулась, словно ее сон вдруг обратился в кошмар.

— Какие тайны ты хранишь? — проговорил он, перекатывая камень души между пальцами. Он был теплым на ощупь, но этим его необычные свойства не ограничивались. Изнутри исходил почти физически ощутимый страх. Хотя тело владельца еще жило, часть его уже хранилась в камне, спрятанная ото всех, — Крайне любопытная практика, и она давно меня интригует. Ты способна мыслить там, в камне? Ты — все еще ты? Сохранился ли твой разум? Вопросы, безусловно, уместные, но, судя по некоторым вашим боевым машинам, ответ во всех случаях положительный. А вот что действительно интересно, так это... Как? Как вы это делаете?

Он окинул взглядом бессознательную пленницу и большим пальцем повернул ей подбородок сначала в одну сторону, затем в другую.

— Ко мне редко попадают особи в хорошем состоянии. Когда придет время, я многое узнаю благодаря тебе. Но сначала...

Байл вставил камень обратно в оправу и свободной рукой оттянул ксеносу веко, обнажив белок глаза.

— Немного лопнувших капилляров, ничего серьезного, — сказал он и опустил взгляд на пробирочника: — Отметь время.

Хирургeon с шипением вытянул вперед одну конечность. Щипцы погрузились в глазницу, осторожно обхватили глазное яблоко и аккуратно вытащили его и тянущийся за ним глазной нерв.

— Не спешим, — сказал Байл, — Мы же не хотим его оборвать? — Он перевел взгляд на пробирочника: — Терпение — ключ ко всему. Так сказал один знаменитый философ — правда, я сейчас не вспомню, как его зовут. Тебе стоит выучить эту фразу и сделать своим основополагающим принципом.

Пробирочник забулькал в ответ, и Байл улыбнулся:

— Да. Мне тоже нравится.

Когда он решил, что зрительный нерв уже натянут до предела, хирург ловко перерезал его нагретым скальпелем, одновременно прижигая края. Байл забрал глаз, опустил его в склянку с питательным раствором, затем взял мозгового червя и поднес его к пустой глазнице эльдара.

Антенны червя зашевелились. Крошечные сегментированные ноги напряглись, приподнимая корпус. Червь пополз вперед, поднимаясь, извиваясь, выгибаясь, пока не заполнил всю глазницу. Одни антенны скользнули под кожу, обхватывая череп эльдара. Другие уже погружались в мозг по остаткам зрительного нерва. Пленница простонала и задержалась в хватке Байла. Из ее носа закапала кровь, а голова запрокинулась и ударилась об стену. Хирург ввел вторую дозу транквилизатора, а вместе с ним и миорелаксанта.

Червь копирует у своего носителя структуру мозга и сохраняет ее у себя внутри. Мысли, воспоминания, сны — все будет перенесено в аппарат, откуда их можно будет легко загрузить в инфошип. Этот способ добыть из врага информацию был гораздо элегантнее, чем простое поедание его мозга. Кроме того, в этом случае ничего не терялось. Червь выведает путь к Лугганату, данные загрузят в когитаторы флота, а эльдар будет жить для будущих исследований. Байл опустил ее на пол.

— И пусть никто не говорит, что я не милосерден, — тихо сказал он.

— Повелитель, мы прибыли.

Услышав в воксе голос Олеандра, Байл выпрямился.

— Хорошо. Я встречу тебя на посадочной палубе. — Он взглянул на пробирочника: — Проследи, чтобы она себе не навредила и не пыталась вытащить червя, когда очнется, — сказал он и помолчал в раздумье. — Сломай ей руки, если захочешь. Возможно, это ее отвлечет.

Пробирочник довольно чирикнул и закивал скрытой под капюшоном головой. Их так легко было радовать, и они так много давали взамен. Байл улыбнулся и оставил пробирочника заниматься

своим делом.

Олеандр ждал Байла на посадочной палубе вместе с остальными. Сидевший на рельсах «Сорокопут» рычал от желания взлететь.

— Вы точно не хотите, чтобы мы отправились с вами? — спросил Арриан. — Из Олеандра с Цимисхием плохой почетный караул.

— Спасибо, Арриан, но я не какой-нибудь мелкий лорд. Пышные церемонии — удел ничтожеств. Кроме того, кто-то же должен следить за порядком на корабле. — Байл перевел взгляд на Олеандра: — Они знают о нашем визите? Не очень хочется умирать из-за какого-нибудь излишне усердного наводчика.

— Я их предупредил. Блистательному... интересно, чего вы хотите.

Байл фыркнул:

— Что ж, не самый плохой вариант, полагаю, — Затем он взглянул на Цимисхия: — Когда прибудем, ты останешься с «Сорокопутем». Если нам придется улетать в спешке, никаких задержек быть не должно. — Цимисхий кивнул и ударил по груди кулаком. Байл отвернулся: — Идем. Слишком долго я не наслаждался гостеприимством Третьего.

«Везалий» неподвижно висел в тени колец газового гиганта. Они вышли за границы пагубных пространств Ока и теперь находились возле Крендракса, в великой глуши сегментума Обскурус. Вокс-приемники, сканирующие космос в поисках вражеских сигналов, постоянно ловили обрывки переговоров с Кадии, Элизии, а один раз, на мгновение, даже с Фенриса. Имперские флоты кишмя кишели в этом регионе, особенно с тех пор, как разграбили Гелосиан.

«Сорокопут» стрелой неся через поле астероидных обломков и мутных, бурлящих облаков, словно одноименная птица. Пока штурмовик приближался к небольшому флоту, который висел по другую сторону беспокойной планеты, Байл разглядывал их цель в иллюминаторе отсека.

— Пять кораблей. Впечатляет. Большинство так называемых полководцев за пределами Ока едва способны сохранить один, — сказал он.

— Блистательный собрание прочих, — ответил Олеандр, —

Ему даже предлагали участвовать в советах Абаддона и принести ему клятву верности.

Байл фыркнул.

— Ну конечно. Как и мне. Эзекиль становится очень отходчивым, когда ему что-то нужно, — Он уставился в иллюминатор. — Незачем совать голову в петлю. Если я нужен Эзекилю, пусть он сам ко мне идет.

Но несмотря на браваду Байла, Абаддон с каждым днем вызывал все больше беспокойства. Его армии росли, тревожа Око. Воины выбирали, за кого сражаться, заявляли о своих претензиях на те или иные территории, объявляли войны, и все это мешало исследованиям Байла. Эзекилю, похоже, мало было просто занять пустующие троны демонических примархов. С другой стороны, чего еще ожидать от того, кто объявил себя «Воителем»?

Атака на Грандиозной напомнила Байлу, зачем он вообще покинул Урум. Годы после падения Града Песнопений прошли в борьбе с врагами. И не только с соперниками и ренегатами, но и с Эльдарами, и некоторыми существами похуже. Выбранный им путь привел к конфликту с тысячей фракций, и все они мечтали посадить его на цепь или убить.

Возможно, пришло время собирать армию. Армию из glandовых ищеек и Новых людей, которая будет защищать его владения и эксперименты, его... Нет. Это была ловушка. Сход с избранного пути. Если он начнет грызться с теми, кто хотел заковать его в цепи, то лишь поменяет одну клетку на другую. Он не станет играть в эту игру. А когда зазвенели датчики сближения, он вовсе выкинул эти мысли из головы.

— Вот он... — сказал Олеандр, — Флагман Блистательного... «Кваржазат».

Остаток пути Байл потратил, разглядывая корабль. «Кваржазат» был единственным в своем роде. Когда-то он был линейным кораблем, крейсером класса «Лунный» и носил другое имя, но за годы, прошедшие с уничтожения Града Песнопений, превратился в нечто большее. Старые шрамы от лэнс-излучателей до сих пор пересекали его борта, но теперь из них к тому же росли гигантские крылья из металла и пустотной плоти, а от всей поверхности корпуса и с кормовых палуб отходили извивающиеся и переливающиеся

всеми цветами радуги щупальца в сотни километров длиной. Ангарные отсеки были похожи на мясистые пасти растений-мухоловок или на клыкастых чревозверей, а орудийные батареи выглядели скорее как жала какого-нибудь смертоносного насекомого.

— Это не корабль, — сказал он.

— Теперь нет, — ответил Олеандр, — Отсюда и название.

— Я как раз об этом подумал, — сказал Байл. Кваржазат — оригинальный Кваржазат — был огромным чудовищем из кемосских легенд, который якобы обитал высоко в отравленных небесах и, сидя на горных вершинах, хватал как целые города, так и одиноких путников. Это была детская сказка, с ее помощью пугали излишне доверчивых. — Как же мы любим прикрываться чужой славой, — добавил он, скрестив руки на груди, — Это нам от нашего генетического отца перешло. Фулгрим всегда был алчным. В этом и была его проблема. Он проглотил змея, а тот сожрал его изнутри.

— Он сожрал нас всех, — сказал Олеандр.

Байл посмотрел на него.

— Да уж. Но некоторым хватило ума прорезать себе путь на свободу.

Он отвел взгляд. Демонический корабль приближался, постепенно заполняя обзорный экран. «Сорокопут», достигнув стыковочного порта, зарычал двигателями. Машинный дух штурмовика не любил стыковаться с кораблями, кроме «Везалия», да и на последний предпочитал садиться только при необходимости.

— Знаете, вы ведь могли бы остаться, — сказал Олеандр, когда на «Сорокопуте» с шипением сомкнулись стыковочные фиксаторы, — После Абаддона. Вы могли бы вернуться. Вы сплотили бы Третий легион вокруг себя...

Байл рассмеялся:

— Ты правда так думаешь? То есть у меня столько харизмы, что мне не составит труда стать лучом света во тьме для своих павших братьев? Нет. Лишь хитрость помогла мне справиться в тот раз, и лишь необходимость заставила вообще взяться за это. Я сделал то, что было нужно, чтобы помочь пациенту. — По телу прошла волна тупой, напряженной боли: пораженные раком органы пытались выполнять свою работу. Он сглотнул кровь и закрыл глаза, — А

сейчас было бы еще сложнее. Наш легион мертв, Олеандр. Он разбился о рифы желаний Фулгрима.

— Желаний, которые вы помогали исполнять.

Но это было не обвинение, а простая констатация факта.

— Тогда я смотрел на мир иначе, — ответил Байл. Даже ему самому показалось, что его голос прозвучал безжизненно. — В том безумии было что-то величественное. Это было восстание богов. Ты ведь тоже это видел, Олеандр. Мы следовали за своим генетическим отцом, куда бы он ни вел. Слепо, преданно, беззаветно. Мы набрасывались на новое, как голодные псы, и поглощали, пока не готовы были лопнуть и пока нас не поглотило в ответ.

— Не всех, — заметил Олеандр.

— Значит, большинство, — ответил Байл, изогнув тонкие губы в презрительной усмешке. — Я был свободен, но эта свобода оказалась лишь новой формой рабства. Когда нет рамок и директив, научные исследования превращаются в простое потакание своим прихотям. Если есть возможность что-то сделать, это еще не значит, что дело стоящее, а для стоящего дела не всегда есть возможности.

Даже теперь эти слова давались с трудом. Ограничения всегда были для него анафемой, но в них был смысл. Они не давали отвлекаться и расслабляться.

— Странные вещи вы говорите, повелитель.

— Я же говорю: я изменился. Там, на Терре, в те последние дни я впервые увидел, во что мы превратились — во что я превратился, — и подумал: какая растрата нашего потенциала! Мы могли бы так подняться, если бы только попытались. Но мы отдались во власть примитивных инстинктов. И радовались утраченным возможностям, как капризные дети.

Олеандр молчал. Байл продолжал, не зная, кого пытается убедить: его или себя.

— У нас был шанс, но мы его упустили. Наше время прошло, и единственное, что нам осталось, — это ждать наступления ночи. Третий легион мертв, Олеандр. Он больше никогда не будет таким, каким был раньше.

Олеандр поднял на него взгляд и уже собирался что-то сказать,

когда зазвенели датчики сближения. Ангарные ворота опустились, открывая взгляду сборище враждебных лиц и поднятого оружия. Силовая броня поражала буйством красок и модификаций — как и болтеры в руках. Бело-бирюзовые гребни высоко поднимались над абсурдно удлинёнными шлемами. С наплечников свисали золотые цепи, боровшиеся за место с обрывками похабно разрисованного пергамента и прочими мерзкими украшениями.

Через толпу воинов пробралась женщина. Она была выше их, но тоньше, а ее длинные многосуставчатые ноги оканчивались массивными черными копытами. На ней был комплект бледно-аметистовых силовых доспехов, вернее всего снятых с какого-то умиравшего космодесантника и грубо подогнанных под ее необычную фигуру. Белые волосы, заплетенные во множество хлыстоподобных косичек, окружали удлинённую голову, словно львиная грива. На лбу и щеках были вырезаны странные символы, а на одном крыле носа висели три золотых колечка. Женщина поставила одно копыто на рампу, отчего ее ожерелье из болтерных гильз, медальонов и клыков брякнуло о нагрудник, и улыбнулась Олеандру.

— Ты вернулся, аптекарий, — сказала она. Из-за частогокола острых зубов показался раздвоенный язык, — Какая жалость! Я надеялась, что ты помер. Сплошные разочарования от тебя.

— Тебе придется с этим смириться. Если, конечно, ты не решила, что пришло время покончить с нашей игрой, Савона, — ответил Олеандр, раскинув руки в стороны.

— Время совершенно точно не пришло, — вмешался Байл. Услышав его замогильный голос, Савона округлила глаза и попятилась. Ее рука опустилась к силовому молоту, висящему на бедре. Остальные воины отреагировали с похожей враждебностью. Все они его знали. В Третьем не было ни одного воина, который хотя бы раз не побывал в роли его пациента.

— Владыка Клонов, — сказала она, едва не выплюнув титул.

— Мне больше нравится «Прародитель», — ответил Байл, ступая на посадочную палубу. Ему приходилось опираться на посох, — А ты?..

— Повелитель, позвольте представить вам Савону из Разрубленного Узла, госпожу Спирального Огня, — сказал

Олеандр. — Третья из Узников Радости. Или ты избавилась от Мерикса, пока меня не было? В таком случае ты Вторая.

— Мерикс жив, — ответила Савона, — Как и ты — пока, — Она смерила Байла презрительным взглядом, — Зачем ты пришел, Свежеватель? В лагерях Третьего легиона тебе не рады.

— Третьего легиона нет, — сказал Байл, проходя мимо нее, — Он умер и был похоронен задолго до твоего рождения, дитя. И если не хочешь к нему присоединиться, то проведешь меня к своему командиру. Где Касперос Тельмар?

— Я тебе не отвечаю, — начала она.

— Нет? Но я вполне уверен, что ты отвечаешь моему бывшему товарищу, Касперосу. Это он меня пригласил. И вот я являюсь по его просьбе, а ты отказываешься меня впускать? Наверное, мне стоит уйти. Интересно, как он на это отреагирует, — Байл усмехнулся. — Возможно, он отдаст тебя мне. Да, полагаю, меня устроит такая компенсация. Я с удовольствием выведаю, какие секреты таятся в твоей измененной плоти.

Савона не сводила с него глаз. Байл с улыбкой наклонился к ней.

— Хочешь этого, дорогая?

Его хирург не терпеливо щелкнул, и подвижные конечности расправились за спиной Байла, как крылья. Савона отступила, распахнув черные глаза.

— Меня мое состояние устраивает, — резко ответила она и взглянула на Олеандра, — Он в своих покоях. Он велел, чтобы ты явился к нему, как только прибудешь.

— Ну разумеется, — ответил Олеандр, минуя ее. Воины Савоны разошлись, пропуская его и Байла, и два аптекаря покинули посадочную палубу, сопровождаемые взглядами всех ее обитателей, от самого жалкого раба до самого гордого из воинов.

Транзитный лифт рычал, как разозленный пес, поднимаясь к верхним палубам. Мимо на огромной скорости проносились входы в тоннели, усеивающие шахту. Платформа тряслась у них под ногами, словно готова была в любой момент выскочить из креплений.

С крыши змеиными клубками свисали старые кабели, в нарушение всех техник безопасности оплетая готическую резьбу на

стенах клетки. Кто-то пытался нарисовать на полу что-то мерзкое, но в середине работы его явно прервали.

— Кто такие эти Узники Радости? — спросил вдруг Байл.

— Лейтенанты Блистательного, — ответил Олеандр, — Савону вы уже видели.

Савона была необычной даже по меркам слуг Блистательного — смертным воином, поднявшимся до высших рангов среди Астартес-ренегатов исключительно благодаря своей свирепости и силе.

— А остальные?

— Гулос Палатид, префектор Седьмой роты. Точнее, был им. На данный момент — первый из Узников Радости. Он мнит себя великим мечником. Вроде Люция.

— Как и все они, — отозвался Байл, — Я о нем слышал. Он вывел остатки седьмой, тридцать первой и двадцать третьей рот с Квира после того злополучного набега на черные заводы Механикум, — Он ухмыльнулся: — Леди Шпор, магос-королева Квира, была очень недовольна.

Олеандр закивал:

— Это и привлекло к нему внимание Блистательного. Он наделен всеми многочисленными пороками и немногочисленными добродетелями типичного чемпиона Фулгрима.

— Кто еще?

— Никола Варокар и Благословенный Лидоний. Первый — трус, второй — громила. Оба раньше были сержантами. Оба из Двенадцатой роты, а теперь — ниоткуда. Оба служат Блистательному с самого начала. Они не очень амбициозны: Лидонию не хватает мозгов, а Николе — смелости. — Олеандр помолчал и добавил: — А может, он умнее всех нас.

— А тот Мерикс, которого ты недавно упоминал?

— У него очень хорошо получается строить из себя идиота. Советник Геллеспона, но я не знаю, почему он ушел от него. — Олеандр отвел взгляд. — Как вы наверняка догадались, у меня с остальными Узниками Радости не очень хорошие отношения.

— Все новое, как говорится... — отозвался Байл, косо

улыбнувшись. Олеандр закричал. Байл, разумеется, был прав, но многое действительно изменилось. Ему хотелось зажечь трубку, но сейчас было не время туманить голову.

— Наверное, сейчас не самый подходящий момент, но я должен признать, что я, возможно, в некотором смысле... ввел вас в заблуждение, — осторожно сказал Олеандр. Платформа закричала. Из-за клетки полетели искры, и он отступил.

Байл постучал посохом по полу.

— Вот как? — спросил он. Выражение его лица не изменилось.

— У вас могло создаться впечатление, что я приехал к вам по приказу Блистательного.

— Судя по твоему тону, это не так, — сказал Байл. Это был не вопрос.

— Лучше я вам сейчас скажу, чем вы сами узнаете, когда будет слишком поздно, — сказал Олеандр.

— Олеандр, порой я жалею, что не проломил тебе твою плутовскую голову, когда у меня была такая возможность, — ответил Байл и посмотрел на него. — С какой стати я должен возлагать на себя бремя лидерства в этом деле?

— Предложение будет звучать весомее, если его сделаете вы, а не я.

— Я не зол, — сказал Байл, — Более того, твоя инициативность заслуживает похвалы. Ты добился успеха, не рискуя потерпеть поражение. Вот только объясни... Почему мне не следует убить тебя прямо сейчас и просто уехать?

Он поднял посох, словно собираясь коснуться им Олеандра. Тот отшатнулся, чтобы его нельзя было достать. Ему уже доводилось испытывать прикосновение посоха Мучений, и пробовать во второй раз совершенно не хотелось. Некоторые пытки были слишком сильными даже для него.

— Все, что я говорил раньше, остается правдой, повелитель. У нас по-прежнему есть уникальная возможность, и мы обязаны ею воспользоваться. Целый мир-корабль, полный живых особей, только и ждет, когда мы разберем его на образцы. Неужели вы откажете себе в таком подарке лишь потому, что я скрыл правду?

Байл опустил посох.

— Прагматизм следует уравнивать зовом чувств, а жестокость — милосердием. Но у милосердия есть границы. Есть что-то еще, что ты мне не сказал?

Олеандр замотал головой:

— Нет, повелитель.

— В твоих интересах, чтобы это было правдой.

Транзитный лифт задрожал и остановился перед длинным коридором. Стены здесь облепила неестественная плоть, по венам которой бежали масло и электричество. Связки кабелей изгибались под потоками зловонного воздуха из вентиляции, как сонные змеи. У стен сидели бесформенные существа, чья голая кожа составляла одно целое с мягкой плотью на стенах.

Байл остановился перед одним из них и опустился на колено. Съежившееся существо тихо застонало, когда хирург взял у него образец ткани. Байл изучил пробу.

— Любопытно. Корабль включает их в свою структуру. Крайне эффективный способ пополнять запасы топлива.

Олеандр не стал констатировать очевидное, тем более что коридор наполнился предостерегающим похрюкиванием личных стражей Блистательного. Когда-то они были людьми, но теперь представляли из себя грузных чудовищ. Крохотные головы скрывались под безликими шлемами из армапласа, покрытыми губительными символами. Шлемы были прикручены к зубристым горжетам, чтобы защитить шеи. Раздутые руки и торсы покрывали только шрамы и масло. Выгнутые ноги скрывались под штанами военной формы, в свое время добытой у врагов. Все они были вооружены массивными цепными глефами, заревевшими, когда Олеандр и Байл приблизились.

Байл покосился на него:

— Твоя работа?

— Одна из первых попыток повторить ваши эксперименты с энзимами мышечного роста на Привале Паломника, — ответил Олеандр. — Грубовато сделано, но они выжили. В основном.

— У них очень маленькие головы.

— Только в сравнении с остальным телом, — ответил Олеандр.

— Как скажешь. Возможно, тебе стоит объявить о нашем приходе.

— Он уже знает, что мы здесь. Как минимум корабль должен был ему сообщить.

— И это верно, братья. Входите, я жду вас.

Голос раздался из вокс-динамиков, приваренных к маскам стражей. Те опустили на корточки и выключили глефы. Олеандр повел Байла мимо них, в покои существа, когда-то звавшегося Касперосом Тельмаром.

Покои Блистательного казались больше, чем во время последнего визита Олеандра. Впрочем, этого, наверное, следовало ожидать, учитывая, что комнаты находились скорее в варпе, а не на корабле. Они увеличивались и уменьшались по его прихоти. Сейчас же они выглядели как тронный зал варварского царя. С потолка свисали, покачиваясь под вентиляторами, рваные знамена рот из всех девяти легионов. На полу лежал роскошный ковер из шкур давно вымерших хищников. Вдоль стен стояли гигантские скелеты, молча смеющиеся вслед разбитыми черепами и клыкастыми мордами. Колокола и цепи неритмично звенели вокруг. Рабы с вытатуированными и выжженными символами Двенадцатой роты стояли рядами, протягивая им блюда с тухлым мясом и прочими малоаппетитными закусками.

Блистательный Король в Радостном Отдохновении полностью соответствовал своему титулу. Он сидел развалившись в дальнем конце зала, на широком троне из сплавленных, но еще живых рабов — братьев и сестер, насколько Олеандр помнил. Они были соединены в области суставов — рука к руке, нога к ноге — и расположены лицом друг к другу. Веки им отрезали, а головы зафиксировали, чтобы они не могли отвести взгляда и были вынуждены беспрерывно смотреть, во что превратились их родные. Встроенные вокс-глушители гасили мучительные крики, но их можно было отключить, если хотелось насладиться воем. Блистательный считал, что из криков получается неплохая музыка.

Олеандр гордился тем, что рабы до сих пор были живы. Именно он спроектировал и создал трон, наслаждаясь при этом каждой секундой. Правда, до вступления в круг приближенных

Блистательного он и не думал, что когда-либо придется использовать свои способности для таких вещей, но нужно уметь приспосабливаться. Лучше быть пародией на плотника, чем трупом.

Блистательный был красив, но не мужской красотой. Достигнув совершенства, черты лица стали почти андрогинными. Тронный зал был наполнен зеркалами, отражающими его величие под тысячами самых неожиданных углов. Жаровни наполняли и без того душный воздух наркотическими благовониями. Вокруг танцевали полусформированные демоны, то исчезающие в поверхности зеркал, то выпрыгивающие из них, как рыбы из воды. У них были лица прекрасных женщин и благородных мужчин и клешни насекомых и раков. Двигались они со странной ритмичностью, и Олеандр осознал, что они играют какой-то спектакль.

— Так вот почему он хлопает, — сказал Байл, когда Олеандр поделился с ним своей догадкой, — Можешь сказать ему, чтоб перестал? Меня это раздражает.

— Как ты всегда раздражал меня, глава аптекариона, — сказал Блистательный, тяжело дыша. — Никогда мне не понять, зачем Фулгрим терпел рядом с собой твою дряблую тушу!

Он повернулся к ним, сверкая глазами, подобными крохотным солнцам, и, опустив ноги на пол, наклонился вперед. Его облачение когда-то было силовыми доспехами модели «Крестоносец». Голени и предплечья были обернуты косматым белым мехом, а нагрудник украшал гротескный рисунок Фулгрима в момент апофеоза. Один наплечник оплавился и принял форму ухмыляющегося женского лица. Когда Блистательный встал, оно что-то тихо прошептало.

Мимо него с хихиканьем заскользил демон. Блистательный взял предложенную клешню, и они на несколько секунд закружились в церемонном танце. Демон разочарованно щелкнул клыками, когда Король поднес его клешню к губам, вежливо прощаясь.

— Как тебе мои придворные, Фабий? — спросил он, направившись к ним. — Прекрасные и ужасные, совсем как мы.

— Красота в глазах смотрящего, — кисло ответил Байл.

Олеандр настороженно смотрел на продолжающих танцевать демонов. Ему казалось, что с каждым змеиным движением они оказывались все ближе и ближе. Он опустил руку к мечу, но не стал вынимать его из ножен. Не стоило оскорблять Блистательного в его

собственном тронном зале.

— Зачем ты пришел, Фабий? — спросил Блистательный, пускаясь в круг мимо них и время от времени поглядывая на себя в зеркала.

Байл не стал любезничать и поворачиваться вместе с ним. Вместо этого он взглянул на Олеандра. Лицо его было непроницаемо. Олеандр склонил голову. Байл фыркнул:

— Чтобы помочь тебе, Касперос. Капитан Касперос, — поправился он.

Блистательный остановился.

— Я предпочел бы, чтобы ты меня так не называл, Фабий. Я не он, а он не был мной. Звук этого имени больше не несет удовольствия, даже постыдного.

Байл рассмеялся:

— Извини, но я отказываюсь тешить твою детскую тягу к описательным титулам. Касперосом ты был, Касперосом и остался.

Блистательный нахмурился. Демоны одновременно зашипели. Они больше не танцевали, а выгнулись, как разозленные кошки, готовые прыгнуть на врага. Олеандр приготовился обороняться. Взгляд Блистательного скользнул к нему.

— Олеандр. А я гадал, куда ты делся. Я не люблю, когда мои Узники Радости уходят, не известив меня.

В этом взгляде была жуткая сила, манящая и давящая одновременно.

— Я... — начал Олеандр, но Байл махнул рукой, приказывая ему замолчать.

— Оставь его, Касперос. Он мой. Он был моим до того, как стал твоим, и даже до того, как пали стены Терры. Ты ведь помнишь стены, Касперос?

Блистательный рассмеялся.

— Я помню много стен. Большие и маленькие. Реальность — это тоже стена, и каждый день я откалываю от нее кусочки в поисках совершенства, — Он протянул руку к лицу Байла. — Ты странно пахнешь, Фабий. Как труп, замаринованный в химикатах.

Байл вежливо, но решительно оттолкнул его руку наверху посоха. С черепа-набалдашника на руку Блистательного прыгнула искра.

— А от тебя пахнет ладаном и пеплом. Я пришел помочь тебе с твоей стеной, Касперос.

Блистательный отступил, потирая руку. Демоны столпились вокруг него и мерзко заворковали. Он по-детски улыбнулся.

— Вот как? Замечательно! Это очень крепкая стена, Фабий. Но я ее почти пробил.

— Настойчивость всегда была одним из твоих немногочисленных достоинств, — ответил Байл. Блистательный опять рассмеялся.

— Все мы ищем совершенство по-своему. Ох, как же я скучал по тебе, Фабий! Ну же, расскажи, как ты собрался мне помогать?

— С помощью своих многочисленных и разнообразных талантов, Касперос, — сказал Байл, — Все, что у меня есть, будет в твоём распоряжении, если пожелаешь. Мой разум, мои умения — они будут брошены на достижение твоей цели.

— И что же это за цель?

— Как мне сообщили, ты преследуешь крайне трудноуловимую добычу, Касперос. Добычу, вынудившую тебя покинуть безопасные просторы Ока и приблизиться к границам реального пространства.

— Мир-корабль, — кивнул Блистательный.

— Он самый.

— Ты знаешь, как его найти?

— Знаю. Местоположение нашей цели сохранено здесь, — сказал Байл, выдвигая из наруча переносной инфошип. В нем лежала копия всего, что мозговой червь извлек из головы корсара, — А также примерная схема ее верхних уровней. Достаточно, чтобы составить план атаки, если тебя еще интересуют такие вещи.

— Как ты это достал? — спросил Блистательный, не сводя глаз с инфошипа.

— Просто. Я его взял. У нас есть пленница. Мы скопировали все ее воспоминания и мысли, касающиеся твоего мира-корабля, — и

сознательные, и нет.

— Пленница... Эльдар? — уточнил Блистательный, и Олеандр ясно услышал в его голосе жадность.

Как и Байл. Он улыбнулся:

— Пленница. Ограничимся этим. — Он помахал инфошипом. — Возьми его, Касперос. Пусть он будет символом моих благих намерений в этом совместном деле.

Блистательный взял инфошип, и, прищурившись, постучал им по губе.

— Почему ты сразу не сказал, что у тебя есть пленник?

Байл пожал плечами:

— Потому что она мне еще нужна. Кстати, мир называется Лугганат.

— Я знаю, как он называется, — ответил Блистательный.

— А ты знаешь, что это значит? — рассмеялся Байл, — Свет павших солнц или что-то в таком духе. Выразительно, ты не находишь? Символом им служит черное солнце, что само по себе является метафорой былой славы. Хорошо придумано, да?

Блистательный улыбнулся:

— Да, неплохо. Павшее солнце... Ну а я стану новым солнцем и освещу своими лучами их всех. — Он перевел взгляд на Олеандра: — Как думаешь, Олеандр, они будут мне рады?

— Нет, — ответил Олеандр, — Но мне кажется, что большинство из них к тому моменту будут мертвы, так что это неважно.

Блистательный рассмеялся:

— Откуда мне знать, что ты меня не обманываешь?

— Это сделка, — ответил Байл, — Ты — мне, я — тебе.

— И что я тебе должен?

— Сущие пустяки, это не имеет значения, пока ты не согласишься, — ответил Байл.

На лице Блистательного вновь заиграла улыбка — еще более

широкая, чем раньше.

— А я не могу согласиться, пока все долги не будут выплачены. Верно, Олеандр?

Словно по заранее условленному сигналу, двери позади них раскрылись, и в зал один за другим вошли Узники Радости с оружием в руках.

Олеандр вздохнул:

— Я надеялся этого избежать.

— Чего избежать? — спросил Байл, с неприязнью разглядывая приближающихся воинов.

— Заслуженного наказания, — сказал один из них. У него не было брони на руках, и жилистые мышцы с многочисленными шрамами были выставлены напоказ. О нагрудник гремели амулеты, кулоны и фаланги пальцев, а спутанные волосы были убраны в завивающийся хвост.

Позади него вышагивал гигантский монстр по имени Лидоний, радостно кривящий изуродованное варпом лицо. Рядом с ним, как всегда, шел Никола: грациозный, ярко разодетый убийца в шлеме в виде звериного черепа и с разделенным на три части гребнем. В конце же следовал Мерикс в своих древних силовых доспехах, размалеванных пастельными тонами. У всех где-то были отличительные знаки Двенадцатой роты, но прошлые присяги больше не имели значения, и теперь они были воинами Блистательного.

— Зря ты вернулся, кузнец плоти, — сказала Савона.

— Ну как же... Прогон сквозь строй, брат. Неужели ты не помнишь кары, которой подвергаются все дезертиры из Третьего легиона? — произнес Блистательный, приобнимая Байла за узкие плечи, — Он должен заслужить прощение в испытании сталью.

Байл сощурился и смахнул руку Блистательного.

— Третий мертв. А он не вернулся. Не смей меня, Касперос.

— Ах, Фабий, будь моя воля, я бы простил его, — Блистательный взглянул на Олеандра: — Я простил бы тебе все, мой апотекарий. К таким талантливым кузнецам плоти, как ты, следует относиться снисходительно, но... увы. Я должен принимать во внимание моральный дух роты. Нужно следовать установленным

порядкам. Даже на службе своим желаниям есть правила. Ты покинул меня, Олеандр. Оставил свой пост. Ты должен быть наказан, а потому ты пройдешь сквозь строй.

Блистательный опустил на корточки и провел пальцами по грязи на палубе. Ухмыльнувшись Байлу, он добавил:

— Савона, солнце мое, честь пролить первую кровь принадлежит тебе. Заставь его кричать.

Савона зашипела от удовольствия и взмахнула силовым молотом. Олеандр покачнулся, когда голова молота обрушилась на его бок. Байл покосился на Блистательного.

— Если ты его покалечишь, он станет для меня бесполезен.

— Он тебе нужен?

— Пока не знаю.

— Тогда будем надеяться, что не нужен. Гулос, атакуй, атакуй со всей силы, — приказал Блистательный, поднимаясь в полный рост. Воин по имени Гулос завыл и выхватил мечи из ножен. Олеандр вскинул руку защищаясь, и с его предплечья посыпались искры. Он отшатнулся. Гулос и Савона начали обходить его с разных сторон.

— Никола, Мерикс, Благословенный Лидоний, покажите себя, братья мои.

После каждого названного им имени очередной Узник Радости бросался в атаку. Клинки, молоты и цепи обрушились на Олеандра, вынудив опуститься на колени, но он с отчаянной яростью выхватил меч из ножен и на мгновение заставил противников отступить.

Блистательный захлопал в ладоши.

— Все-таки с оружием он неплохо обращается, — сказал он и посмотрел на Байла. — Согласен, Фабий?

— Не могу судить.

Блистательный в шутку нахмурился.

— Когда-то совершенство было твоей профессией, Фабий. И ты был в ней мастером. Ты всегда так гордился своей работой и так боялся неудач. — Он поднял руки. — Это Эйдолон сказал, не я. И все же я не могу не спросить: когда ты сдался?

— Я не сдавался, — ответил Байл, наблюдая за столкновением. Олеандр держался, что не могло не впечатлять при таком численном превосходстве врага.

— И тем не менее ты здесь. Изгнанный и почти забытый. Знаешь, мы порой обсуждаем тебя, когда собираемся вместе.

— Кто «мы»?

Блистательный наклонился к нему.

— Конклав Феникса, — прошептал он.

— И что это такое?

Блистательный постучал пальцем по губам:

— Секрет.

— Разумеется, как это я не догадался. Касперос, мы впустую тратим время.

— Я же просил не называть меня так, брат, — произнес Блистательный обманчиво мягким тоном. — Я стою гораздо выше, чем раньше. Не будешь же ты называть мотылька червем?

Байл уставился на него.

— Прошу меня простить. О Блистательный Король, мы впустую тратим время.

Блистательный улыбнулся.

— Так покончи с этим, брат, прошу, — он облизнул губы. — Если можешь. Насколько я помню, ты никогда не любил лишний раз двигаться.

— Ключевое слово — «лишний», — ответил Байл. Он поднял посох и направился вперед, вскидывая полы плаща при каждом шаге. На середине пути он беззвучно активировал стим-помпы в броне, и по телу прошла волна прохлады, оставляя за собой силу. Он составил эту смесь наркотиков специально под свой организм. Коктейль делал его быстрее и сильнее, но позже за это придется заплатить. За все всегда приходится платить. Каждое лишнее усилие еще на один шаг приближало его тело к окончательной гибели.

Один из Узников Радости, Мерикс, раскручивающий над головой трещащий электроцеп, повернулся, когда Байл подошел

ближе. На нем была броня старого типа, покрытая большими пятнами тусклых цветов. Он направил электроцеп вниз с такой силой, что звериные шкуры взметнулись вокруг него, но Байл отступил в сторону и обрушил посох на грудь противника. Раскрашенная в пастельные тона броня не могла защитить космодесантника от смертоносной энергии посоха Мучений. Тот прошел сквозь керамит, как скальпель сквозь плоть.

Мерикс выгнул спину и пронзительно закричал. Боевой цеп выпал из онемевших пальцев. Байл схватил его за горло и поднял в воздух. Мерикс даже не сопротивлялся, когда главный аптекарий отшвырнул его в сторону.

— Дерись, Олеандр. Дерись, если хочешь жить, — сказал Байл, присоединяясь к аптекарию. Встав спиной друг к другу, они приготовились сражаться с оставшимися Узниками Радости, — Мне не нужны те, кто сдается при первых же трудностях.

Олеандр не ответил. Его меч обрушился на парные клинки Гулоса, после чего аптекарий крутанулся в сторону и ударил противника плечом в грудь, оттолкнув на шаг. Байл был вынужден забыть про обоих, когда гигант по имени Благословенный Лидоний атаковал его гудящим громовым молотом. Лидоний был одним из тех, кого коснулся варп, и из давних трещин в его силовой броне выглядывала опухшая, мутировавшая плоть. Его кожа отливала перламутром и бурлила, словно кипящая грязь.

Байл пригнулся, уходя от первой атаки, и увернулся, избегая второй. Он слышал, как хрустят суставы при каждом движении, а рана, полученная на Грандиозной, опять начала болеть, но он ее проигнорировал и атаковал, резко выставив вперед посох, однако громила оказался быстрее, чем казался. Его загрубелая лапища обхватила посох, а когда Байл активировал оружие, Лидоний только захихикал.

— Хорошая боль, — сказал Узник Радости, — Мне нравится.

— Вот как? А попробуй-ка это, — сказал Байл, выхватил игломет «Ксиклос» из кобуры и выстрелил. Уродливое лицо Лидония покрылось волдырями, он выпустил посох и с воплем отшатнулся. Уронив силовой молот, он вцепился пальцами в плавящуюся плоть лица, но яд прожигал себе путь все глубже. Байл опустил пистолет пониже и опять выстрелил. Вопли Лидония поднялись на октаву, и,

продолжая держаться за лицо, он рухнул на одно колено.

Байл обрушил посох на его голову с такой силой, что в черепе мутанта осталась вмятина. Издав напоследок жалобный булькающий звук, Лидоний упал. Байл не стал тратить время на ближний бой с остальными. «Ксиклос» выплюнул еще одну иглу, заставив Николу покачнуться, а затем и опуститься на пол с тихим стоном. От кожи его шел пар, а тройной гребень безвольно обмяк.

Услышав звук выстрела, Гулос крутанулся на месте, и его меч со свистом рассек воздух и разрубил предназначенную для него иглу.

— Ты неплох, — сказал Байл.

— Зачем ты его защищаешь? — потребовал ответа Гулос и, оставив Олеандра Савоне, бросился к Байлу. Его клинки сверкнули в воздухе. Байл уклонился от первого и заблокировал второй посохом, — Я слышал, как все было, лейтенант-командующий. Да, слышал, и я плюю на тебя. Там, в Граде Песнопений, ты повел нас на смерть. Я был там. Я видел, как ты бежал со своими трофеями, когда мы проиграли. И как по мне, ты — просто паразит, сидящий в грудке гнилого мяса.

— А кто тогда ты? — спросил Байл.

— Кто-то, кто лучше тебя, — ответил Гулос.

— Возможно, — бросил Байл. Он сделал выпад посохом, и Узник Радости вздрогнул от удара в грудь. Посох радостно завопил, а Гулос покачнулся и выронил мечи. Он схватился за оружие обеими руками, но отвести его не мог.

Вопя от боли, он опустился на колени под нажимом Байла.

— А может, и нет, — добавил Байл, — Вы все — испортившиеся ингредиенты, не более. Ресурс, задача которого — умирать за тех, кто стоит выше вас. Понимаешь? Если я паразит, то ты ничтожней даже паразита.

Гулос опять завопил, как драная кошка. Лицо Байла исказилось в злобной гримасе.

— В такие моменты мне кажется, что я понимаю, почему Фениксиец избрал такой путь.

Затем он с рычанием отдернул посох, освобождая Узника Радости от мучительного контроля.

Он осмотрелся по сторонам, буравя взглядом остальных. Савона отошла от Олеандра. Мерикс стоял на ногах, но с трудом. Никола и Лидоний все еще корчились на полу.

— Все мы прокляты, — сказал Байл. — Но не думайте, что это делает нас равными. Я видел Кемос в расцвете его славы и был рядом с Фениксийцем в момент его апофеоза. Я ходил среди пожаров Истваана и шил себе плащи из кожи своих братьев. Я отец новой эры богов и чудовищ, — Он ослабил хватку на посохе, дав оружию скользнуть вниз, и оперся на него, — На всей этой жалкой пародии на флот не найдется воина, который бы повидал и сделал столько, сколько я. Самые сильные из вас сломались бы под весом моей судьбы.

Узники Радости молчали, только Гулос продолжал стонать. Слова Байла их не особо испугали, однако он на это и не рассчитывал. Но ему удалось их устыдить, и пока что этого было достаточно. Блистательный зааплодировал.

— Прекрасно, прекрасно!

Байл перевел на него взгляд:

— Надеюсь, честь восстановлена?

Блистательный раскинул руки в стороны.

— Честь не может быть восстановлена, Фабий. Ты же это знаешь. На пока я обойдусь и этим.

— А мое предложение?

— Ты еще не сказал, чего хочешь взамен, — ответил Блистательный.

Байл достал из-под плаща миниатюрный голопроектор и активировал его.

— Это твоя цель. Красивый, правда?

Перед ним медленно вращался мир-корабль. Блистательный подошел ближе.

— Как ты его достал?

— Как вообще что-то достают? Я за него заплатил. Есть в галактике любители составлять такие вещи. Для нас с тобой все логова ксеносов выглядят почти одинаково, но они разные. Я внесу

необходимые поправки. А хочу я вот это, — Байл постучал по гололиту, увеличивая один участок мира-корабля, — Где-то здесь располагается зал, в котором, по слухам, хранятся кристаллизованные останки ксеносских псайкеров, — Он ухмыльнулся: — Одна из интересных особенностей этого вида. Они мне нужны.

Блистательный нахмурился:

— Зачем? Как ты собираешься их использовать?

— Это мое дело, не твое.

Блистательный рассмеялся:

— Хорошо, — Байл собирался выключить гололит, но Блистательный остановил его: — Отдай его мне. Это будет подарком брата брату.

Байл бросил ему гололит. Тот провел пальцами по поверхности и улыбнулся:

— Этот мираж будет развлекать меня, пока я не заполучу оригинал, — Затем он махнул рукой: — Ты свободен. Я подумаю над твоим предложением.

Глава 12

Энтропия в действии

— Пяти кораблей будет мало, — сказал Арриан, изучая гололит, изображающий флот Блистательного, — Мир-корабль — это больше мир, чем корабль, и вооружен он до зубов.

Олеандр склонился над гололитом и пробежался взглядом по плану «Кваржазата».

— Как и мы. Помимо «Кваржазата» у нас два фрегата, «Острый язык» и «Орхалий Освобожденный», боевая баржа «Перо Замперия» и ударный крейсер...

— Узнаю «Шестой глаз», — сказал Саккара. — Я видел его в бою у Заката красоты. Весь его экипаж состоит из евнухов, вечно витающих в царстве нематериальных удовольствий.

Олеандр удивленно взглянул на Саккару:

— Я и не знал, что ты был на Закате красоты.

Та битва прошла так же скверно, как и большинство битв легионерской войны. В ней не было определенных сторон: только корабли, беззвучно разламывавшие друг друга на куски. Олеандр тогда долго провисел, цепляясь за обломок балки и покрываясь инеем, пока его не подобрал корабль Блистательного.

— Ты многого не знаешь, сибарит, — бросил Саккара, и что-то в тоне его голоса немедленно привлекло внимание Олеандра. Несущий Слово водил пальцами по символам, вырезанным на нагруднике, словно беззвучно молился. А может, он просто слушал гул устройства, которое стояло у него между сердцами. С Саккарой никогда нельзя было знать наверняка.

— Помолчите оба, — сказал Байл, — Флот неплохой, хотя и маленький, как верно заметил Арриан.

Он стоял спиной к ним, лицом к командной палубе. Из вокс-динамиков доносилась странная, грустная мелодия — песня со Старой Терры, в которой после тысяч лет языковой эволюции не осталось ни одного понятного слова. Насколько Олеандр помнил, она была одной из самых любимых у Байла. Тот коллекционировал музыку так же целеустремленно, как материалы для исследований. Порой, когда у Байла было созерцательное настроение, по гигантскому дворцу на Уруме разносились оркестровые произведения со всей Галактики. Вот и сейчас он размышлял о чем-то, тихо напевая под нос.

Олеандр посмотрел на Арриана, и тот пожал плечами.

— Он сильный, — сказал Олеандр, скрестив руки на груди. — Блистательный не дурак. Это проверенные корабли с опытными экипажами. В свое время они пробились через оборону Империиума и астероидные бастионы четвертого легиона. Любой был бы счастлив заполучить хотя бы один из них.

— Но переживут ли они атаку на мир-корабль? — спросил Саккара.

— Некоторые переживут, и для наших целей этого достаточно, — сказал Байл, не смотря на них. Его глаза были закрыты, а шишковатые пальцы подергивались в такт музыке. Олеандру оставалось лишь гадать, о чем он думает.

Ему до сих пор не верилось, что Байл пришел ему на помощь в бою с Узниками Радости. Главный аптекарий еще ни разу на его

памяти так не поступал. Возможно, его слова зажгли в сердце Байла давно тлевшую искру братских уз? Или он просто решил отплатить за помощь, оказанную на Грандиозной.

— К нам еще присоединится, как всегда, различное пушечное мясо: ренегаты, пираты, банды, пытающиеся завоевать расположение Блистательного, — сказал Олеандр. — Как только пойдет весть о наших планах — а скорее всего, уже пошла, — они явятся, надеясь поучаствовать в грабежах. Вообще, судя по вокс-переговорам, они уже начали прибывать. К тому моменту, как мы доберемся до Лугганата, флот вырастет вдвое... или втрое. — Он повернулся к Байлу: — Мы полетим на «Везалии»?

— Нет, — ответил Байл и взглянул на стоящего рядом Вольвера, — «Везалий» останется у границы на случай, если нам придется бежать. Мы воспользуемся «Сорокопутем»: его должно быть достаточно, чтобы добраться до цели, а потом улететь.

— Зачем мы вообще в этом участвуем? — спросил Саккара. — Почему бы не подождать, пока Блистательный сделает всю работу, а потом забрать свои трофеи?

— Потому что это скучно, — отозвался Арриан. — К тому же львы шакалам не доверяют.

— Арриан прав, — сказал Байл, — Касперос не позволит нам остаться в тылу. Он захочет, чтобы мы присоединились. Это все его тяга к театральности. Он нам не доверяет.

— Он тебе не доверяет, — поправил его Саккара, — И попытается предать. Третий всегда был полон предателей и глупцов. Блистательный предпочел бы, чтобы ты сидел в клетке.

— А ты-то откуда это знаешь? — спросил Олеандр. Саккара улыбнулся.

— К плоти вашего корабля липнет множество демонов, и все они шепчут мне о вероломстве и гибели, — ответил Несущий Слово, проводя рукой сквозь гололитическую проекцию. — Ты положил руку в пасть волка, дегенерат. Смотри, не лишись ее.

Олеандр не сразу понял, к кому обращается Несущий Слово. В свете гололита лицо Саккара выглядело жутко.

— Канатара воет в пустоте. Я слышу его и, более того, понимаю, что он говорит.

— И что же он говорит? — спросил Байл, — Передает новые предупреждения Фениксийца своему любимому сыну?

В его словах звучал ясно различимый сарказм. Олеандр понимал, что его вызвало, и подозревал, что остальные тоже понимают. Примархи фактически бросили своих воинов задолго до позорного бегства с Терры. Они вознеслись, превратились в что-то совершенно иное и оставили своих сыновей бороться с миром, как они только могли.

— Смертным не понять замыслы перерожденных и нерожденных. Мы можем лишь следовать по пути, который они нам показывают.

Байл засмеялся:

— И именно поэтому, Саккара, ты стоишь здесь, с бомбой в груди и своей жизнью в моих руках.

— Ты же не думаешь, что я один? — спросил Саккара. — Нити судьбы...

— Судьба — для дураков. Она нужна слабакам, чтобы оправдывать свои неудачи. Я же всегда сам прокладываю себе путь. А теперь замолчи, пока я не забыл, что от тебя бывает польза. — Саккара замолчал. Байл перевел взгляд на Олеандра: — Когда Касперос даст ответ?

— Через несколько часов. Пока не убедится, что вы говорите правду, — ответил Олеандр, — Он наверняка прогоняет ваши данные через когитаторы, чтобы не было сомнений. Он нетерпелив, но не глуп.

Тем временем остальные Узники Радости скорее всего суетились, решая, как лучше воспользоваться сложившейся ситуацией. Когда Блистательный вознесется, командовать Двенадцатой ротой останется сильнейший из них. Олеандр вдруг задумался, кто попытается убить его первым. Возможно, Савона. Вернее всего, Гулос. Но это не имело значения. Со всеми ними рано или поздно придется разобраться.

Байл развернулся и произнес:

— Я иду в свой лабораториум. Не беспокойте меня, если только обстоятельства этого не потребуют. Независимо от того, согласится он или нет, нужно немедленно провести определенные операции,

если хотим добиться своей цели.

Смотря, как он уходит, Олеандр опять вспомнил слова теневидицы на Грандиозной. Когда он только заключил сделку с ксеносами, она казалась относительно понятной. Теперь от простоты не осталось и следа. Почему они атаковали на Грандиозной?

Он раздраженно замотал головой. Слишком много вопросов. Олеандр достал трубку, зажег ее и вдохнул разноцветный дым. В облаках дыма затанцевали силуэты демонов, а загадки перестали терзать разум. Все-таки все это было совершенно неважно. Судьба стала лавиной. От нее нельзя скрыться, можно только следовать по потоку и надеяться на лучшее.

Возможно, не надо было заключать с ними сделку. Один знакомый воин-кабалит как-то поделился старой поговоркой: «Не верь арлекинам, дары приносящим». Но они были нужны ему, а он был нужен им. Все они хотели одного и того же. Сорвать атаку на Лугганат. Избавиться от Блистательного.

И нового командира для Двенадцатой роты Детей Императора.

Оказавшись в лабораториуме, Байл стал проигрывать минувшие события на периферии сознания. Это был старый прием, который он выучил, еще будучи неофитом. Подсознание легко решало мириады мелких проблем, пока сознание было сосредоточено на более срочных задачах.

Он ударил кулаком по консоли, отчего по гололитическим экранам побежали помехи. Порой только сила могла заставить все работать как надо.

— Но мы это давно знаем, да? — сказал он пробирочнику, сновавшему у его ног.

Пока доспехи устанавливали нейросвязь с оборудованием аптекариума, Байл огляделся по сторонам, проверяя, лежат ли вещи там, где он их оставил. У пробирочников была дурная привычка все перемещать. Стены занимали магнитные подносы с хирургическими инструментами и различные графики, отражающие его эксперименты и наблюдения. Увеличенные пикты со вскрытий теснились рядом с результатами анализов и обрывками стихов, собранных с десятка миров. Красота среди руин.

Он подошел к биоконтейнеру, в котором хранилось несколько

прогеноидов, и пробежал взглядом по идентификационным знакам над каждым. Большая часть была добыта с полей сражений в Оке и имела признаки мутаций. Но некоторые он собрал с обычных полей боя или украл в набегах, и они были относительно чистые. Независимо от состояния, у каждого он взял по образцу, и теперь в резервуарах с питательным раствором из них росли новые органы, в том числе ослабленные версии геносемени, которое он имплантировал glandовым ищейкам.

Некоторые банды из числа тех, с кем он работал, предпочитали покупать для своих рекрутов только стабильное геносемя, но большинство были не очень разборчивы. В Оке нестабильность была частью жизни, обязательной и неизбежной. Однако для него качество выращиваемых органов было вопросом профессиональной гордости, к тому же многие члены Консорциума впервые пришли в главный аптекарион именно за этим секретом. Ему нравилось думать, что несколько легионов выжило только благодаря ему, и неважно, признавали они это или нет. Большинство не признавали. Его имя было проклятием.

Оборудование лаборатории начало синхронизироваться с его вокс-аппаратом, и уши пронзило скрежетом от резонанса. На мгновение ему показалось, что это смех. С каждым разом оборудование работало все хуже и хуже. Цимисхий поддерживал его в рабочем состоянии, но он был любителем, а не полноценным адептом. Байл активировал воксофон в броне. Это была старая привычка, но он не видел смысла от нее отказываться. Даже самые будничные его мысли могли оказаться полезными в будущем.

— Энтропия в действии, — произнес Байл, пробегая пальцами по ряду грязных банок, занимавших одну из стен. Банки с опытными экземплярами были закрыты магнитными замками, чтобы содержимое не повредилось — и не выбралось. — Основа расшаталась, как говорил один поэт или вроде того, — продолжил он, опустив взгляд на одного из пробирочников. — Все рушится. — Он постучал пальцем по одной банке, и плавающая в ней голова судорожно защелкала челюстями, — Все меняется. Но не все изменения полезны или нужны. Возьмем для примера Фенрис. Мы увидим масштабные преобразования вполне конкурентоспособного генокода, что привело к ряду эволюционных приспособлений, не дающих ни малейшей выгоды за пределами одной конкретной среды. Рожденные на Фенрисе умрут с Фенрисом, когда — если? — этот

катаклизм случится. Домыслы? Возможно. Как по мне, теория.

«Теория, теория у него», — протрещал в ухе голос. Байл замер. Должно быть, опять резонанс. Раздался звук, похожий на смешок, и Байлу подумалось, что они, наверное, не полностью очистили «Везалий» от демонов.

Один пробирочник похлопал его по руке, и Байл отстраненно погладил его скошенную голову.

— Все сводится к энтропии. Это бушующее пламя, которое пожирает все на своем пути. Вселенная умирает, и мы умираем вместе с ней. Око — это рана, растущая с каждым днем. Я порой гадаю: что же останется после него?

Пробирочник ничего не сказал, только забулькал.

«Царь Перьев гадает, гадает-блуждает-желает-страдает...»

Снова резонанс. Байл прокашлялся и продолжил:

— А в конечном счете все сводится ко мне. Времени никогда не хватает. Оно ускоряет ход по мере того, как мы приближаемся к конечной точке, пока окончательно не сходит с рельсов и не перестает иметь какой-либо смысл. Разумеется, именно поэтому время в Оке ведет себя так... непоследовательно. Все та же энтропия. Ее нельзя остановить, но, возможно, реально контролировать. Или приспособиться к ней.

Пробирочники оставили свои дела и внимательно, не мигая, смотрели на него влажными черными глазами. Они всегда слушали, когда он говорил. Он взмахнул рукой, и они тут же вернулись к работе.

Байл повернулся и пробежал взглядом по пикт-поток из камер. Эльдар лежала там же, где он ее оставил, подергиваясь, словно ей что-то снилось. В камере находилось сенсорное оборудование его собственного изобретения, способное отслеживать биопоказатели пленников вплоть до молекулярного уровня. Он вывел сканограмму корсара и один за другим снял слои виртуальной плоти: эпидермис, дерму, мозговую оболочку, систему органов, кровеносную систему, генетическую структуру.

— Рана подопытной заживает хорошо. Признаков физических или каких-либо других инфекций нет. Мозговой червь функционирует как ожидалось; признаков отторжения не

наблюдается. Сканирование центральной нервной системы завершится через четырнадцать стандартных часов, после чего извлечение необходимых клеток будет возможно без угрозы информационных потерь.

Мозговой червь уже начал загружать в инфохранилища «Везалия» приблизительную «карту» воспоминаний пленницы. Когда он закончит, Байл будет знать все, что знала эльдар: все секреты, местоположение каждой тайной базы.

Эта информация могла пригодиться, если в будущем братство Солнечного Удара решит его побеспокоить. Байл не сомневался, что они потребуют от Мордрака возмещения. Тот был бы счастлив отправить их по следу «Везалия», но было слишком поздно. После отлета с Грандиозной преследователей не было видно. Даже слуги Мордрака отказались от погони, когда «Везалий» активировал батареи и зачистил окружающее пространство от вражеских кораблей. К тому времени, как корсары поймут, куда они исчезли, уже ничего нельзя будет сделать.

Если, конечно, столкновение на Грандиозной не было частью какого-нибудь многосложного плана за авторством арлекинов. Это бы объяснило, почему корсары до сих пор не объявились. Байл поморщился: эта мысль ему не нравилась. Если так — значит, арлекины входят в список тех, кто хочет вмешаться в его планы, а они — существа малопонятные, нелогичные и непредсказуемые.

И тут на мгновение ему показалось, что он находится в камере с пленницей. Байл замер, отказываясь верить в то, что видит. Изыщные силуэты танцевали вокруг лежащей без сознания пленницы, словно знали, что на них смотрят, и их движения гипнотизировали, казались ирреальными... А потом они исчезли, словно их и не было. Байл моргнул и вывел на экран пикт-поток с нескольких камер.

Ничего... В голове пульсировала тупая боль, и он потер лицо. Галлюцинация. Видения посещали его время от времени: тем чаще, чем сильнее разрушалось тело. К тому же он не спал... Он не помнил, как долго. Ему надо было отдохнуть. В первую очередь телу, но и разуму тоже.

Но потом. Потом. Он отключил трансляцию из камеры и отвернулся.

— Принесите мне объект Р-12,— сказал он жестче, чем

собирался. Пробирочники бросились выполнять приказ, карабкаясь по цилиндрическим контейнерам, выставленным вдоль дальней стены.

Контейнеры были сделаны на заказ одной знакомой адепткой — госпожой Шпор с Квира. Темные Механикум могли быть полезными, особенно когда его медицинское оборудование времен Крестового похода начинало приходить в негодность. Он улыбнулся, вспомнив теплые вечера на медной веранде госпожи Шпор, высоко над морем смога, которое скрывало черные плотофабрики Квира. Сколько прекрасных минут они провели тогда за дискуссиями об искусстве консервации сырья.

— Исключительное создание, — произнес он.

Бормочущие пробирочники вытащили из контейнера тело, которое он запросил. Оно блестело от консервационных жидкостей и было усеяно десятками катетеров. Самым сложным в его деле было сохранение материала в свежести. Именно для этого были нужны контейнеры. С мертвечиной можно было многого добиться, но для того, чтобы продвигаться вперед, ему нужно было свежее сырье. Живые тела предоставляли больше возможностей для исследований, чем мертвые.

— Положите его на стол, — приказал Байл, изучая диагностические данные. Он заполучил этого псайкера, напав на один из Черных кораблей Империиума. Вспомнив об этом, он фыркнул. Если и были в Галактике более вопиющие случаи загубленного потенциала, он о них не знал. Лоялисты скармливали Императору-труп миллионы душ, и все в попытке отсрочить неизбежное.

— Они с Абаддоном друг друга заслуживают, — сказал он пробирочнику. Недоразвитое существо подняло на него пустой взгляд. Он до сих пор не знал точно, как много они понимают, но не видел смысла ограничивать их образование. Когда-нибудь им придется самим заботиться о себе. Они должны были знать, что их ждет.

— Адаптация и эволюция, а не стагнация. Управляемая адаптация, должен уточнить. Бесконтрольные мутации, по правде говоря, хуже стагнации. Случайность нас всех погубит. — Он повернулся к телу и осмотрел его на предмет повреждений. Ничего не обнаружив, он приступил к работе. Тело принадлежало сильному

псайкеру, наделенному разнообразными способностями, в том числе базовым умением контролировать органы чувств. В целях предосторожности Байл заморозил ему почти все основные нервные узлы и замедлил работу мозга ровно настолько, чтобы псайкер перестал быть угрозой, но не получил необратимых повреждений. В будущем он еще мог послужить в качестве оружия. А пока достаточно будет пробы мозга. Его способности можно было привить другим людям и усилить, создав подобие психического тумана, способного скрыть флот от чужих глаз. И Байл не сомневался, что в сочетании с пробами, взятыми у пленницы, из мозга получится создать органы чувств, которые одновременно укажут им путь к добыче и позволят подобраться к ней незамеченными.

Хирургeon возбужденно зашевелился: ему не терпелось приступить.

— Начинаю с разреза на левом виске, — произнес Байл.

Двери в лабораторию с шипением раскрылись. Байл не поднял голову. Он знал, кто это. Только одному члену Консорциума позволялось входить без предупреждения.

— Арриан... Пришел понаблюдать за моей техникой? — лезвия хирурга блеснули, и он добавил: — Насколько помню, ты давно не практиковал краниотомию.

— Жаль тратить столь ценный экземпляр на такую примитивную задачу, как вторжение. Особенно после всех усилий, затраченных на то, чтобы заполучить его, — отметил Арриан, скрестив руки на груди и наблюдая за работой хирурга.

— Давай не будем забывать о пробах, взятых у других пленников, — сказал Байл, пока хирург отделял плоть от кости, — Никогда нельзя упускать свой шанс, Арриан. Способности этого субъекта будут незаменимы в предстоящем деле. Мы пожертвуем малостью, чтобы получить многое.

— Но зачем мы вообще в этом участвуем? — спросил Арриан, — Олеандру нельзя доверять. Как и Блистательному. Они нам не союзники.

— Да, не союзники. И тем не менее мы здесь. Тебя это беспокоит?

— Это не беспокойство, а простое любопытство, главный

апотекарий, — ответил Арриан.

— Я вижу, — Байл наконец поднял взгляд от работы: — Ты незаконченный проект, Арриан. Кто знает, чем ты станешь, когда закончишь отрезать то, чем ты был.

Порой Байл забывал, как умен Пожиратель Миров. Отойдя от диагностического стола, он продолжил:

— Зачем, спрашиваешь ты... Если ты вполнину так наблюдателен, как я думаю, ответ должен быть тебе очевиден. Что есть у эльдаров, чего нет у нас? — Байл не стал ждать ответа: — Долгая жизнь. Более того... Вечная. Их мысли и воспоминания живут тысячелетиями. В их случае это форма самозащиты. В моем же — свобода. Свобода от сломанной, рассыпающейся оболочки. Свобода от сложных и опасных операций. Ты только представь себе разум, способный мгновенно переноситься из одного тела в другое.

Арриан медленно кивнул:

— Вам нужны камни душ.

— Не только. Сами по себе камни бесполезны. Мне нужна чистая призрачная кость. Мне нужен механизм переноса. Мне нужна информация, Арриан. И я собираюсь ее заполучить.

— Их провидцы, — сказал Арриан.

— Наконец-то ты начинаешь меня понимать. Да, их провидцы. Не живые, конечно. Но мертвые... Мертвых заставить говорить проще, чем живых. — Он указал на черепа Арриана, и Пожиратель Миров рефлекторно коснулся их.

— Вот зачем, — продолжил Байл, — Теперь ты понимаешь, почему я подвергаю себя неизбежной угрозе предательства от наших союзников? Энтропия. Мое тело гниет до костей. Я должен одолеть свою болезнь, пока она не разрушила фундамент завтрашнего дня. — Он повернулся обратно к столу. — Поэтому есть смысл рискнуть и присоединиться к этой аванюре, поставив на карту немного с таким трудом добытых ресурсов.

Арриан помолчал. Затем отозвался:

— Как скажете, главный аптекарий.

— Смотришь, как гаснут звезды? — спросил Олеандр, глядя сверху вниз на своего товарища-Узника. Мерикс проигнорировал его, как игнорировал с тех пор, как Олеандр прибыл. Он сидел у края огромного смотрового окна, одного из нескольких на «Кваржазате», и разглядывал пустоту. Заслонки были подняты, открывая взгляду усыпанный звездами космос. Где-то внизу располагались тактикум-залы крейсера, а прямо из-под окна выходили гигантские стволы оружейной батареи, покрытые странным подобием вздувшихся вен.

Олеандр оказался прав: Блистательный пригласил Байла уже через несколько часов. Они вернулись на «Кваржазат» в сопровождении только одной разношерстной стаи пробирочников, которые должны были позаботиться о творении Байла. Узники Радости встретили их, как Олеандр и предполагал, и молча проводили Байла в покои Блистательного. Однако их взгляды говорили достаточно.

Когда-то Третий легион отличался несравненной дисциплинированностью, но она давно исчезла без следа, сменившись амбициозным варварством. Они были жадными дикарями, дерущимися за власть среди пепла. Олеандр был вынужден включить себя в этот список.

Байл изъявил желание поговорить с Блистательным наедине, и Олеандр воспользовался перерывом, чтобы возобновить связи с кораблем и его экипажем.

— Надеюсь, ты еще не злишься из-за прогона, — продолжил Олеандр. — Я сделал только то, что был вынужден.

Он огляделся по сторонам.

Наблюдательная палуба превратилась в место размышлений и экспериментов для повелителей «Кваржазата». В место, где можно было предаваться удовольствиям как телесным, так и духовным. Рабы с гигантскими генераторами наркотиков бродили из стороны в сторону, наполняя воздух приятным дымом.

Дети Императора сидели на мраморных скамьях, украденных из имперских храмов и эльдарских миров, или лежали на подушках из кожи пленников и тихо обсуждали прошлые кутежи и будущие

оргии. Они делали ставки на гладиаторов и потом смотрели, как неудачливые члены экипажа пытались выпотрошить друг друга ржавыми клинками, а в некоторых случаях — руками и зубами.

Где-то в стороне примитивная уличная поэзия потерянного Нострамо пыталась заглушить пронзительные песни, пришедшие с мануфактуров Кемоса и Хтонии. Те, у кого вкуса было побольше, разрисовывали стены и палубу похабными фресками.

Некоторые воины скидывали броню, чтобы подставить кожу клейменным прутам или зубам татуировочной иглы. В тенях, судя по доносящимся оттуда крикам рабов и космодесантников, предавались более интимным развлечениям. В воздухе стоял тяжелый запах крови и вещей похуже.

Часть палубы превратили в аудиториум. По стенам, выстроенным из оплавленных и обтесанных костей, спускались полотнища из сшитых полос кожи. Массивные скамьи из металлолома, окаменевших костей и других, менее очевидных материалов поднимались от гигантской сцены, которой был отведен весь центр. Зрителей на скамьях было немного, и они приходили и уходили, когда им хотелось.

Сцена, как и аудиториум, была построена, в отличие от стен и скамей, из живой плоти и кости. Она состояла из тел, сплавленных и сшитых, тщательно обрезанных, подогнанных и укрепленных. Олеандр был доволен результатом. Сделать все правильно получилось не сразу: задние опоры постоянно умирали.

Сцена вздохнула, закричала и изнеможенно опустилась, когда по ней с самодовольным видом зашагали какофоны. Восковая плоть на спинах покрывалась волдырями и ранами от когтей на ботинках, а кости скрипели под весом шумодесантников, начинающих атональный кошачий концерт. Несколько голов, выдающихся из-за края сцены, как статуи гаргулий, стонали, наслаждаясь болью. Крики усилились до крещендо, догоняя вопли шумодесантников, и из проходов между скамьями на сцену выскочила группа танцоров.

Одни танцоры держали ножи в руках, у других клинки были пристегнуты к гниющим культиям, и все они атаковали друг друга, двигаясь в такт музыке. Дети Императора, стоявшие у кулис, хлестали самых медленных шипастыми плетями, помогая дойти до еще большего исступления. Гулос метался среди рабов, как молния,

прыгая, выгибаясь и атакуя. Рабы спотыкались о собственные внутренности или оседали на пол, хватаясь за перерезанные горла. Толпа аплодировала.

Мерикс, в отличие от всех, представлением явно не наслаждался. Он всегда искал удовольствия в духовной сфере, а не в физической. Отвернувшись от сцены, он спросил:

— Чего тебе, аптекарий?

— Я просто хочу знать, как ты себя чувствуешь, брат.

Олеандр взял кубок с подноса проходящего мимо раба и осушил его в несколько глотков. Горло приятно обжег яд нерожденных, к которому явно подмешали какую-то кислоту.

— Ты мне не брат. У меня нет братьев, — ответил Мерикс. Его сиплый голос с трудом просачивался из-за дыхательной маски, а кожа по краям от нее была красной — должно быть, там развилась инфекция. Разглядывая Узника Радости, Олеандр заметил, что тот старается не использовать одну руку и порой подергивается, — признак неправильно сросшегося перелома и, возможно, поврежденных нервов, которым от удара посохом Мучений должно было стать еще хуже. Вторая рука жужжала при движении: протез давно нуждался в замене. Мерикс разваливался на части. Среди тех, кто когда-то бежал в Око, было много таких, как он. Израненных, неспособных вылечиться и неспособных умереть. Но несмотря на все это, еще полезных.

— Полагаю, теперь их ни у кого из нас нет. Наклонись вперед.

— Зачем?

— У тебя шея неправильно залечилась после последней драки с Савоной. Я вижу, что она болит. Хочу взглянуть.

Узники Радости развлекались, пытаясь убить друг друга. На нижних палубах «Кваржазата» шли настоящие войны, в которых Узники направляли племена рабов и мутантов в бой друг против друга. Блистательному эти периодические побоища нравились, и он открыто поддерживал их, когда не вел охоту и не веселился со своими наложницами-нерожденными.

— Отойди от меня, кузнец плоти, — сказал Мерикс, поднимаясь, — Боль — это хорошо. Она даже лучше удовольствия, потому что никогда не теряет остроты, — Он махнул протезом перед

лицом Олеандра. Из него вылетели пыль и искры, — Она помогает мне сосредоточиться.

— Да, многие так говорят. Лично я же считаю, что она тебя замедляет. А медленный ты мне не нужен, — Он немигающим взглядом уставился в мутные глаза Мерикса, — Сядь.

Мерикс с кряхтением сел и наклонился вперед. Олеандр ощупал его шею и сразу почувствовал, что кости срослись немного неправильно. Их уже не восстановить.

— Я думал, что ты больше не вернешься, — произнес Мерикс, шипя от боли.

— Нет. Я просто отправился за помощью.

Работая, он одновременно смотрел, как дерется Гулос, как сокращаются и расслабляются его мышцы, как поворачиваются суставы. Он заметил, что Гулос предпочитает использовать левую руку для нисходящих ударов, а правую для косых взмахов, и запомнил, как он сгибает колени и меняет положение стоп. Человеческие тела были атласами боли, и каждое показывало свой уникальный путь. Нужно было лишь понаблюдать за ним, чтобы найти лучший способ его уничтожить.

— Для кого? Для тебя?.. Или нас?

— Это одно и то же. Что говорят Никола и Лидоний? Они с нами? — спросил Олеандр, вводя в шею Мерикса кортикальный стероид.

— Никола с нами. Самодурство Гулоса начинает ему надоедать. Лидоний... это Лидоний. Никто не знает, на чьей он стороне. Думаю, даже он сам. Но Никола считает, что он пойдет за тобой, — Мерикс поворачивал головой и добавил: — Стало лучше.

— Это ненадолго, но можно перенаправить нервы или полностью их заменить. Твои кости изменились... И все еще меняются.

— Я знаю. Боги благословили меня. Моя боль работает не хуже молитв, — ответил Мерикс и вытянул протез: — Посмотри, что тут растет.

Поршни и кабели руки начали покрываться жгутами мышц и перистыми нервами, словно плющом.

— Как знать, может, меня скоро будут называть Благословенным Мериксом, а?

— Может, — отозвался Олеандр, — Когда придет время...

— Когда придет время, мы поступим так, как угодно богам, — сказал Мерикс и посмотрел на Олеандра, — Ты сам командовать не хочешь?

— Нет, — ответил Олеандр.

Мерикс рассмеялся. Его смех был похож на механическое карканье.

— А Свежеватель? — его глаза сузились, — Он с нами?

— О да! Ему все известно. Он поможет в обмен на небольшое количество плоти и кости. И мои братья из Консорциума тоже. Гулос даже спохватиться не успеет. И ты возьмешь контроль над флотом.

— Мы возьмем контроль... брат, — сказал Мерикс и взял Олеандра за предплечье рукой. — А когда все эти нелепости останутся позади, начнем вершить великие дела. Мы вернем нашему легиону былую славу.

— Вернем, — согласился Олеандр. Он изучал лицо Мерикса, пытаясь найти намек на ложь. Его не было. Коварство было, но не ложь. Мерикс был глупцом, рабом ностальгии и надежды. Легионерские войны сломали его, и не только в физическом смысле. А теперь боги запустили когти в трещины и медленно разрывали его на части. Как и Лидония. Как и Блистательного.

— Это часом не Савона там, в толпе?

— Савона. Она наблюдает за Гулосом, как всегда. С ней тоже придется разобраться.

— Необязательно.

— Она не одна из нас, Олеандр. Она не воин Третьего.

— Да, — сказал Олеандр, — Не воин.

Он оставил Мерикса и направился к примитивной сцене.

— Чье это произведение? — спросил он у Савоны, когда отыскал ее.

— Кажется, Николы, — ответила она, смотря, как Гулос сносит

голову рабу, замотанному в колючую проволоку и цепи, — В нем есть скрытые глубины. В отличие от Гулоса.

Шум, вырывающийся из эфира в реальность, бился в безжалостном ритме. Какофоны вопили в унисон, и костяные стены аудиториума проминались и шли трещинами от их криков, а стоявшие рядом рабы в экстазе падали замертво. Савона закрыла глаза.

— Неплохая мелодия.

— Согласен, — ответил Олеандр и посмотрел на нее, — Ты собиралась вмешаться?

— Во что? — лениво отозвалась она.

Он перевел взгляд на Гулоса. Она рассмеялась:

— Нет, кузнец плоти. Можешь сам убить его, если хочешь. Мне же меньше забот. — Она провела когтем по его наручу, — А потом мы с тобой разрешим собственные разногласия.

— И победитель получит все, — сказал Олеандр.

Савона опять засмеялась. Этот звук резанул по ушам, как скрежет металла по металлу. Олеандру хотелось прикончить ее здесь и сейчас, но нельзя: по одному врагу за раз. Он направился к сцене.

Гулос снес голову последнему рабу и повернулся, когда Олеандр приблизился.

— Я все думал, когда ты сюда просочишься, кузнец плоти. И надо же, ты не стал прятаться за Байлом, хотя только благодаря ему пережил прогон.

Олеандр окинул взглядом первого из Узников Радости. Когда-то Гулос Палатид был красив. Он был красив и сейчас, но лишь издалека, и походил на статую, подточенную временем, измаранную бесчисленными трещинами и изъязнениями. Его лицо могло показаться и прекрасным, и уродливым — в зависимости от угла зрения.

— Я лишь хотел засвидетельствовать тебе свое почтение, как полагается четвертому из Узников Радости, — сказал Олеандр, поднимая ладони, как в молитве.

Гулос рассмеялся:

— С чего ты взял, что ты четвертый?

— Определил методом исключения. Савона вторая. Мерикс третий, Никола недостаточно амбициозен для четвертого, а Лидоний не всегда понимает, где в данный момент находится, — ответил Олеандр, кладя руку на рукоять меча. — Не волнуйся, я не настолько глуп, чтобы добиваться позиции первого.

— Нет. Для этого тебе придется драться и с Савоной, и с Мериксом, — сказал Гулос, спускаясь с дрожащей сцены. При движении с его брони сползали куски рабов, но его это, похоже, не беспокоило, — Кстати, как Мерикс? Я видел, как ты с ним разговаривал.

— Он измотан.

Гулос фыркнул:

— Он слаб.

Олеандр отвернулся.

— Если планируешь его убить, сделай это быстро. Хотя бы это он заслужил.

— Мне кажется, или я слышу в твоём голосе жалость?

— Не жалость, а уважение. Он наш брат.

— Брат — это кто-то равный, Олеандр. У меня братьев нет, — ответил Гулос, — Когда-то были, но я их убил. Во всей Галактике мне нет подобных, а когда это предприятие закончится, я поднимусь ещё выше. — Покосившись на Олеандра, он добавил: — Меня только ты беспокоишь.

— Я? — переспросил Олеандр и одновременно выхватил из ножен меч. Толпа отпрянула, освобождая пространство. Гулос уклонился от удара, прогнувшись назад так, словно у него не было костей, резко выпрямился, и его клинки устремились вперед, пока не скрестились у самого горла Олеандра.

— Ты промахнулся, — сказал Гулос, — Ты слишком медленный, аптекарий. Занимайся своими ядами и слабительными, а фехтование оставь настоящим воинам.

— Как скажешь, брат, — ответил Олеандр. Он знал, что Гулос пока не станет его убивать, а с такого близкого расстояния можно было получше рассмотреть трещины на его горжете. После веков починки и золочения керамит ослаб на спайках. Стал уязвимым. Его

можно было пробить одним ударом, и если все сделать точно, смерть не заставит себя ждать.

Гулос оттолкнул его, вложил клинки в ножны и усмехнулся:

— Ты для меня — всего лишь источник раздражения, Олеандр. Никогда об этом не забывай.

— Честное слово, каждый день вспоминаю, — ответил Олеандр, продолжая размышлять об уязвимости. Годы ушли на то, чтобы убедить Гулоса в его собственном превосходстве. Первый из Узников Радости был абсолютно уверен в том, что он сильнее. Что у него нет слабостей. И Олеандру нужно было, чтобы Гулос продолжал так думать до тех пор, пока не придет время от него избавиться.

Гулос засмеялся и похлопал его по плечу:

— Продолжай в том же духе.

Олеандр проводил его взглядом. Рабы разбегались перед Гулосом, как мальки перед акулой. Даже Дети Императора отходили в сторону — не из уважения к его рангу, а чтобы не быть в зоне досягаемости его клинков. Если Мерикс был наивен и сломлен, то Гулос — надменен и опасен. Оба они были слабы, но по-своему. Из них двоих Олеандр предпочитал Мерикса.

Гулос, как и Блистательный, был частью болезни, поразившей Третий. Пока он и ему подобные будут командовать, Дети Императора останутся расколотым легионом. Годы в глуши заставили его это осознать. Око было безумно само и сводило с ума всех, кто в нем жил. Но безумие можно было приспособить под себя и даже контролировать. Для этого нужно было лишь отдать власть в правильные руки и вырезать рак, поразивший элиты.

На самой периферии зрения что-то блеснуло. В толпе висела серебристая маска. На пределе слышимости раздался смешок. Стоявшие рядом рабы бросились в стороны, как испуганные птицы, но Дети Императора, продолжающие наблюдать за оглушительным представлением шумодесантников, ничего не заметили. Рабы были слабыми существами и легко пугались. Вокс Олеандра вдруг завыл от резонанса, и в этом вое послышался обрывок песни.

Он повернулся и взгляделся в толпу. Они были здесь, на корабле, в самом сердце вражеских сил. В прошлом он решил бы, что это невозможно, хотя и слышал рассказы о партизанских налетах на

демонические миры и засадах в самых темных глубинах Ока, куда смели ступать лишь нерожденные. Но не теперь. Теперь он знал правду.

В прошлый раз все началось так же. С шепотов в толпе. С голосов в темноте. С теней в чреве зверя.

— Осторожно. Я знаю, что ты здесь, Идущая под Пеленой, — тихо сказал он.

«Может быть. А может, мы демоны, аптекарий».

Эта вокс-частота была частной, предназначалась только для него. Эльдары были умными и жестокими созданиями, но предпочитали не рисковать.

— Или же я просто сошел с ума. Теперь еще один аптекарий будет коллекционировать голоса наряду с кровью и плотью.

Он опустился на колено рядом с останками убитого Гулосом раба и взял образец крови.

Как и следовало ожидать, кровь была густой и грязной. Команду рабов регулярно разбавляли новыми партиями, но большинство все же поступало с нижних палуб. Они плодились там, в темноте, как крысы, и проживали короткие, тяжелые жизни, нередко обрывавшиеся во вспышке насилия. Века кровосмешения и излучения от Ока плохо сказывались на качестве породы, и среди них было много мутантов, но иногда из них можно было сделать что-нибудь интересное. Он как раз искал подходящих рабов, когда наткнулся на арлекинов. Или они его нашли. В самом низу, в неизведанной темноте.

«Сошел с ума-ума-ума. Нет, Олеандр. Ты не сошел с ума. Ты герой, Солнечный Граф, который пытается пробудить Царя Перьев, облаченного в лохмотья и печаль, чтобы вернуть его на войну и на трон. И ты прекрасно играешь свою роль...»

— Как вы вообще пробрались на корабль? — спросил он, пытаясь выманить какую-нибудь информацию.

Тишина. А затем смех. Не вставая, он наклонился вперед и схватился за голову. Безудержный хохот впивался в мозг, как клинок, прогоняя все мысли. Олеандр заскрипел зубами, терпя, смакуя боль.

Смех оборвался внезапно и, увы, очень скоро. Олеандр

огляделся. Похоже, никто ничего не заметил.

«Иди, иди, иди — увидишь...»

Олеандр с рыком поднялся.

— Я так и сделаю. Нам многое надо обсудить.

— Я так понимаю, ты принял решение?

Байл проигнорировал демонов, которые извивались и кружились рядом в уродливой пародии на похоть. Они надули губы и, продолжая кружиться, отодвинулись, чтобы их нельзя было достать хирургу. Они не заслуживали внимания, будучи лишь материализацией чистых эмоций, плодом больной психики Блистательного. Если они и разговаривали, то лишь голосом подсознания. Байл прокашлялся и повторил вопрос.

Блистательный, гладивший одно из своих созданий по горгоньим волосам, обернулся.

— Да. Где Олеандр?

— Возобновляет старые связи, — улыбнулся Байл. Отчасти это было правдой. Олеандр, без сомнения, что-то задумывал, пытался занять выгодное положение перед неизбежным. Байл был не против, пока это не вредило главным целям.

— Ты меня удивил, — сказал Блистательный — Старый Фабий бросил бы предавшего Олеандра умирать заслуженной смертью.

— Это лишь доказывает, что ты никогда меня не знал. Я терпеть не могу, когда что-то теряется напрасно, Касперос. Мне это претит. Даже от самого непримечательного обрывка плоти может быть польза.

— Олеандр говорил то же самое. Как вижу, он хорошо выучил твои уроки. Как ты будешь помогать мне с моей стеной, Фабий? — спросил Блистательный, поднимая гололит, который Байл ему оставил, — Как ты поможешь мне взять Лугганат?

— Эльдары способны учуять твое приближение. Поэтому мы притупим их чувства.

Байл махнул рукой, и кряхтящие пробирочники, которых он с собой привел, осторожно выкатили вперед тяжелый резервуар с питательным раствором. Охровая жидкость тихо побулькивала, а

магнофилтры по бокам от стеклянного бака монотонно гудели. В растворе висел плод многочасовых трудов как человеческих рук, так и машины — клубок нейронов, скрещенных из мозгового вещества более сотни псайкеров, которых он извлек из своей коллекции.

— Что это? — спросил Блистательный, протягивая руку к резервуару. Байл железной хваткой взял его за запястье.

— Нечто хрупкое, — ответил он и отпустил Блистательного. Демоны возбужденно зашипели на него. — Осторожно со стеклом. Оно старше твоего корабля, и заменить его непросто.

— Похоже на клубок нервов.

— Ты прав. Отчасти. Это свежевывращенные нейроны, скрещенные с материалом от нескольких людей. На каждом этапе к ним добавлялись образцы, взятые у нашей пленницы, чтобы нивелировать различия между человеческой и ксеносской центральными нервными системами. Они полностью объединены, и угроза отторжения находится на приемлемом уровне. Теперь их можно имплантировать и активировать.

— Все это замечательно, Фабий, но оно не похоже на оружие. — Блистательный вгляделся в моток нервной ткани и провел пальцем по вогнутому стеклу. Байл нахмурился, но промолчал, — Что оно делает?

— Оно будет испускать психические миазмы... Туман для разума, настроенный специально под мозговые импульсы нашей добычи. С ним можно будет подобраться к ним незамеченными, — Байл улыбнулся: — Это очень тонкая работа.

— И как оно действует?

— Через имплантацию, как я уже сказал. Ее надо будет наложить на имеющуюся нервную ткань, а затем напрямую подсоединить к центральному когитатору «Кваржазата». Принцип примерно как у поля Геллера. С ним эльдары смогут нас видеть, но не смогут чувствовать. Пока не будет слишком поздно.

— А, отлично. Отлично, Фабий, — сказал Блистательный. — Что тебе нужно, чтобы закончить этот шедевр?

— Время, — ответил Байл. — И плоть. У тебя здесь есть псайкеры. Ведьмы. Выдели мне пару десятков. Самых сильных из тех, кто не нужен для других задач.

— Зачем?

— Я собираюсь вскрыть им черепа и поместить кое-что внутрь, — ответил Байл, кладя руку на резервуар.

Блистательный моргнул.

— Хорошо, — сказал он, — Как тебе моя коллекция?

Он указал на стену. На ней висели сотни видов оружия, завернутых в шелк и обмотанных золотыми цепями. Байл узнал примитивные клинки орков и изящные стеклянные глефы из Ракатской гегемонии, эльдарские цепные мечи с алмазными зубьями и силовое оружие марсианского производства.

— Я сам ее собрал, по одному врагу за раз.

— Я впечатлен.

— По голосу не похоже. Скажи, Фабий, почему ты улетел с Терры? Исход битвы еще был неясен, но ты поджег свои лаборатории и бежал. При отступлении нам бы пригодились твои способности. Фулгрим был в ярости, — сказал Блистательный, погладив лезвие вибротопора.

— Я прозрел, — ответил Байл. — Я осознал бессмысленность всего, чего мы добивались, и решил, что больше не хочу тратить на это свое время.

— Твоя верность стоила так мало?

— Верность чему? — спросил Байл, — Уже после этого, когда Фулгрим ушел хандрить в одиночестве и я пытался вернуть порядок этому безумию, мне сопротивлялись на каждом шагу. Когда Град Песнопений сгорел, я был почти рад.

— Знаешь, он ведь не исчез. Град Песнопений. Он разрушен, конечно, но все еще стоит в тени Абаддонового копья. Мы встречаемся там, когда позволяют течения эмпиреев, и обсуждаем наше будущее. Он стал для нас местом раздумий.

— И кто эти «мы»? Конклав Феникса, о котором ты недавно упоминал? — спросил Байл, невольно заинтересовавшись. Гвардия Феникса была элитным отрядом, личной свитой Фулгрима, но Касперос, насколько Байлу было известно, никогда в нее не входил. Конклав, похоже, был чем-то иным. Чем-то вроде тех проклятых воинских лож.

— Мы элита, — ответил Блистательный, разглядывая свои трофеи. — И наши ряды понемногу растут. Эйдолон, Люций, дорогой Юлий... капитаны и командующие легиона, которые еще помнят, что значит подчиняться чему-то большему. Фулгрим, наш Светоч, спит, как феникс из легенд. Но когда он проснется, Третий будет готов служить ему.

Байл фыркнул:

— То есть вы команда идиотов с идиотскими планами.

Из-за зашторенного алькова позади трона раздался всхлип, заставив Байла повернуться. Блистательный улыбнулся.

— А, они проснулись. Они спали во время твоего прошлого визита. Хочешь на них посмотреть? — спросил он, указывая на штору.

— Что это?

— Одна из лучших работ Олеандра: Хор боли, — ответил Блистательный, отдергивая штору. За ней стояли в ряд шесть рабов. Они дрожали, но Байл не мог определить, от страха или от возбуждения. Возможно, и от того, и от другого. Все они подверглись значительным биомодификациям: у них были удлинённые челюсти, суженные или расширенные гортани, расщепленные, перешитые и растянутые неба. Из шей и торсов выпирали кибернетические импланты, все предназначенные только для одного. От одного раба к другому змеями вились кабели, объединяя их в одно целое.

Блистательный протянул руку и вонзил когти в бледную кожу одного из них. Из изуродованного рта вырвалась нота. Пока она разливалась по залу, остальные рабы присоединились один за другим, издавая следующие ноты под ритмичный пульс кабелей. Байл рассмеялся:

— Умно.

Рабы были модифицированы таким образом, чтобы издавать только один звук — одну ноту для мелодий, которые будет сочинять Блистательный.

— Простое изобретение, но с бесконечной вариативностью.

— Теперь ты понимаешь, почему мне нужен был собственный аптекарь.

Байл кивнул, продолжая разглядывать хор. Апотекарии в Оке были на грани вымирания из-за раскола легионов и их медленной, но неуклонной деградации. Оттачивать мастерство можно было лишь при наличии дисциплины и четкой цели. Для многих полководцев в Оке — бывших офицеров из легионов и не только — наличие такого специалиста в команде было предметом гордости.

Байл обернулся, когда Блистательный коснулся его плеча.

— Твой уход был трагедией, Фабий. У нас не было никого, кто мог бы продолжить твою работу. Толпы подающих надежды художников, но ни одного наставника, чтобы вытащить наружу их таланты.

— Мне кажется, вам стоило об этом вспомнить, когда вы загоняли меня в глубины Ока, — ответил Байл, глядя на Блистательного, — Ты был там, Касперос. Ты был там, когда мои братья пошли на меня, требуя моей крови. Словно я не рисковал ради них всем, включая душу.

— Но разве можно их винить? Ты нас едва не уничтожил.

— Вы сами себя едва не уничтожили. Я дал вам шанс вновь стать легионом. Обрести величие, совершенство, вернуть свое. Но вы опять потерпели неудачу. В первый раз вашим козлом отпущения был Хорус. А во второй — я. Интересно, кто будет следующим? Абаддон, наверное. Ему, кажется, скоро конец. Или это будет твой Конклав...

— Озлобленность имеет право на существование, Фабий, но меня она утомляет. Я хочу, чтобы, когда все закончится и я займу положенное мне место, ты остался здесь, — сказал Блистательный.

— Ты не уйдешь? — удивился Байл, — Я думал, ты вознесешься и отправишься искать новые объекты грабежа и новые удовольствия.

Блистательный рассмеялся:

— Знаю. Мои Узники Радости тоже так думают. Восхитительно, правда? Среди них уже идет раскол. Узы братства рвутся и вновь сплетаются, предбоевые клятвы проверяются на прочность, тайные планы рвутся наружу. И те, кто стоит ниже, ведут себя точно так же.

— Ты играешь с ними.

— Разумеется. Что еще мне делать? — Блистательный

отвернулся и погладил одного раба по щеке, отчего тот мелодично всхлипнул, — Боюсь, они расслабились. Мы сильны, но наша сила давно не подвергалась настоящему испытанию. Нити имматериума натягиваются все сильнее, Фабий. Что-то началось там, в глубинах Вселенной. Я видел это во снах... Из черного моря бесконечности к нам тянется что-то невозможно голодное, и мертвецы на тысяче тысяч миров тревожно шевелятся.

В голосе Блистательного была неприкрытая тоска.

— И ты хочешь все это увидеть, — сказал Байл.

— А ты нет? — повернулся к нему Блистательный.

— Не очень. Но дела остальной Вселенной меня в принципе мало интересуют, — ответил Байл и крепче сжал посох, — Чего ты хочешь на самом деле, Касперос?

— Чего я хочу? Я хочу всего. Я хочу тушить звезды и вырывать из судеб все, что они обещали. Я хочу ощутить на лице жар умирающего солнца и написать свою историю на плоти новорожденного мира. Я хочу, чтобы ты был рядом, когда я вступлю во тьму и обрету совершенство. И я хочу, чтобы ты сопровождал меня во всем, что будет после. Вот чего я хочу, — сказал Блистательный, — А ты? Чего ты хочешь, главный аптекарий Фабий? Что дать тебе, чтоб ты остался?

Байл отвернулся.

— Ты не можешь мне дать ничего из того, что я хочу.

— Что-то должно быть. Какой-нибудь обрывок плоти, какие-нибудь мутированные гены, вырванные из тела врага. Помнишь, как мы взяли Град Песнопений? Или как осаждали Монумент и обрушили огненный дождь на Луперкалиос? Как мы проливали кровь, чтобы заполучить то, что ты хотел?

Байл помнил. Это был последний гениальный гамбит. Последняя кампания для Третьего легиона и его союзников после катастрофы на Скалатраксе. Последний шанс удержать от распада то, что было обречено на распад. И все напрасно.

— Мне нужно от тебя еще кое-что, — сказал он.

— И что же?

— Живой организм, чтобы играть роль центрального узла, —

ответил Байл.

— Какой организм, Фабий?

— Аугментированный. Можно психически, можно нет. Закаленный пустотой. Способный выдерживать запредельные нагрузки... и вызывать их, — Байл постучал пальцем по горлу и улыбнулся, — Желательно в вокально-звуковой области. Насколько мне известно, у тебя на борту есть несколько таких субъектов.

— Какофоны, — выдохнул Блистательный. Демонетки перестали прыгать и замолчали, — Тебе Олеандр сказал?

— Да, — ответил Байл. — Измененный организм шумодесантника способен выдержать такое внутреннее давление, от какого трансчеловек просто взорвется. Давление, подобное тому, какое вызовет в носителе эта нейронная сеть. Смертный псайкер сгорит за считанные секунды. Даже сыновья Магнуса не выдержат такую психическую отдачу. Но какофоны на это способны.

Блистательный медленно кивнул. Сбившиеся в кучку демонетки зашипели на Байла, но без особой злости, поэтому он отложил в сторону оружие.

— Ты лично обратишься с этой просьбой в Обитель шума. Я не буду требовать от избранных Слаанеш, чтобы они изменили своему долгу из-за твоих прихотей.

Байл склонил голову.

— И что такое Обитель шума, Касперос?

— Я же просил не называть меня так, Фабий, — Блистательный снял со стены эльдарский клинок и провел пальцами вдоль лезвия, — Они поселились на одной из внешних наблюдательных палуб. Тебе придется пересечь корпус, чтобы добраться до них. Мы давным-давно перекрыли все внутренние коридоры из-за вторжения нерожденных. Какофоны их уничтожили и объявили те территории своими. Теперь там находится их цитадель. Обитель шума.

— В таком случае я нанесу им визит, — ответил Байл, разглядывая коллекцию. — Почему ты хочешь, чтобы я остался, Касперос? Большинство пытаются от меня избавиться.

— А почему ты не хочешь остаться? — парировал Блистательный, — Неужели я так жалок, что даже у главного

аптекария вызываю отвращение? Разве моя работа здесь не прекрасна?

— Ты не болезнь, ты лишь симптом, — покачал головой Байл. — Человечество стояло на пороге величия, Касперос. А мы отняли у него это будущее из-за массового наваждения.

— Ты так говоришь, будто жалеешь о том, что мы сделали, — сказал Блистательный и повесил эльдарский клинок обратно на стену.

— Жалею? — отозвался Байл, — Нет. Но в моей природе — сомневаться и задавать вопросы, а наши братья стали рабами догмы, которая ничем не лучше, чем идеи лоялистов. И обменяли одну форму неволи на другую, и ради чего? Ради возможности уподобиться ничтожнейшему из рабов. Как тебе твоё ярмо, Касперос, не давит? Или ты ещё не заметил веса? Ничто не заставит меня разделить его с тобой.

Блистательный несколько секунд молчал. Затем сказал с усмешкой:

— Неудивительно, что тебя так ненавидят, Фабий. Ведь это ты нас такими сделал. Ты, Фулгрим, Люций, Эйдолон и остальные... Вы завели нас в пасть демона. Мы последовали, но впереди шли вы. Ты показал нам новые способы кричать, веселиться, убивать, а теперь жалуешься, потому что... Почему? Потому что мы не выбрали жизнь аскетов, как ты?

— И что же ты выбрал, Касперос? Какие непередаваемые чудеса ждут тебя, когда ты сбросишь смертную оболочку?

— Я стану непостижимым существом, не знающим ни ограничений, ни слабостей. Я стану одним целым с нашим божественным покровителем и с нашим примархом, — Он наклонился к Байлу и положил руку ему на плечо, — Меня ждут чудеса, которые ты и вообразить не можешь, Фабий. И я буду наслаждаться ими до конца времен.

Байл скинул руку Блистательного и отвернулся.

— Этим мы и отличаемся. Ибо я стараюсь не для себя. Я стараюсь ради всего человечества. Для лучшего человечества, способного легко пережить шторм безумия, до сих пор атакующий стены реальности. Может, я не доживу до его расцвета, но я возведу его фундамент — на костях всех нас, если потребуется.

Блистательный отступил.

— Люций был прав насчет тебя, — сказал он. — Ты абсолютно безумен.

— Нет. Я просто смертельно устал. А теперь прошу меня извинить, мне нужно посетить твоих какофонов.

Он хотел пройти мимо Блистательного, но тот остановил его, упершись рукой в грудь.

— Когда я сказал Конклаву, что тебя тоже стоит пригласить, надо мной посмеялись. Мне сказали, что ничто не заставит тебя вылезти из своей норы. Но я знаю: однажды ты поймешь, что он тебе необходим. — Блистательный улыбнулся. — В конце концов, ты все-таки явился.

— Ненадолго, — ответил Байл.

Улыбка Блистательного погасла.

— Не вздумай обмануть меня, Фабий. Я хорошо знаю, как пахнет ложь, и сейчас ею несет все сильнее. Если попытаешься лишить меня моего предназначения, я вырву твой окостеневший позвоночник из этого зловонного тела и забью тебя им до смерти.

Байл улыбнулся:

— Рад слышать старого Каспероса.

— Я рад, что ты рад, брат, — ответил Блистательный и раздавил гололит в руке, — Но помни мои слова. Постоянно помни.

— Буду помнить, не беспокойся, — ответил Байл, смотря, как падают на палубу кусочки гололита. Ему показалось, что в тених кто-то хихикнул, но он списал это на демонов.

Олеандр быстро дошел до нижних палуб «Кваржазата». Смех арлекинов, звенящий на самом пределе слышимости, дразнил его на протяжении всего пути и уводил в самые нестабильные отсеки корабля. Здесь, как и в тронном зале Блистательного, жесткие границы реальности истончались, и варп протекал внутрь, меняя все, к чему прикасался.

На этом уровне было немало опасностей. По палубам бродили банды мутантов, а порой встречались и нерожденные, не материализовавшиеся до конца и застрявшие в чужой плоти. Они

оглашали огромный отсек криками, ведя примитивные войны за власть над этой бесконечно изменяющейся территорией. Корабль здесь больше походил на живое существо, чем на механизм: переборки состояли из плоти, на них пульсировали вены и зачаточные органы, а идущие в никуда тоннели выглядели скорее как кишки гигантского чудовища, а не коридоры линкора.

Как и следовало ожидать от внутренностей, здесь были горы отложений — добычи, награбленной за века, начиная с Терры и легионерских войн и заканчивая поздними набегами. Все, включая машины, выбросили сюда, в темноту, когда сокровища перестали представлять интерес. Двенадцатая рота могла бы найти им применение, но не хотела. Она выкидывала все, что не могло принести пользу немедленно. Олеандр встречал на пути останки десантно-штурмовых кораблей, а один раз — даже осыпающийся остров эльдарского истребителя.

Люменотрубки вдоль стен слабо мерцали, едва освещая дорогу. Олеандр включил светосферу, встроенную в ранец, и холодный, бледный свет выхватил из темноты груды каких-то механизмов, горы из костей и прочие неприятные и странные вещи, которыми была заполнена огромная палуба. Он остановился перед скелетом, распятым на погнутом листе палубной обшивки. Когда-то это был сервитор, теперь же, прибитый к импровизированной стене из ржавого металла, он служил примитивным указателем.

Олеандр огляделся по сторонам. Главный аптекарий называл это энтропией. Постепенный распад сложного до простого, разрушение механизма, заставляющего Галактику работать. Байл считал, что это цель Хаоса. Что варп — это океан, размывающий скалу реальности.

Позади раздался шум. Олеандр обернулся так быстро, что сервоприводы взвизгнули, одновременно описывая мечом дугу. Свет фонаря выхватил из темноты с десятков пар звериных глаз. Один мутант с козлиной головой выронил грубо сделанный топор и рухнул на пол. Олеандр поднял его голову за изогнутый рог и продемонстрировал остальным членам стада. Их было не меньше тридцати, но и вдвое большее стадо не представляло бы для него угрозы.

Он швырнул голову самому крупному из мутантов и стал ждать. Они заныли и одним за другим отступили. Когда все они до

последнего исчезли в лесу обломков так же бесшумно, как появились, Олеандр опустился на колено и взял у тела пробу. Мутанты были хуже крыс, но отличались выносливостью и свирепостью. Из их диких генов получались сильные создания.

Олеандр встал, заметив кое-что необычное, и, отодвинув пол из мусора, обнаружил сгоревшие останки боевого автомата класса «Домитар». Ему вскрыли корпус и разобрали часть деталей на запчасти, но в остальном не трогали. Машинный дух, некогда населявший его, то ли ушел, то ли погрузился в сон, оставив автомат ржаветь. Олеандр смахнул паутину и пыль с отличительных меток и провел рукой по царапинам на каркасе, гадая, как машина очутилась здесь, в чреве чудовища.

— Великий воин, потерявший все, — пробормотал он. Вся сага Третьего легиона была написана на этих обломках. На чем еще ее писать? Они отбросили все ценное, все важное, и без колебаний вошли в бушующее море Хаоса, пытаясь найти совершенство в простоте безумия. Все старые победы, присяги и силы остались гнить, как этот автомат. И что у них осталось?

Простота манила, но совершенство лежало в сложном, многоплановом и многогранном. Любой выпад мечом мог убить, но лишь идеальный, искусно проведенный удар даровал совершенную победу.

— В жадности своей мы забыли о своих истинных целях, — сказал он вслух. Даже Фулгрим. Но не глава аптекариона. Фабий до сих пор стремился к совершенству по причинам, большинству непонятным. Но Олеандр знал.

«Так Солнечный Граф говорил теням в разрушенном замке...»

Вокс-канал наполнился смехом. Олеандр схватил меч и выпрямился, а сенсоры брони принялись сканировать окружающее пространство. В глубине отсека, за мешаниной обломков, дразняще поблескивал призрачный свет. Олеандр осторожно двинулся вперед, стараясь не шуметь. Свет усилился и начал переливаться неведомыми цветами. Сенсоры выхватили из темноты странные очертания, и он посмотрел вверх.

Из палубы поднимались импровизированные колья из ржавого металла, унизанные телами диких обитателей отсека. Кровь монотонно капала на пол, где исчезала в перламутровом тумане,

который плыл из светлой конструкции на горе мусора. Ярко разодетые силуэты танцевали на ее склонах, среди частокола, словно мертвые мутанты были внимательной публикой. Или, возможно, для него.

— Врата Паутины, — тихо сказала Идущая под Пеленой за его спиной. Он повернулся, и его меч остановился в миллиметре от ее горла, но эльдар даже не шевельнулась.

— Они появились здесь вместе с неизвестным кораблем, который Блистательный Король поймал и разорвал на части, и долгое время лежали в чреве его флагмана, всеми забытые. Как спящий яд, — продолжила Идущая под Пеленой, — Но все эти века они продолжали работать. Лишь Укрытый путь знает о них, и немало пользы мы извлекли из этого знания.

— Почему вы позволили мне их увидеть? — спросил Олеандр. Его меч продолжал висеть у ее горла. Если они завели его сюда, чтобы убить, он заберет Идущую под Пеленой с собой.

— Скоро оно будет уничтожено.

— А я?

Эльдар вытянула палец и нарисовала в воздухе причудливую руну. Та мгновение померцала и угасла.

— Головоломка, вывернутая наизнанку. Загадка внутри загадки. Знак приближающейся гибели, как говорят мне. Но чьей?

— Довольно тайн. Почему вы продолжаете вмешиваться?

— Ты называешь это вмешательством. Мы называем это представлением, — Идущая под Пеленой вскинула посох, отбивая его меч в сторону, и отступила, — Это хорошая сага. Древняя. Потерпев сокрушительное поражение, царь — Царь Перьев — отказывается от трона, с таким мастерством захваченного, и уходит в темноту, одетый в рубище и снедаемый старыми печалью. Но один из придворных царя, Солнечный Граф, отправляется на его поиски, надеясь убедить его вновь взойти на трон и объединить распавшееся царство.

— Ему это удастся? — спросил Олеандр, не сводя глаз с существа.

Идущая под Пеленой кивнула:

— Большой ценой.

Олеандр помедлил.

— Вам-то это зачем?

Он уже задавал этот вопрос и раньше и ни разу не получал ответа, но в этот раз Идущая под Пеленой была очень разговорчива. Возможно, сейчас все будет иначе.

— А тебе? — отозвалась эльдар, — Какое значение имеют наши цели, коль скоро ты достигнешь своих? Царь Перьев взойдет на трон, и это будет первый шаг к объединению старого царства. Король должен сбросить рубище аптекария и надеть мантию командира. Таков сюжет.

Олеандр повернулся, услышав шелест ткани. Арлекины стояли вокруг него и смотрели на него из-за белых и черных масок, из теней и из света.

— Почему вы атаковали нас на Грандиозной? — спросил он, — Для чего?

— Чтобы взволновать его. Кольнуть, толкнуть, встревожить... — Идущая под Пеленой наклонилась и дала посоху скатиться через плечо и вниз по руке, — Вывести на путь. Напомнить, что ждет одиночку в темноте. Он цепляется за свои лохмотья. Мы должны напомнить ему, что когда-то он был царем.

— Вы пытаетесь его запугать, — сказал Олеандр и рассмеялся: — У вас ничего не выйдет.

— Нет. Не запугать. Напомнить, — Идущая под Пеленой опустила на корточки и оперлась на посох. — Свет умирающего солнца ждет. Оно висит в пустоте — слепое, глухое, но не перестающее ждать.

— Ждать Блистательного, — сказал Олеандр. Арлекины одновременно вздохнули.

«Ложный король, злобный король, яркий король полыхает...»

— Значит, наша сделка еще в силе. Я отдам вам Блистательного, а вы отдадите мне возрожденного лейтенанта-командующего Фабия. Мы отступим, выстроим все заново. Третий легион восстанет из пепла Двенадцатой роты.

— А раны Лугганата предотвратят более страшные увечья, — добавила Идущая под Пеленой, склонив голову. Ее серебристая

маска, казалось, текла и растягивалась. Олеандр готов был поверить, что видит что-то в ее глубинах. Но не успел он приглядеться, как в ухе затрещал вокс.

— Олеандр.

Это был Байл. Олеандр машинально выпрямился.

— Слушаю, повелитель.

— Заканчивай со своими сибаритскими развлечениями и возвращайся к «Сорокопуту». Нам предстоит работа.

— Иду, — ответил Олеандр.

Обернувшись, он обнаружил, что арлекины исчезли. Только тень смеха в шорохе вокс-помех указывала на то, что они действительно здесь были.

Глава 14

Обитель шума

— Это место называют Обителью шума, — сообщил Олеандр собравшимся и огляделся по сторонам.

Они стояли в коридоре перед люком, который вел на корпус «Кваржазата». Арриан, которому не терпелось подраться, дергался и что-то шептал своим черепам. Саккара молча стоял рядом с Байлом. Цимисхий оставался Цимисхием. Его можно было принять за часть коридора.

— Их там больше сотни, — продолжил Олеандр, — Возможно, и больше. Время от времени они прибывают небольшими группами или поодиночке, и Блистательный приказал, чтобы их везде пускали. Он считает, что они — знак благосклонности Слаанеш.

— А их интересует только Обитель шума, — сказал Байл.

Олеандр кивнул:

— Раньше в этом сегменте обитали нерожденные. Дикие, проникшие во время варп-шторма. Шумодесантники их уничтожили. В стенах корабля до сих пор можно услышать эхо демонических криков. Даже Узникам Радости не разрешается туда ходить. — Он постучал по переборке. — Коридоры перекрыли изнутри. Единственный способ добраться до них — по корпусу, и только Слаанеш известно, как они выдерживают эти регулярные переходы.

— Я создал прототип с расчетом на выносливость носителя, — сказал Байл, надевая шлем. Остальные последовали его примеру, и люк с шипением раскрылся, впуская внутрь холод космоса. Следуя за Олеандром, они вышли в темноту.

Беззвучная, удушающая пустота опустилась на них, словно саван, и они начали свой долгий путь поперек корабельного хребта, к далекому наросту, который представляла из себя Обитель Шума. Только мерцающий звездный свет и тусклые облака разноцветного газа и космических обломков нарушали черноту, и им приходилось пробираться через лес антенн медленно, постоянно борясь с тягой пустоты.

Мимо пролетел крохотный крейсер с мигающими, как звезды,

габаритными огнями. За последние несколько часов к небольшому флоту Блистательного присоединилось около десятка таких кораблей. Ренегаты, пираты и личности похуже, привлеченные запахом войны и добычи. По левому борту лениво плыл изящный крейсер неизвестной модели, тесня побитый фрегат аметистового цвета, который явно повидал слишком много войн и слишком мало ремонтных доков.

— У него что, глаза на носу нарисованы? — спросил Саккара по воксу, разглядывая корабль.

Олеандр посмотрел на него, и ауспик брони перевел идентификационные символы, вырезанные на корпусе.

— Это «Песнь Фулгрима». Там в основном пираты и демонопоклонники. Командует ими Голман Колос, некогда из Семьдесят первой роты.

— Старший офицер?

— Нет, — рассмеялся Олеандр, — Он позаимствовал корабль после Града Песнопений.

Корабли поменьше роились у ангаров «Кваржазата»: их капитаны прилетели выразить Блистательному свое почтение и просить, чтобы он разрешил им присоединиться к охоте. Некоторые, конечно, спрашивать не собирались. Они будут следовать за флотом в отдалении, пока не наступит подходящий момент для атаки. Вернее всего, их эльдары обнаружат и убьют первыми.

Блистательный предложил выделить им отряд из своих лучших воинов, чтобы те сопровождали их в пути через пустотный лес на корпусе корабля, но Байл отказался. В одиночку Консорциум работал лучше. Они быстро вошли в привычный режим, окружив Байла, как планеты — солнце. Олеандр не сумел удержаться от улыбки. Сколько мертвых, повисших в пустоте кораблей они исследовали похожим образом в лучшие времена? Сколько килограммов замерзшего груза разобрали, сколько мумифицированных тел нашли, пока не обосновались на Уруме?

Да, замечательные были времена, пока на плечи им не лег вес всей Галактики. Пока он не осознал, что на самом деле означала такая свобода. В конечном итоге именно это озарение привело его к Блистательному. Он искал братства, настоящего братства, и покоя, который испытывает легионер внутри своего легиона. Но он ничего не нашел. Все было не такое, как он хотел. Все было сломано,

разорвано на куски, искажено до неузнаваемости. Но это можно было исправить. Он в это верил.

Мимо пронеслось что-то темное и немыслимо тонкое. Опешив, Олеандр замер и повернулся, кладя руку на рукоять болт-пистолета.

Корпус «Кваржазата» был одновременно лесом и крепостью. Спинные парапеты и длинные антенны высоко поднимались над переплетенными корнями из противоестественной плоти и искореженных электросхем. На пустых пространствах росли мясистые, похожие на плесень ворсинки. Под кольцами корней сновали гигантские насекомоподобные существа с блестящими от инея панцирями. Между антеннами и парапетами растянулись огромные паутины из органики и силовых кабелей, и одним богам было известно, для какой добычи они предназначались.

— Я давно подумывал написать трактат о пустотной жизни во всем ее разнообразии, — сказал Байл, разглядывая существо, которое наблюдало за ними с разбитого купола оборонительной турели, — Мне кажется, их выносливость достойна изучения. Цимисхий, проведи сравнение с теми странными мясными клещами, которых мы обнаружили на том космическом скитальце в кластере Менгеля, как он там назывался? «Хват небесного кулака»? — Цимисхий изобразил какой-то неопределенный жест, и Байл усмехнулся: — Да. Жаль, что пришлось его уничтожить.

— Вы не могли бы перенести эту дискуссию на другое время? — спросил Олеандр, пнув извивающуюся ворсинку, покрытую чем-то вроде тысяч человеческих зубов, когда та попыталась схватить его за ногу. — И в более безопасное место? Среди местных обитателей есть существа, способные раскусить воина надвое.

«Безопасное-пасное-пасное, — раздался призрачный шепот на самом пределе вокс-диапазона. — Не видать тебе таких мест, Олеандр, если только ты не заплатишь...»

— Где твой приключенческий дух, брат? — спросил Арриан.

— Должно быть, в каюте забыл, — ответил Олеандр, пытаясь найти что-нибудь на ауспике. Обитель Шума была закрыта для всех, кроме нескольких избранных. Какофоны всегда были непредсказуемы, и оставалось лишь гадать, как они отреагируют на незваных гостей и какие ловушки ждали на пути.

— Тихо, — сказал вдруг Фабий и остановился, — Что это было?

— Вы о чем? — спросил Олеандр.

«Тоскующий царь всколыхнулся, Солнечный Граф», — раздалось из темноты. вокс в ухе затрещал, и Олеандр вздрогнул. Он надеялся, что остальные ничего не услышали.

— Вы тоже слышали? — спросил Арриан. — Или это мои братья опять громко разговаривают? — Он коснулся одного из черепов на нагруднике и добавил: — Похоже на смех.

— Я ничего не слышал, — сказал Олеандр.

— Возможно, где-нибудь звезда взорвалась, — заметил Саккара, — Или местные демоны решили собраться, — Несущий Слово обернулся и посмотрел в направлении, откуда они пришли, — Я чувствую, что за нами кто-то наблюдает. Кто-то знакомый...

В вокс-канале Цимисхия звякнули помехи.

— Цимисхий прав. Идем, — сказал Байл. Олеандр слышал в его голосе напряженность, пусть и слабую, и видел, что насосные шприцы на броне вновь заработали. Опять Байл пытался поддерживать отказывающие органы стимуляторами и наркотиками. При взгляде на него возникали ассоциации с шедевральной книгой несравненного гения, от которой осталось лишь несколько выхолощенных цитат. У Байла были другие тела, и как минимум одно было спрятано где-то на «Везалии», но от этого смотреть на него — этого великого человека, загубленного жестокой судьбой, — было ничуть не легче.

«Он упрям, этот царь, и не нужно ему ничего, кроме древней тоски и лживой мечты...»

Арлекины были здесь, пусть ауспик и говорил обратное. Они выжидали, наблюдая за их отрядом из леса ворсинок и антенн. Время от времени Олеандр замечал среди теней вспышки света и цвета, а из-за спутанных кабелей и спутниковых тарелок ему ухмылялись бледные фарфоровые лица.

— Я их тоже вижу, — тихо сказал Саккара, переключившись на частный канал. Олеандр взглянул на Несущего Слово.

— Почему тогда молчишь?

Несущий Слово посмотрел на него в ответ:

— А ты?

Олеандр не ответил. Свет от пролетающего мимо крейсера играл на багровом шлеме Саккары, выхватывая из темноты вырезанные символы.

— В храмах, где я молюсь, есть лишь нож и алтарь, — сказал Несущий Слово, — Либо ты берешь первый, либо ложишься на второй.

— Как философично! Что ты хочешь сказать?

— Я прекрасно знаю, почему Темный Совет хочет видеть нашего поработителя в цепях. Он как демон: чтобы он начал приносить пользу, его сначала надо подчинить.

Он постучал пальцем по одной из склянок, висящих на броне. Ее аморфный обитатель разъяренно заметался внутри.

— Твоего поработителя. Не моего.

— Есть много видов рабства, — ответил Саккара, поднимая голову и отстраненно теребя свои медальоны и подвески, — Нерожденные шепчут, что затея может оказаться одновременно ножом и алтарем.

— Осторожно Саккара, а то Байл тебя услышит и решит взорвать твою бомбу пораньше, — сказал Олеандр, постучав Несущего Слово по груди.

— Не решит. Ему нравится за мной наблюдать. Я — живое подтверждение его силы, свидетельство его таланта, — ответил Саккара и покосился на него: — И в отличие от тебя, я полезен. И почему только он тебя пощадил?

Корпус корабля задрожал под ногами. Похожая на вены проводка по краям плит налилась чернотой. Ближайшие поросли ворсинок заизвивались сильнее прочих, словно взбудораженные обширной вибрацией. Олеандр переключился на общий канал:

— Мы на месте, — сказал он.

Обитель шума представляла из себя высокое строение в форме изогнутого клина с таким количеством позолоты, что на нее, должно быть, ушла дань от целой системы. Состояло оно из потрескавшейся стали и того полуорганического вещества, которое местами покрывало корпус «Кваржазата». Тут и там позолоту пятнали беззвучно кричащие, бешено вращающие глазами лица. Олеандр

слышал, что они назывались духобалянусами и были останками душ, которых когда-то сожрали, переварили и отрыгнули демоны; теперь они липли ко всему, что сквозь них проходило.

От линии корпуса под крутым углом поднимался гигантский люк, украшенный телами сервиторов, которые давно заиндевели и мумифицировались под воздействием космоса. Их оптические сенсоры до сих пор поблескивали, а проломленные головы поворачивались к приближающимся аптекарям.

Байл взглянул на Олеандра:

— Что теперь? Как нам войти?

— Можно постучать, — ответил Олеандр.

— Отлично. — Байл вышел вперед, поднимая посох и чувствуя, как разливается по телу его темная энергия. Но не успел он ударить по люку, как запоры отъехали в сторону и уплотнитель смялся. Люк ушел в стену, открывая взгляду лестницу, покрытую инеем и дрожащими ворсинками.

Когда они начали спускаться, в воксе затрещали помехи, а люк захлопнулся позади с такой силой, что настенные пластины задрожали в креплениях. Над головой висел полог из переподключенных силовых кабелей и когитаторных проводов, и мелкие безволосые существа ползали среди них или висели на отошедших пластинах и вырванных крепежах.

— Население Обители Шума, — пояснил Олеандр, когда одно из бледных существ с пронзительным визгом перебежало им дорогу, громко топая по ступеням. Оно было меньше человека, с грудью колесом и странными металлическими наростами на коже. Другие существа последовали за ними, карабкаясь по пологу или вдоль стен. Эхо их воплей было похоже на помехи.

— Увеличенный объем легких и утолщенная дерма, — заметил Арриан, — Модификации для жизни в пустоте?

— Адаптации для жизни в пустоте, — отстраненно поправил его Байл. — Эти существа родились такими, а не были модифицированы, — Он покосился на Олеандра: — Верно, Олеандр?

— Когда какофоны решили поселиться здесь, они привели с собой рабов, — ответил Олеандр. — Это их потомки. Я слышал, что они на этой палубе повсюду. В варпе творятся странные вещи.

Он вдруг вытянул руку и стащил одну тварь со стены. Та забила и защелкала непропорционально большими челюстями. Олеандр взял у нее образец тканей, после чего размозжил ей голову об пол и бросил тело за спину. Остальные твари жадно накинудись на бьющийся в конвульсиях полутруп, позабыв о чужаках на своей территории.

Лестница заканчивалась внутренним люком. Он был открыт, а раму покрывали коготь и широкие царапины. Изнутри неслась чудовищная какофония, от которой воздух едва не кипел, а звуковые сенсоры в шлемах издавали неприятный шелест.

За люком раскинулась сама Обитель шума. Палубу полностью распотрошили, превратив в яму, через которую тянулись мостики. Стены переделали таким образом, чтобы они отражали и усиливали идущие изнутри звуки, сделав из зала гигантский резонатор. Открытые топливные ячейки трещали от странной энергии, а на верхних уровнях несущего каркаса скакали или сидели на корточках все те же рабы-дикари, вопящие вместе со своими повелителями.

По залу в агоническом танце кружились клочки демонов, не способных до конца материализоваться под напором звука, который наполнял Обитель шума бесконечным эхом.

— Любопытно, — сказал Байл.

— Что теперь, повелитель? — спросил Олеандр. Замки на его броне предупреждающе скрипели. Силовая броня могла выдержать почти все, но то, что творилось за люком, могло расколоть даже керамит.

— Теперь мы войдем, — ответил Байл, — Обитель Шума ждет нас.

Звук походил на зверя в клетке. Он терзал воздух и бился в стены, которые удерживали его взаперти. Он вздымался и опускался волнами рыка, пульсируя то громче, то тише. На широких мостиках, пересекающих гигантский зал, стояли или лежали сотни какофонов. Они пели, играли и кричали, и сама сущность атмосферы менялась под силой этих звуков. Самая большая группа стояла прямо напротив входа и вопила в унисон. Остатки смотрового окна дребезжали от психосонического оружия.

Байл направился вперед, ведя за собой Олеандра и остальных, и, невольно заинтригованный, принялся рассматривать какофонов. В

начале Ереси вдохновение было частым его гостем. Голову переполняли идеи, а поблажкам со стороны командиров не было конца. В те дни он создал множество шедевров из плоти и крови, пусть им в целом и недоставало изящества. Порой он тосковал по тем временам безрассудных экспериментов, когда еще не знал о своем призвании. Он считал себя художником, а на самом деле был лишь ремесленником.

Оригинальных какофонов он не встречал уже давно; эти были какой-то новой породой, созданной без его участия, но разглядеть в них элементы его прошлой работы не составляло труда. Условно все шумодесантники были результатом тех первых примитивных операций, которые он провел по приказу Фулгрима, и ему приятно было видеть, что плоды его трудов живут, переходя от банды к банде, от воина к воину, словно тайное знание времен Древней Ночи.

Рабы на мостиках при виде них бросались прочь, не переставая кричать. Они были повсюду, даже висели на нескольких шумодесантниках, а некоторые громко дрались друг с другом у ног равнодушных хозяев — по-видимому, доведенные какофонией до иступления.

Байл вышел вперед. Холод тьмы обжигал даже сквозь доспехи, но ему нравилось это ощущение. Ничто не бодрило так, как ледяная, абсолютная пустота между звездами. Она помогала взглянуть на свои проблемы с другой стороны.

Байл активировал вокс и стал сканировать частоты, пока не нашел одну, не забитую помехами.

— Братья. Мелодия изменилась, но я все равно узнаю ее.

Ближайшие шумодесантники одновременно замолкли и повернулись. Их силовая броня была размалевана так ярко, что от нее резало в глазах. Таков был досадный побочный эффект сенсорной аугментации: перенапряженные органы чувств воспринимали только самые кричащие оттенки и узоры. Силовые кабели, воздушные шланги и провода вокса покрывали вычурные доспехи, словно табарды. У одного в броню были вбиты сотни золотых монет, у другого была накидка из сшитой плоти.

В канал ворвался визг резонанса, и Байл поморщился. Один из какофонов вышел вперед, кроша ногами осколки замерзшего металла. Рабы бросились врассыпную, уступая ему дорогу. Над

плечами шумодесантника поднимались усилители роковой сирены, а шлему было придан вид кричащего лица. Когда он заговорил, Байл услышал лишь нестройный вой, но смысл слов понял. Тот был очевиден.

— Действительно. Извините, что прервал ваше представление.

Новая волна резонанса. На этот раз в ней удалось различить слова, но с трудом. Они наслаивались друг на друга, превращаясь в поток сплошного шума, и лишь тренированное ухо могло разобрать текст этой песни.

— Глав-ный апо-текарий, — раздался голос, поровну состоящий из эха, помех и звериного рыка. Этот голос давно уже не принадлежал человеку. Но в нем было что-то знакомое.

Байл выпрямился. Он слышал в голосе надежду. Благодарность. Шагнув к воину, он смахнул с изогнутого наплечника горсть грязи, за которой оказался поблекший знак различия.

— Элиан Пакрит, — произнес Байл. — Ты ведь из моих, да? В прошлом — сержант Девятой роты. Я думал, что ты погиб давным-давно, на поле боя Луны.

— Пе-сни ну-жен го-лос, — прорычал Пакрит. Он дернулся, и усилители его роковой сирены загудели. Помехи в голосе стали тише и слабее.

— Песни?

Только шумодесантник мог назвать эти вопли песнью.

— Песни. Единственной песни. Песни Слаанеш. Песни жизни, песни смерти. Мы ищем ее ноты в темноте. Одну совершенную ноту.

Байл кивнул:

— Я пришел просить об услуге, Элиан.

— Ты дал мне голос, главный аптекарий. Спасибо тебе за это.

— У тебя есть возможность не ограничиваться устной благодарностью.

Шумодесантник склонил голову в искореженном шлеме, и его линзы блеснули. Да, Байл видел, что это его работа — во всяком случае, в основе своей, — но за прошедшие века многое изменилось, как это всегда бывает. Элиана уродовали примитивные аугментации,

поставленные крайне неумелыми энтузиастами. Рядом с плотными пузырями, заполненными воздухом, хрипела респирационная пневматика, которая помогала гнать газ по измученным легким. Искрящие силовые кабели выходили из трещин в неухоженной броне и обвивались вокруг незакрытых поршней в металлических конечностях, словно змеи.

— Сколько в этом теле тебя самого? Где кончается машина и начинается человек? — спросил Байл. Он в какой-то мере восхищался Элианом и его братьями. Они были вершиной его достижений и одновременно на собственном примере показывали, что ждет человечество, решившее бросить вызов Галактике без его руководства.

— Слишком много. Слишком мало. — Рык растворился в воздухе, и Байл отчетливо услышал в его голосе тоску. Даже у этих тел, так сильно изменившихся, были пределы. Остальные шумодесантники подняли инструменты и издали печальный стон, — Песнь Слаанеш зовет нас, а мы зовем ее, но поймать не можем.

— Да, в нынешнем состоянии не можете, — ответил Байл.

Элиан некоторое время смотрел на него.

— Ты слышишь Песнь, главный аптекарий? Она так красива. Она сотрясает основы всего сущего и заставляет богов рыдать от отчаяния. Это песнь жизни и песнь смерти. Ее мотив погружает солнца в вечный сон, ее рокот раскалывает кору на тысяче лун. Мы слышим лишь отзвуки ее, и нам так больно.

— Я могу положить конец твоим страданиям, если хочешь.

Ауспик в броне Байла вдруг зазвенел. Оглядевшись, он увидел, как из темноты выходят массивные силуэты, разгоняя облака из льда и пыли. Один десяток, второй, а потом еще и еще. В воксе глухо шумело от окружающей какофонии — этого оркестра забытых, этого хора проклятых. Сколько же какофонов собрал Блистательный под своими знаменами? Олеандр был прав. У капитана Каспероса была настоящая армия.

Когда шумодесантники приблизились, Байл приветственно поднял руки:

— Братья мои. Как же радостно видеть вас в добром здравии! Сколько из вас было под моим ножом? Сколько стали такими

благодаря мне? Боюсь, немного, но все же вы мои. Вы — мои шедевры, мои открытия, мои уроки!

В воксе раздался сигнал — один атональный звук, порожденный множеством голосов. Возможно, они показывали, что узнают его, а возможно... Просили о чем-то? Элиан вздохнул, и от этого звука зубы Байла зазудели до самых гнилых корней.

— Песнь зовет, главный аптекарий. Ты поможешь нам к ней присоединиться?

— Помогу, брат. Твой голос станет частью самого варпа, а твои братья споют на руинах умирающей расы. Это я тебе обещаю, — сказал Байл, — Что скажешь, брат?.. Ты готов вновь лечь на мой стол?

Часть третья

Раскол

Глава 15

Смертельный выпад

Ядро «Кваржазата» злобно гудело, словно живое. Туго натянутые жгуты мышц тянулись вдоль шлюза, а вены из металла и плоти вздувались на полу и стенах. Машинный дух корабля был примитивным хищником, которого одолевали лишь голод да ярость, и обслуживающие его машиножрецы выглядели соответственно: шрамы, дикарский облик, рваные, черные от масла рясы, под которыми скрывались хилые металлические тела. Сбившись в несколько групп, они настороженно разглядывали Байла и его Консорциум.

Байл игнорировал жрецов, предпочитая рассматривать пульсирующее сооружение из плоти и проводов, которое служило центральным ядром корабля. Он обратил особое внимание на змееподобные силовые кабели, сваленные под устройством, и наросты из похожего на кость материала, которые его поддерживали. Ядро напоминало огромное неаккуратное сердце и выглядело так, словно его создатель лишь в общих чертах представлял себе, как этот орган работает. В кольцах скрученного металла ритмично искрились втулки, и вся конструкция гулко пульсировала вместе с ними.

Возможно, через несколько веков «Кваржазат» превратится в нечто до сих пор не виданное: в настоящий биоорганизм, самоуправляемый и подчиняющийся природным импульсам, а не запрограммированным алгоритмам.

— Повелитель, мы готовы начинать операцию, — сказал Олеандр.

Байл обернулся. Члены его Консорциума стояли вокруг массивного воина — шумодесантника Элиана. С полдюжины мясистых кабелей, вырванных из палубы, крепились к муфтам, которые соединяли Элиана с его роковой сиреной. Кабели самой сирены были воткнуты в щитки ядра, а нижнюю часть тела фиксировали магнитные замки в подошвах и снятые со стен куски кости и металла. С примитивных муфт сыпались искры, разлетающиеся потом по всему полу.

Элиан вздрогнул и наклонился вперед, скрестив руки на груди. Рядом взорвалась сенсорная антенна. Затем еще одна и еще. Машиножрецы испуганно заверещали и заметались по залу, пытаясь стабилизировать системы и исключить дальнейшие перегрузки. Байл проверил жизненные показатели какофона и, довольный ими, сказал:

— Отлично. Саккара, сними ему шлем.

Несущий Слово осторожно поднял модифицированный шлем, открывая изуродованное лицо Элиана, отступил и, опустив одну руку к болт-пистолету, покосился на кружащих по залу жрецов.

— Присматривайте за ними, — сказал Байл.

Блистательный велел им предоставить зал в распоряжение Байла на время операции, но машиножрецы были верны только своим испорченным программам. Если они решат, что «Кваржазат» в опасности, то непременно атакуют.

Операция представляла собой вариант давнего эксперимента, который проходил в Коронидских глубинах и включал в себя нежелающего что-либо делать навигатора и биосаркофаг с пустотной закалкой. Подключение живого организма к сети корабля не было чем-то неслыханным даже за пределами Ока. В операции даже не было ничего замысловатого, но ее сложно было провести правильно. Байл нажал на скрытый символ на наруче — и в вокс-канал полилась мощная мелодия. Он всегда носил с собой подборку: музыка помогала работать в неидеальных условиях.

Это была старинная мелодия, записанная в первые месяцы Великого крестового похода, и посвящалась она великой победе Третьего легиона — какой-то незначительной стычке, которую в Империи, скорее всего, давно стерли из архивов. Но основывалась она на еще более старинной песне из времен Древней Ночи. Новое всегда строилось на костях старого. Это относилось ко всем великим произведениям и даже некоторым не очень великим. Да в общем, ко всему. Прошлое было глиной, из которой делали кирпичи будущего.

Мелодия навевала воспоминания о лучших днях, когда лезвие бритвы не было так близко. Когда его тело не состояло из зарождающихся опухолей, для борьбы с которыми не надо было принимать все более и более отчаянные меры. Он замурлыкал под нос, пытаясь игнорировать сообщения на ретинальном дисплее, которые рассказывали, как он гниет. Хирургeon зашипел, и раздался предупреждающий сигнал. Мгновение спустя в животе резануло так, словно там кто-то пытался прогрызть себе путь наружу. По его мысленной команде хирургeon принял меры, подняв над ним шприц и вонзив его в вену. По телу разлился холодный огонь, сжигающий боль.

Байл размял руки.

— Пора. Приступаем.

Несколько секунд спустя он вскрыл череп Элиана, и тот простонал от удовольствия, так что напольные плиты затряслись в креплениях, а в зале замигали лампы. Байл поморщился.

— Брат, я понимаю твоё нетерпение, но держи себя в руках, пожалуйста. Касперос наверняка не обрадуется, если мы разрушим ядро его корабля.

— Он мечтает сидеть рядом с Принцем Удовольствий, — сказал Элиан. Даже на обычной громкости его голос звучал грубо и хрипло. Когда-то гортань ему заменили на миниатюрный вокс-динамик, и тот скрипел и трещал при каждом выдохе. — Как и все мы. Слаанеш поет, и среди нас нет никого, кто не хотел бы слушать.

— Не все мы, Элиан. И даже не большинство. Для многих падение Третьего было не столько падением, сколько сползанием. Посмотри на Олеандра, например. Да, он сибарит и декадент, но едва ли его можно поставить в один ряд с некоторыми обитателями этого корабля.

— Олеандр, — выдохнул Элиан, трогая аугментации на горле. — Он это сделал. Моя песнь стала громче на пять децибелов. Я так и не поблагодарил его, — Он перевел взгляд на аптекаря: — Спасибо, брат.

Байл не стал их слушать. Нейросеть шумодесантника отличалась аномальной формой и толщиной. Мозг Элиана был похож скорее на когитатор вокс-станции, чем на орган. В мозговом веществе виднелись усилители, передатчики и перенаправляющие катушки. Лезвия хирурга вытащили несколько из них, перерезав удерживавшие нити из плоти. Элиан каждый раз вздрагивал.

Байл зажал один передатчик между пальцами и сделал паузу. Тот заискрил, и в вокс-канале зашипело.

«Мы тебя видим, аптекарь, — прошептал кто-то, — Тебе не убежать».

Байл рефлекторно сжал пальцы, раздавив передатчик, и покосился в сторону, где сгущались тени. Пятна в тенях казались лицами, ухмыляющимися и смеющимися. Они принадлежали не демонам, но были не менее злобными.

— Что вам надо? — тихо спросил он.

— Нейронная оболочка готова, главный аптекарь, — позвал Арриан из другого конца зала, застав его врасплох. Взяв себя в руки, Байл повернулся к нему.

— Неси ее сюда скорей, — приказал Байл, отступая. У него тряслись руки. Он не мог испытывать настоящий страх — тот ушел навсегда в тот день, когда аптекарии легиона разрушили до основания человека, которым он был раньше, и создали того, кем он был теперь. Но он умел чувствовать раздражение — и как умел! Раздражение выедало его изнутри, словно медленный огонь.

За годы он нажил множество врагов. В некоторых кругах это считалось признаком величия. Человек измерялся силой его врагов, а у Фабия Байла сильных врагов было немало. Как минимум они командовали армиями, а как максимум... Все-таки концепция богов никогда не была ему близка, не говоря уж об их самопровозглашенных посланниках.

Если его враги — даже часть их — решили объединиться, вся его работа оказывалась под угрозой. Он вспомнил Игори и остальных,

даже ничтожных пробирочников. Историю грядущего тысячелетия будут писать его великие, могучие дети. Иного он не допустит.

Он быстро работал вместе с остальными аптекариями, прикрепляя нейросеть, выращенную из материала псайкеров и эльдаров, на поверхность изуродованного мозга Элиана. Благодаря мутациям шумодесантника можно было не беспокоиться об отторжении и неправильной работе.

— Когда мы закончим, твой голос, Элиан, пронзит самое сердце пустоты, — сказал Байл.

— Слаанеш услышит меня, — прошептал Элиан.

Байл не понял, вопрос это или утверждение, и решил не отвечать. Элиан все равно его не услышит. Шумодесантник между тем начал дергаться, а из рваного рта пошла пена. Он выкатил глаза, схватился за горло. Вокс-каналы заполнились шумом. Арриан выругался, когда из носа и ушей у него пошла кровь. Цимисхий отшатнулся, держась за голову. Олеандр отвернулся, борясь с тошнотой. Байл продолжал работать. Этого следовало ожидать.

Звук становился громче с каждым соединенным нервом и каждой заменой старых передатчиков на новые. На более сильные. Аугментированные легкие Элиана наполнились невиданной до сих пор силой, а в мозгу забушевала мощь, отнятая у сотни средних псайкеров. Ткани эльдаров проникли в мозг, словно стремительный рак, образуя связи там, где их раньше не было. Вскоре они расцветут и заполнят весь череп шумодесантника наподобие смертоносного сорняка. Раньше его крик мог убить. Теперь же он превзойдет все виды оружия.

Шумодесантник вдруг выпрямился, так что изуродованный мозг сместился со своего положения в усиленном черепе, и закричал. Пульс Байла подпрыгнул, но хирургeon тут же отреагировал, введя ему успокоительное. Байл взял Элиана за плечо.

— Успокойся, — крикнул он, пытаясь пробиться через усиливающийся шум. Один вокс-динамик взорвался и выпал из стены. Машиножрецы испуганно верещали, посылая друг другу сигналы с кодом, — Держи силу под контролем, брат, или она сожжет тебя дотла прежде, чем ты достигнешь крещендо.

Крик Элиана обратился в стон, измученный и сдавленный. Достигнув высшей точки, шум прекратился. Шумодесантник обмяк.

Байл глубоко вдохнул, наклонился вперед, быстро поставил на место снятые кости, череп и спаял края. По лицу и шее Элиана лилась кровь, исчезая в мешанине кабелей и проводов. Он выпрямился, не дав Байлу зашить изорванную кожу.

— Этого достаточно. Пора, главный аптекарий. Я чувствую, как песнь набирает силу. Долго я сопротивляться ее зову не смогу.

Он забрал свой шлем у Саккары и с влажным звуком надел его.

Арриан взглянул на Байла:

— Если все оставим как есть, у него разовьется инфекция.

— Вряд ли успеет, — ответил Байл, — Идем. Пора с этим покончить. Гостеприимство Блистательного начинает меня утомлять. — Он потер грудь, оставив на сморщенной поверхности плаща кровавые отпечатки. — Элиан... Начинай.

Плоть ядра внутри костяно-металлической рамы задрожала. Переподключенные системы стабилизировались, и по содрогавшейся поверхности побежали искры. Элиан забился в конвульсиях, когда в его тело хлынула энергия, выгнул спину и начал кричать. Звук проникал во все вокс-каналы зала, а лампы опять замигали.

Байл почувствовал, как воздух сгустился и похолодел. Способности шумодесантника имели одновременно психическую и физическую природу и нарушали реальность на всех уровнях.

— Доложите обстановку, — сказал Байл в вокс. Канал затрещал, принимая информацию от других кораблей флота. Ведьмы и псайкеры, которых он с Консорциумом подверг аналогичным операциям за последние десять часов, начали реагировать на звуки какофонов. Элиан был алефом — центральным узлом в сети сознаний, и по мере того, как он вбирал силу «Кваржазата», она наполняла и их.

— Работает? — спросил Олеандр.

— Конечно работает, — ответил Байл. Воздух вывернулся наизнанку, и в морозной дымке зашевелились странные, бесплотные формы. Байл мысленно представлял, как волна миазматической силы движется вперед, обгоняя флот. Она замаскирует корабли, как поднятый ил на дне океана. Но несмотря на всю свою затейливость, сеть долго не продержится. Псайкеры были хрупкими созданиями, и текущие сквозь них силы скоро испепелят их. Элиан тоже погибнет,

пусть и в самом конце. К тому моменту они уже доберутся до цели.

— Идем. Надо сказать Касперосу, что сейчас самое время выдвигаться.

Лифт отчаянно скрипел, везя их на командную палубу. Он был украшен растянутыми шкурами, снятыми с представителей полудесятка ксеносских рас и покрытыми гнусными клеймами и похабными изображениями. Они кровоточили до сих пор. По мнению Байла, это был очередной пример местного расточительства. Как можно пускать такую хорошую кожу на украшение интерьера? С другой стороны, имел ли он право критиковать хозяев корабля? Байл поправил рваные полы собственного плаща.

Подняв взгляд, он обнаружил, что на него смотрит Цимисхий. Лицо Железного Воина было скрыто хищной оскаленной маской, но Байл научился в совершенстве понимать молчаливого аптекаря по языку тела. Цимисхий был встревожен.

Ему вспомнилось, что именно Цимисхий заступился за Олеандра, когда того исключили из Консорциума. Именно он убедил его помиловать Олеандра. И именно он первым встал на сторону вернувшегося блудного сына. Несмотря на все, что Железный Воин пережил — а возможно, как раз благодаря этому, — он очень серьезно относился к узам братства. Однажды эта противоестественная способность к состраданию его погубит.

Размышляя об этом, Байл почувствовал что-то похожее на грусть. Цимисхий был прекрасным помощником, сколько Байл его помнил.

— Не бойся, брат... наш путь труден, но мы выстоим, как всегда, — сказал он. Цимисхий кивнул и постучал по груди. Байл рассмеялся.

— Конечно, брат. Уверен, Касперос не будет против, если твои боевые автоматы присоединятся к веселью.

Лифт затрясся, останавливаясь. Двери с шипением открылись, и взглядам пассажиров предстал массивный шумодесантник. С его брони, неумело усиленной слоями керамики от доспехов самых разных классов, свисали толстые шланги и звукопередатчики. Шлем покрывали блоки усилителей вещания, а вокс-решетка напоминала оскаленную пасть дикого зверя. Из-за разбитого визора глядели налитые кровью глаза.

— Брат-сержант Элиан, — пропульсировал шумодесантник. — Мы его слышим.

— Правда? — невольно заинтересовался Байл. Он не ожидал, что какофоны смогут услышать заглушающий эффект, и осмотрел воина, — А ты... Рамос. Бык Восьмой роты. Я помню, как устанавливал эти звукоканалы. Ты сломал Медейские врата на Луне.

— Я... сломал врата, — отозвался Рамос, словно не был в этом уверен, — Сержант Элиан поет. Мы слышим его.

Он шагнул в сторону, и за ним обнаружился десяток шумодесантников. Байл вышел из лифта.

— Вы поэтому пришли?

— Нет. Нас послал Блистательный. Чтобы мы тебя сопровождали. Но мы слышим Песнь, — Рамос сжал огромные кулаки — и усилители, встроенные в его наручи, завывли, как ретивые псы. — Мы слышим его.

— Не сомневаюсь, — мягко ответил Байл, — Но это песня Элиана. Только он может ее спеть. Ваше время придет позже. И тогда вы, может быть, споете в его честь.

Рамос уставился на него.

— Мы споем ради него, главный аптекарий. Враг содрогнется от нашей песни.

Он отвернулся и потрусил по коридору. Байл и его аптекарии последовали за ним, а остальные шумодесантники взяли их в кольцо. На протяжении всего пути к командной палубе какофоны выли что-то друг другу, как псы, и воздух дрожал от их воплей.

Добравшись до командной палубы, они обнаружили, что пришли не первые. Командиры банд, которых Блистательный счел достойными участвовать в атаке, стояли рядом с Узниками Радости на мостике. Была здесь и горстка смертных пиратов, которые казались совсем мелкими и хрупкими на фоне гигантских космодесантников-предателей.

Байл узнал нескольких присутствующих. Все прибывшие Астартес-ренегаты были облачены в цвета Детей Императора; как и Касперос Тельмар, они были забытыми, но амбициозными обломками некогда великого Третьего легиона, теперь

вынужденными хвататься за все, что можно было схватить. Как пали великие! Разглядывая их, Байл гадал, нет ли среди собравшихся членов так называемого Конклава Феникса.

Воины замолчали, когда Байл со своим Консорциумом вышел из коридора и направился в их сторону. По рядам смертных пробежал испуганный шепот, а по рядам Астартес — приглушенный рык. Байл остановился на безопасном расстоянии и оперся на посох. Тот дрожал в руке от желания ударить.

Под мостиком «Кваржазата» лежало многоярусное море командных тронов, развернутых к огромному экрану. На тронах сидели пестро раскрашенные сервиторы, прикованные к своим местам металлом и плотью. Центр мостика занимал мигающий гололит, как и на «Везалии». Время от времени по изображению пробегали помехи, и тогда причудливые вокс-динамики, встроенные по углам гололита, издавали возмущенный механический вой.

Под самым потолком висели рваные знамена, шелестящие под потоками воздуха из вентиляции — сага Двенадцатой роты, записанная на ткани и трофеях. Окинув их взглядом, Байл отметил возрастающую жестокость: ткань постепенно уступала место скальпам и тихо бренчащим связкам из костей.

— Энтропия, — пробормотал он и огляделся. Когда-то на этой палубе выстраивалось в ожидании приказа по двести воинов, а то и больше. Теперь же от силы сто бесцельно слонялись по залу, болтали или строили козни. Мелочные соперники и враждующие группировки кровожадно присматривались друг к другу, поджидая своего лорда-командующего.

Все это было до тоски знакомо. Олеандр любил рассуждать о братстве и о том, как было раньше, но раньше было так же, как сейчас. Добродетели хорошего солдата по сути были пороками, а пороки — добродетелями. Байл давно пришел к этому выводу и не видел оснований менять свое мнение. Он крепче сжал посох.

— Тени все длиннее, — произнес Олеандр.

— Что?

— Старинная песня. Или поэма. Вольный стих, проще говоря, — ответил Олеандр и нахмурился. — Вы посмотрите на них. Звери и глупцы. Только и могут копаться в грязи, выискивая крупинки совершенства.

— Приходится работать с тем, что есть, — сказал Байл.

Вдруг раздался слабый дребезжащий звон колокола. Дуэльные стихи и песни замолкли: на командной палубе показался капитан Двенадцатой роты, за которым следовали, покачивая бедрами, дьяволицы из его гарема.

На Блистательном был плащ из сшитых скальпов, а на сгибе руки он держал силовой меч в ножнах. Его чудовищные стражи следовали чуть позади, тихо бурча что-то друг другу. Рабы бежали впереди, кидая ему под ноги горсти окровавленных лепестков, или размахивали возле него огромными кадильницами. В конце процессии шли нерожденные, напевая, шипя, хлопая когтистыми лапами или стуча по полу копытами. Они замолкли, когда Блистательный махнул рукой.

— Ты все сделал, Фабий? Готов вести меня к моей судьбе? — громко спросил Блистательный, — Надеюсь, что да. Иначе мне придется скормить тебя экипажу по кускам.

— Избавь меня от своих ужимок, Касперос, — сказал Байл, — Я провел все операции.

— Отлично, — отозвался Блистательный и коснулся груди. — Дух Третьего еще живет в нас. Будь я чувствительней, то заплакал бы от красоты этого момента.

Он огляделся по сторонам, и его улыбка растянулась до невозможных размеров.

— Мои сыны, мои братья, мы стоим на пороге величия. Не думайте, что я посмею мешать вашим развлечениям — прошу, продолжайте! Пойте, смейтесь, пляшите... Вперед, красавицы мои, станцуйте для моих воинов.

Демонетки плавной походкой двинулись к Детям Императора, которые жадно бросились вперед. Танец нерожденных был редким представлением, и многие присутствующие готовы были дорого за него заплатить. Порой эти создания перевозбуждались и, сбившись в стаи, отправлялись гулять по палубам «Кваржазата», оставляя за собой только смерть. Олеандр надеялся, что на этот раз Блистательный будет их лучше контролировать.

— Значит, все готово, — сказал Блистательный. Это был не вопрос. Весь «Кваржазат» трясся от набирающих мощност

двигателей, а знамена под потолком колыхались, словно от ураганного ветра.

— Готово. Как я и обещал. Мы уже в пути?

— Твои координаты были загружены в когитаторы, как только ты начал. Мы давно в пути, Фабий. Более того, мы совсем скоро прибудем. Можешь взглянуть на ауспик, его показания вдохновляют, — Блистательный указал на ближайший пульт, — Осталось тридцать четыре часа. Жертва Элиана не будет забыта. Наверное, я прикажу установить его роковую сирену на спинку трона, когда исполню свою судьбу, — Он сложил ладони вместе, — Я устал ждать. Пора вернуть все, что нам должны. Двенадцатая рота летит на войну.

Он повернулся, окидывая взглядом собравшихся капитанов, пиратов и регенатов.

— Это не набег, — сказал он, на этот раз громче. — Мы летим не за трофеями или рабами. Это настоящая война, друзья мои. Это наконец-то настоящая битва. После стольких лет у нас появился враг, достойный нас, достойный чести сражаться с Двенадцатой. Мы, испепелившие гнезда душ на Вальпургии и выжегшие останки Закатного города с плоти самой Терры, направим свои клинки на врага, достойного так называться.

Он раскинул руки в стороны:

— Вы слышите звуки, что разносятся по кораблю? Это брат Элиан, благословенный Владыкой Удовольствий, зовет нас на войну. Он поет песнь Слаанеш, и во имя ее мы идем. Храните эту мысль в душе, и пусть она утешит вас в эти столь томительные часы.

Ренегаты нестройно закричали в ответ: некоторые фанатично, некоторые не очень.

Блистательный указал на гололит в центре палубы.

— Но довольно речей. Речи — для побед. А пока надо составить план. Подходите, мои сыны, мои друзья. Ибо затеяли мы немалое.

Над гололитом возникла схема рукотворного мира. Байл узнал изображение, которое предоставил Блистательному, и улыбнулся. Оно содержало самую общую информацию, даже не имело базовых данных с ауспиков, но толпа была впечатлена.

— Взгляните, друзья, — перед вами Лугганат, Свет Павших Солнц, памятник угасшему величию — величию, которое он еще увидит, когда мы заберем его себе.

Блистательный повернулся, разглядывая своих союзников.

— Я не буду делать вид, что вы мне подчиняетесь. Некоторые из вас предпочтут поскорее обогреть клинки кровью, и ваш долг — поступить так, как велят вам боги или собственные желания. Я не собираюсь вам мешать. Служите всем своим желаниям — и будете вознаграждены. Так говорил блистательный Фулгрим на полях Терры. Но для тех, кто находится у меня в подчинении... мои желания стоят на первом месте.

Он повернулся обратно к гололиту.

— Основной удар будет заключаться в следующем. Первая волна абордажных отрядов сформирует трезубец. Да, немного архаично, но элегантно. Внешние зубцы захватят плацдармы с фронтальной и тыльной сторон, в то время как центральный доставит наш телепортационный маяк в самый центр рукотворного мира, — Его голос постепенно терял ленивый мурлыкающий тон, который отличал его до сих пор. Блистательный все меньше напоминал претендента на демоничество и все больше — воина, которого Байл когда-то знал, — Уверен, большинство здесь присутствующих помнят Мару Скара? Смертельный выпад.

Байл задумчиво кивнул. Эту страгатагему называли в честь одного из самых сложных ударов в арсенале древнего дуэльного культа Пан-Европы. Для него требовалось сделать быстрый и четкий финт, чтобы увести взгляд противника в сторону, после чего нанести второй и последний удар.

— Кто же из нас будет открытым клинком, а кто скрытым? — спросил он.

— Разве не очевидно? — улыбнулся Блистательный и махнул рукой. — Трезубец — открытый клинок. Он притянет к себе взгляд врага, завлечет к себе. А как только тот окажется на зубьях, мы зарубим его скрытым клинком.

— Телепортатор, — понял Байл. На «Кваржазате», как на большинстве высокомоощных кораблей, был телепортариум и хор рабов-псайкеров, чтобы направлять тех, кто осмелится им воспользоваться. Древняя технология нередко отказывалась работать

или, что еще хуже, отправляла людей в твердое вещество, даже если у тех был телепортационный маячок. — Рискованная затея.

— Что за жизнь без риска? — ответил Блистательный и коснулся изображения, увеличивая часть рукотворного мира. — Мы в крайне невыгодном положении по части тяжелого вооружения и транспорта... Но кое-что у нас еще имеется. Ему найдется достойное применение на этих широких проспектах и так услужливо открытых улицах. — Оторвавшись от карты, он отыскал взглядом одного из своих капитанов, — Фалопсид, твои стальные жеребцы хорошо отдохнули? Ты отправишь свои мотоциклы на эти улицы.

Вперед вышел космодесантник в аляповатой броне. Его распущенные алые волосы обрамляли серебристую маску в виде оскаленной львиной морды, нагрудник скрывался под табардом из грубо сшитой кожи, а из одного оплавленного наплечника выходил острый металлический рог.

— Отдохнули и рвутся в бой, о Блистательнейший. Мы размелем врага в порошок под их шинами.

— Прекрасно, — ответил Блистательный и повернулся к одному особенно огромному ренегату. — Пульхрат, ты и твои разорители будете его прикрывать.

Гигант склонил голову. Его разнородная броня явно пережила бессчетные перепайки и ремонты в боевых условиях. У него было несколько патронташей с боеприпасами для тяжелого болтера, а решетку помятого шлема украшали отстрелянные гильзы.

— Наши орудия не замолчат до тех пор, пока не упадет их последняя башня, о Сияющий, — прорычал он.

— Замечательно. Разрушайте, сколько хотите, убивайте и жгите, пока сам воздух не проломится под весом их криков. Ты будешь левым зубцом. А что касается правого... Мерикс, мой Узник Радости, фланги на тебе. Как захватишь плацдарм, направляйся к центру, — Блистательный взмахнул в сторону рукотворного мира, — Я решил, что тебе и твоим воинам должна достаться честь сопровождать Древнего Диомата и его товарищей на битву.

Мерикс издал сдавленный звук.

— Я... недостоин такой чести, милорд. Я буду счастлив уступить...

Он огляделся по сторонам, но стоявшие рядом с ним воины уже отодвинулись подальше.

— Ах, я настаиваю, — широко улыбнулся Блистательный, — Не можем же мы лишить их радостей боя. Молитвы наших адептов уже пробудили их от алых снов, и они изнывают от нетерпения в своих амниотических саркофагах. Оружие им уже заряжают, и свежая кровь скоро омоет их кулаки. Ты же не хочешь их разочаровать?

— Нет, милорд.

— Я так и думал. Твоя преданность похвальна, Мерикс. — Рассмеявшись, он продолжил: — Просто не вставай у них на пути, и с тобой все будет в порядке.

Затем он перевел взгляд на гиганта Лидония.

— Благословенный Лидоний, ты и хитроумный Никола поддержите центральный зубец. С вами отправятся Рамос и его какофоны, — Он взглянул на шумодесантника, и тот склонил голову. — Уверен, вместе вы поднимете прекрасный шум, возвещая мое скорое прибытие.

Махнув рукой Гулосу, он продолжил:

— Гулос, брат мой, тебе принадлежит честь возглавить авангард. Ты будешь командовать центральной иглой моего трезубца. Первая кровь будет твоей. Ты доволен?

— Да, Блистательнейший из королей, — ответил Гулос и неприятно улыбнулся Олеандру, — А мой брат присоединится ко мне или останется здесь, в тылу?

— Я буду там, — сказал Олеандр, — И я не буду один, да, Цимисхий?

Железный Воин кивнул и похлопал по силовому топору, который держал на сгибе руки.

— Мне кажется, один воин большой роли не сыграет, — осторожно заметил Блистательный, — Даже такой доблестный. Там не будет времени строить стены, брат. Или ты из тех, кто предпочитает их ломать?

— У Цимисхия есть манипула боевых автоматов. Их можно использовать в качестве подкрепления в первой волне, и тогда твоим людям не придется умирать зря, — сказал Байл, — А враг благодаря

им не мешает установке телепортационного маяка.

— И ты не планируешь использовать эти машины в собственной миссии, главный аптекарий?

— Я решил пожертвовать ими, потому что это необходимо, — ответил Байл.

Мерикс сжал и разжал кулак протеза.

— У ксеносов тоже есть боевые машины.

— Но чтобы вывести их, врагу потребуется время, которого мы им не оставим, — сказал Блистательный, разглядывая гололитическое изображение, — Скорость — наш важный союзник в этом предприятии. Отряды поддержки будут высажены вокруг главных артерий рукотворного мира. Я не надеюсь на скоординированную атаку, но буду очень благодарен вам, братья, если вы хотя бы постараетесь действовать согласованно.

Окружающие опять рассмеялись. Байл нахмурился. Блистательный, похоже, не сильно волновался, но нескоординированность могла привести к катастрофе. Элемент внезапности был исчерпаемым ресурсом. Как только эльдары перегруппируются, они контратакуют — и тогда Блистательный потеряет все, что успеет завоевать.

Но воинов Третьего это, похоже, больше не волновало. Оглядевшись по сторонам, Байл увидел в лицах командиров только алчность и нетерпение. Раньше они дискутировали бы до последнего, пытаясь найти идеальную стратегию для победы, — теперь же им хватало лишь обещания резни. Целью стал сам бой, а не победа в нем. Он заметил, что Олеандр смотрит на него. Второй аптекарий понимающе кивнул. Байл отвел взгляд.

Блистательный повернулся к Гулосу.

— Надеюсь, ты понимаешь свою задачу?

— Мы должны их отвлечь, — сказал Гулос.

— Верно, — ответил Блистательный, — Ты — открытый клинок. Ты будешь занимать их внимание, пока не придет время для смертельного удара. Не подведи меня, Гулос. Если я не заполучу души эльдаров, то придется довольствоваться твоей.

— Ты будешь сопровождать вторую волну? — спросил Байл. —

Или почтишь нас своим присутствием уже в начале?

— Я буду играть роль скрытого клинка, — ответил Блистательный, — Как только основные силы эльдарской обороны сосредоточатся на центральной игле трезубца, вы активируете телепортационный маяк, и я выйду на сцену с подобающей моменту пышностью.

— Я так и думал, — проворчал Байл.

— А я? — спросила Савона. Она протеснилась через толпу, нетерпеливо подергивая раздвоенным языком. — Где буду я? Я удостоюсь чести сражаться рядом с вами, о Блистательнейший?

— Если бы, дитя мое, — ответил Блистательный, глядя ее по щеке. — Но для тебя есть более важное задание, дорогая. Ты будешь сопровождать главного аптекаря во время его миссии.

Она открыла рот, собираясь возразить, но он схватил ее за челюсть.

— Тихо. Такова моя воля. Дорогой Фабий, тебе слово.

Блистательный вытянул руку и отступил. Савона отшатнулась, когда он ее отпустил, и вытерла рот. Байл проигнорировал их обоих.

Он ожидал, что Блистательный пошлет с ним кого-нибудь из своих шавок. Неважно какую. Итог будет одинаков. Если они начнут мешать, он от них избавится. Он никому не позволит встать у себя на пути. Ни эль-дарам, ни воинам собственного легиона. Сам Слаанеш его не остановит.

— Арриан, Саккара, вы оба будете меня сопровождать. Наша цель — стыковочная башня, находится здесь. — Он коснулся изображения, увеличивая резкость, — Близо к нашей цели, но достаточно далеко от основных путей. «Сорокопут» сам себя защитит, если потребуется, и небольшого отряда должно хватить, чтобы отбить любые попытки вернуть ангар. Аналогичные меры следует принять на других стыковочных башнях, если возможно. Впрочем, основное внимание врага будет сосредоточено здесь, у центральной точки входа.

Савона зарычала:

— То есть я пропущу самые славные бои?

— Если хочешь славы, ты ее получишь, — ответил Байл. — Я

собираюсь атаковать эльдаров там, где это нанесет значительный урон и где сопротивление будет наибольшим. Как прибудем, умирай во имя Слаанеш когда тебе заблагорассудится, только моей работе не мешай, — Савона зашипела и потянулась за молотом. Байл не глядя вытащил игольник и нацелился на нее, — Или можешь умереть прямо сейчас. Решай сама.

Пауза затянулась. Блистательный усмехнулся:

— Савона, дорогая, тебе лучше уступить. Фабий всегда был великолепным полемиком.

Савона прищурилась и отошла. Байл довольно хмыкнул, убрал пистолет в кобуру и взглянул на Саккару.

— После первого прорыва Саккара впустит нерожденных. Они заполнят верхние уровни рукотворного мира и погрузят их в хаос, тем самым расчистив нам путь и снизив нагрузку на трезубец.

— Ты разговаривал с ними? С нерожденными? — спросил Блистательный, глядя на Саккару.

Несущий Слово улыбнулся.

— Да. Они говорят, что с нетерпением ждут грядущих удовольствий, — ответил он. Он стоял в окружении демонеток Блистательного, которые шипели и гладили символы на его броне. Несколько воинов глядели на него с нескрываемой завистью, — Вместе с нами по полю бесчисленных звезд идет великая армия из лучших воинов Повелителя Удовольствий. Гром их барабанов отдается в моей душе, — Он поклонился Блистательному, — Их влекут ваши мечты, милорд, и они хотят собственными глазами увидеть ваш апофеоз.

— Да, — отозвался Блистательный, — Конечно хотят. И скоро я буду ходить по бесконечным полям убийств и удовольствий вместе с ними, — Он закрыл глаза и улыбнулся. — Когда солнце Лугганата погаснет, я восплаю и займу его место в небе. — Открыв глаза, он отыскал взглядом Байла, — И за это я должен поблагодарить тебя, брат.

Байл покосился на Блистательного.

— Наслаждайся своим апофеозом сам, Касперос. У меня будут дела поважнее.

Глава 16

Оковы и цепи

Время шло быстрее, чем ожидал Олеандр. Но и дел ведь было немало. Следовало раздать оружие, определить командиров. На верхних палубах стоял грохот от драк, в которых чемпионы различных отрядов выясняли, кому достанется право пролить первую кровь. Коридоры и транзитные тоннели же захватили варварские празднества: экипаж кутил, отмечая предстоящее кровопролитие, и по всему «Кваржазату» разносились странные мелодии и пронзительные крики, а вентиляция едва справлялась с приторным дымом благовоний.

Олеандр не участвовал в веселье. Он спустился на взлетную палубу, чтобы понаблюдать, как готовят к запуску немногочисленные «Когти ужаса».

И эти массивные штурмовые модули, и более крупные «Харибды» позаимствовали с погибших кораблей еще во времена легионерских войн. В отличие от более распространенных абордажных торпед, «Когти ужаса» умели не только прогрызать корпуса вражеских кораблей своими клыкастыми пастями, но и взлетать после этого. Кроме того, они были снабжены разнообразным оборонительным вооружением и могли играть роль мобильных крепостей. Честь десантироваться в них достанется лишь победителям жестоких дуэлей, которые в данный момент шли по всему кораблю.

Помимо «Когтей ужаса», на взлетной палубе готовили к бою несколько едва живых таранных «Цестов» и по крайней мере один десантно-штурмовой «Небесный дрот». Однако большая часть Двенадцатой роты отправится к рукотворному миру на подходящих к концу абордажных торпедах — громоздких буровых транспортниках, почти целиком состоящих из брони и двигателей и ужасно запущенных — как все на этом корабле, что не было холодным или огнестрельным оружием. В них помещалось по одному отделению, и именно они повезут большинство из тех, кто не добудет себе место на одном из «Когтей страха». Зная своих братьев, Олеандр не сомневался, что почти все торпеды выпустят слишком рано или слишком поздно. Может, те, кто выживет после неудачных запусков,

даже доберутся до поля боя. Или нет — как богам будет угодно.

— Как богам будет угодно, — пробормотал он под нос. Это было скорее утверждение, а не молитва. Им по-настоящему повезет, если боги не будут обращать на них внимания до самого конца. Впрочем, наивно было на это надеяться, когда в дело был замешан Фабий Байл.

Олеандр еще немного постоял, наблюдая за звероподобными мутантами в разрозненной панцирной броне и ярких тряпках, которые дрались за право сопровождать своих равнодушных хозяев в бой. Звери ревели, обмениваясь вульгарными угрозами, и сталкивались рогатыми головами с грохотом, похожим на звук выстрела из болт-автомата.

Позади дерущихся зверей он заметил боевых автоматов Цимисхия. Сам Цимисхий, стоя в полусогнутом положении, осматривал напоследок одного из них. Пятерка машин, примагниченных в центре десантной капсулы, вступит в бой в составе первой волны сразу после приземления и, с неумолимой эффективностью уничтожая все в зоне высадки, поможет Детям Императора захватить и удержать территорию.

Поднявшись в десантную капсулу, Олеандр провел пальцами по суставам массивного «Кастеллакса». Внутри металлического корпуса что-то тихо зарычало. Когда он подошел поближе, Цимисхий посмотрел на него.

— Час битвы приближается, брат.

Цимисхий продолжал безучастно смотреть на него. Олеандр вдруг осознал, что никогда не видел лицо апотекария. За все годы знакомства с Железным Воином тот ни разу не снимал шлем. Олеандру оставалось лишь гадать, что находится под этим стальным оскалом. И находится ли что-либо вообще.

— Почему? — вдруг спросил Олеандр. — Почему ты поддержал меня там, в аудитории на Уруме?

Цимисхий молчал. Его можно было принять за статую.

Тишина затянулась. Цимисхий вернулся к работе, оставив Олеандра стоять и злиться. Отсутствие ответов раздражало. Ему хотелось затрясти Железного Воина, сорвать с него шлем, закричать. Но он почему-то был уверен, что даже тогда не получит ответа.

— Не трать время, брат.

Олеандр обернулся. Позади стоял Арриан с отремонтированной болт-пушкой в руках.

— Знаешь, а ведь ты похож на Саккару куда больше, чем признаешь, — сказал Пожиратель Миров, — Ты как та птица с горой. Клюешь, клюешь потихоньку. Пытаешься заполучить то, что никогда не будет твоим, — Он заглянул за спину Олеандра, — Брат, Игоря закончила ремонт. Теперь она стреляет.

Цимисхий махнул рукой, подзывая Арриана к себе, но Олеандр с хмурым видом уперся рукой ему в грудь, не пуская вперед.

— О чем ты?

Арриан опустил взгляд, затем поднял его обратно на Олеандра.

— Помнишь, ты однажды спросил у меня, как я могу оставаться преданным после стольких лет?

— Ты так и не ответил, — сказал Олеандр, убирая руку.

— Верно. Потому что ты все равно бы не понял, — ответил Арриан и с насмешливой фамильярностью похлопал его по плечу. — Узы братства определяются не только кровью. Я понял это на Скалатраксе.

Олеандр отдернул его руку.

— Скалатракс всем нам преподавал множество уроков.

— Но не одних и тех же, как мне кажется, — Арриан наклонился к нему, и на покрытом шрамами лице возникла ухмылка, — Иначе бы ты от нас не ушел.

— Я вернулся.

— Может, нам надо было парад устроить? — Арриан поставил болт-пушку на пол, — Ты ушел, потому что тебе что-то было надо. Ты вернулся, потому что тебе что-то надо. Что ты сделаешь на этот раз, если не получишь своего? — Олеандр опустил руку к мечу. Арриан улыбнулся: — Я так и думал.

— Надеюсь, не помешал?

Олеандр обернулся. Позади стоял, наблюдая за ними, Блистательный со свитой мутантов и изуродованных машиножрецов, которые освящали его силовую броню. Вокруг стояли на коленях рабы в темно-фиолетовых рясах и масках из колючей проволоки и

ржавого металла, тихо декламируя «Песни Кемоса» — священный текст, написанный в последние часы планеты.

— Олеандр. Отойдем на минуту, — лениво махнул рукой Блистательный.

— Твой хозяин зовет, — бросил Арриан. Олеандр помедлил, не убирая руку с меча, но затем отвернулся и направился к Блистательному. Тот до сих пор держал меч на сгибе руки, но избавился от плаща и демонеток. Щебечущие машиножрецы с плазменными резаками выжигали на его броне символы, посвященные Слаанеш, но по его знаку прекратили. Мутанты и жрецы разбежались в стороны, оставляя их наедине.

— Раздор в рядах, — заметил Блистательный.

— Всего лишь разница мнений, милорд, — ответил Олеандр.

— А, помню такое. Но спорить из-за разниц во мнениях — пустая трата времени, — рассмеялся Блистательный, — Именно поэтому я столько лейтенантов отправил в отставку после битвы при Граде Песнопений.

— Смелое решение, милорд.

Блистательный кивнул:

— Именно так. Знаешь, как называется этот меч, Олеандр? — спросил он, поднимая силовой меч в ножнах. — Кобелески. Он назван в честь своего первого владельца, тирана времен Древней Ночи. Сам Фулгрим подарил его мне после приведения к Согласию Пятьдесят семь Пятнадцать. Ты был там?

— Нет, милорд. Это было почти ровно за век до меня.

— Тебе бы понравилось. Кровавая была кампания. Кобелески — хороший меч. Он помог мне пройти бессчетное количество войн. Полезный инструмент. Как и ты. И несмотря на всю мою привязанность к нему, я легко пожертвую им, если это будет необходимо. Как и тобой.

— Понимаю, — ответил Олеандр.

— Понимаешь ли? Ничто не происходит без моего ведома, Олеандр, — сказал Блистательный. — Я все вижу и все слышу. В конце концов, король должен знать, какие козни строит его двор. — Он улыбнулся, и на мгновение показалось, что из-под его прекрасной

оболочки выглядывает что-то жуткое. — Бедный Мерикс! Он так искренне верит, что ты ему друг. Глупец. А Гулос думает, что ты так же слаб, как Мерикс. Впрочем, он-то никогда умом не отличался. Видимо, слишком часто получал по голове. Это ведь может сказаться на уме, а, аптекарий?

— Может, милорд.

— Для своего поколения ты умен, Олеандр. Куда умнее других. Ты достаточно умен, чтобы понимать, когда проиграл. И все же ты продолжаешь игру. Почему?

Олеандр упорно смотрел в сторону.

— Потому что это доставляет вам радость, о Блистательнейший из королей.

Блистательный схватил его за затылок, но несильно.

— Вот поэтому я люблю тебя больше всех, Олеандр. Очень надеюсь, что ты выживешь в грядущей войне. Даже когда я освобожусь от оков плоти, кузнец плоти мне все равно будет нужен.

— Счастлив слышать это, милорд.

— Я знал, что ты обрадуешься. Правда, я предпочел бы двоих. Какая была бы победа — раз и навсегда подчинить себе главного аптекария Фабия! Эйдолон удавится от зависти, — Блистательный вдруг нахмурился: — Ваш ручной Несущий Слово — не единственный, с кем разговаривают нерожденные. Фрейлины Слаанеш многое мне нашептывают, Олеандр. Они говорят, что это судьба, а не совпадение. Порой я вижу в их танцах обрывки воспоминаний о том, что еще не случилось. Я вижу путь, которым идет твой бывший и будущий хозяин, и Повелителю мрачных наслаждений он не нравится.

— Главный аптекарий Фабий никогда не стремился угождать, — ответил Олеандр и вдруг невольно вспомнил встречу с демоном Канатарой. А что, если предупреждение Фулгрима не было ложью? Не это ли имел в виду Саккара, когда говорил о ножах и алтарях?

— О, я это прекрасно знаю. Но ему следует объяснить, как важно умение опускать голову и преклонять колена. Наши с ним судьбы должны быть связаны, иначе все... Туманно. Неопределенно.

— В неопределенности есть своя прелесть, — сказал Олеандр.

— В определенности ее больше, Олеандр.

— Поэтому вы отправили с ним Савону? — спросил он, — Для большей определенности?

— Разумеется. Она проследит за тем, чтобы он смог вернуться ко мне в целости — более или менее.

— А если он не захочет?

— Мы должны показать ему, что братство — это его путь вперед. Или заставить это увидеть. Метод мне не важен. Я получу свою армию монстров, Олеандр. Я получу свой рукотворный мир и свой апофеоз, как обещал Слаанеш. А Фабий Байл поймет, где его место. Иначе я проломлю ему череп и заставлю тебя съесть его мозг. Его гениальный ум будет служить Третьему — так или иначе, — Его рука больно сжалась на голове Олеандра. — Понятно тебе?

— Я... Да, милорд, — ответил Олеандр, морщась от боли. Арлекины, Фулгрим, Слаанеш — все они хотели подчинить Байла. Приковать его к былому легиону, опутать цепями долга. Но зачем? Он не стал гадать. Это не имело значения. Он выбрал свой путь. Может, если Байл возглавит Двенадцатую роту, ответы сами найдутся.

Блистательный отпустил его.

— Прекрасно. А теперь отправляйся к своему второму повелителю и скажи ему, чтобы он явился ко мне. Я хочу еще раз поговорить с ним перед тем, как мы бросимся в пучину сладостной войны.

— Что не живет, по-настоящему умереть не может, — произнес Байл, — Так говорил какой-то древний бумагомаратель. Простые слова, но верные. Меня нельзя назвать живым, какое определение ни используй, а потому я не могу умереть. Я есть, я держусь, я существую... Но живу ли? Нет. Не больше, чем ты, мой бездумный друг.

Сервитор не ответил. Он занимался своими делами, двигаясь медленно, хотя и эффективно, и только поршни его шипели и щелкали. Немногочисленные участки плоти были изрезаны вульгарными надписями, а металлические конечности были окрашены в кричаще-яркие цвета, но его не беспокоили ни эти

косметические изменения, ни отсутствие механодендритов. Байл смотрел, как дергаются на его боках ржавые обрубки, тщетно пытаясь исполнять свои функции, и, несмотря на все повреждения сервитора, ясно видел, с каким мастерством он когда-то был изготовлен.

Внутри бурлила боль. Одна из лап хирурга вылетела вперед и вонзила ему в шею шприц. Байл с шумом выдохнул — но скорее из-за холодной иглы, а не от боли. Он даже не заметил, когда его начало лихорадить. Должно быть, остаточная инфекция от раны в боку. Сама рана наконец-то затянулась.

Байл мысленно упрекнул себя за посторонние мысли. Режим был фундаментом дисциплины, а дисциплина представляла собой стену, отделяющую живых от мертвых.

Он рассмеялся:

— Ты уж извини, что отвлекаюсь. Я колю себе множество препаратов, чтобы моя туша ковыляла как можно быстрее, — сказал Байл, когда поршень шприца с шипением опустился, — В основном стимуляторы. Остальное — это очистители, разжижители, загустители, различные реагенты.

Он поднял руку. Пальцы едва заметно дрожали, но под его взглядом дрожь унялась. Сжав кулак, он удовлетворенно кивнул.

— Я живу на последнем издыхании. Мои тела поражены скверной. Они гниют, и все, что я из них выращиваю, тоже гниет. Продолжительность их работы сокращается, органы умирают, что было цельным — рушится на части. — Он встал и подошел к краю платформы, — Я воплощаю саму сущность Хаоса, я — воплощенная энтропия. Твоим хозяевам никогда этого не понять.

Сложив руки за спиной, Байл стал наблюдать за рабами, которые далеко внизу готовили «Сорокопута» к полету. Десантно-штурмовой корабль был стар — как и сам Байл, он был ветераном более славной эпохи. И ему, как самому Байлу, еще многое предстояло сделать, прежде чем придет время уходить на покой.

Сервитор за спиной продолжал работать, жужжа бесполезными механодендритами.

— Мы с тобой так похожи... Оба созданы для определенной задачи и оба не можем остановиться, пока эта задача не будет

исполнена, — сказал Байл сервитору, когда тот протопал мимо, — как бы мы ни хотели это изменить.

Он замотал головой, злясь на себя.

— Меланхолия — первый признак умственной дегенерации, — заявил он вслух.

— А привычка говорить с собой — второй?

Байл обернулся. Рядом стоял Олеандр. Одну руку он держал на мече, а выражение лица было напряженным.

— Что тебе, Олеандр?

— Лугганат в пределах видимости. Блистательный хочет поговорить с вами на мостике прежде, чем мы начнем атаку. Я могу проследить за работой тут, если хотите.

— Игори и ее товарищи справятся, — ответил Байл и собирался пройти мимо, когда Олеандр остановил его. Он тут же отдернул руку под взглядом Байла.

— В чем дело, Олеандр? Хватит дергаться, говори. У меня уже терпения не хватает на твои ужимки.

— Мне кажется, терпения у вас куда больше, чем вы показываете.

Байл рассмеялся:

— Пожалуй, тебе повезло.

— Только ли в везении дело? Вы ведь решили помочь мне еще до того цирка в аудитории на Уруме, так ведь? — сказал Олеандр.

Байл покосился на своего бывшего студента.

— Допустим.

— К чему была эта игра?

— А зачем ты солгал, что действуешь по приказу Блистательного? — парировал Байл. Олеандр отвел взгляд в сторону. Байл хмыкнул, — Я вижу тебя насквозь, Олеандр. Ты никогда не был амбициозен, да и теперь амбициозность тебе не к лицу. Апотекарию не пристало тратить время на суетные заботы. Знание должно быть твоей единственной целью.

— А чтобы добывать знание, нужны живые люди. Помощники,

ординарцы, солдаты, — Олеандр взволнованно махнул рукой, — Вы сами меня этому учили. В конце концов, что такое Консорциум, если не ваша личная армия?

— Они — вы — мои студенты.

— Когда вам это нужно. А в остальное время — мальчики на побегушках. Мы для вас — всего лишь инструменты, главный аптекарий Фабий. Материалы. Такие же, как ваши драгоценные glandовые ищейки.

Он собирался добавить еще что-то, когда отсек затрясся от злобного механического воя. Байл обернулся, опуская руку к игольнику.

— Что это было?

— Древний Диомат и его товарищи, — ответил Олеандр.

Между тем толпа рабов поволокла по палубе богато украшенные саркофаги из металла и плоти. Исступленные маньяки внутри них оглушительно ревели и так метались, пытаясь выбраться из гробов, только благодаря которым и были живы, что саркофаги ходили ходуном. Их до самой отправки держали отдельно от бронированных оболочек, чтобы они не устроили побоище раньше времени.

— Блистательный уже несколько десятилетий собирает дредноутов. Коллекционирует их. Они для него — символ могущества, как флот.

— Сколько их?

— Дюжина в различной степени обветшалости. Помните Диомата? Он был с нами на Вальпургии.

— Помню, — тихо отозвался Байл. — Он не хотел примыкать к Хорусу. На Истваане мы заковали его в цепи и бросили в грузовом отсеке. Маленькая шутка Фулгрима.

Олеандр кивнул:

— От него немного осталось. Блистательный не дает ему умереть. Я работал с ним. Он иногда плачет. Выпрашивает смерть, как дитя.

Байл смотрел, как саркофаги втаскивали на абордажную торпеду.

— Героизм легко ломается под весом вечности, — промолвил он.

— Некоторые бы сказали, что он заслуживает лучшего.

— Меня это не касается, — ответил Байл.

— Да, вы говорили.

— Я вижу, что ты чем-то расстроен, — сказал Байл, разглядывая его. — Что тебе нужно, Олеандр? Чтобы я извинился за все, что произошло? Но я едва ли виноват в нынешнем состоянии Галактики.

Олеандр замотал головой:

— Я хочу, чтобы все было как раньше. Когда-то мы были легионом, братьями по оружию и по крови. Мы могли вновь им стать. Вы ведь командовали нами до Града Песнопений. И сейчас можете. Остальные капитаны сами прибегут к вам, как только вы покажете им, что готовы на это. Вы последний...

— Последний что? Последний психически здоровый человек? Последний истинный наследник Фулгрима? — Байл рассмеялся. Он смеялся, пока не заныло в груди, — Олеандр, неужели ты действительно настолько глуп? И как насчет Эйдолона? Или Люция? Они были так же близки к Фулгриму, как я.

— Они погубили себя. Они, Фулгрим и все остальные, — ответил Олеандр. — Они пали жертвой собственных желаний, но вы до сих пор способны думать не только о себе, повелитель. Когда-то я думал, что вы ничем не лучше них, но теперь знаю, что это не так. Вы до сих пор стремитесь к совершенству... С вами во главе Двенадцатая вернет себе былую славу.

Байл уставился на него.

— А что потом? — тихо спросил он. Его не раз посещали такие же мысли. Когда боль отступала и он вновь мог видеть дальше, чем на один шаг вперед, он думал: что будет, если протянет руку и возьмет ждущую его власть? Он мог бы попытаться исцелить весь легион, как когда-то исцелял отдельных воинов. Но это были пустые мечты, и они лишь отвлекали от работы.

— А потом мы вернем Третий. По роте, по банде зараз. Сломаем их, чтобы отстроить заново.

Байл горько рассмеялся:

— Тебя послушать — так все совсем просто! Неужели ты думаешь, что Абаддон позволит Третьему возродиться и стать угрозой для него? А Фулгрим? Нет. Мне нельзя отвлекаться. Нельзя повторять ошибки прошлого. Смотри вперед, Олеандр, а не назад. С прошлым покончено. Забудь его.

Олеандр некоторое время молчал. Затем он произнес:

— Блистательный хочет вас видеть на мостике. Лугганат близко.

Глава 17

Лугганат

На обзорный экран транслировалось с десятков увеличенных изображений «Кваржазата». Каждый показывал корабль под своим углом и небольшую часть чуда по названию Лугганат. Рукотворный мир был огромен.

Это был многометровый левиафан из космических глубин, без труда различимый даже с такого значительного расстояния. Тысячи кораблей поменьше следовали за гигантом из живой психокости или вились возле его стыковочных шпилей. Байл никогда не встречал ничего, что могло бы сравниться с этой межзвездной крепостью.

Он сомневался, что даже в золотую пору легиона удалось бы собрать армию, способную завоевать этот мир. Теперь же затея выглядела практически невозможной. Но Байл держал эти мысли при себе. В конце концов, завоевание не было его целью.

— Какая красота, — заметил Блистательный, поворачиваясь лицом к Байлу, — Существование таких шедевров дает мне надежду на то, что и я могу достичь совершенства.

Он развалился на троне, закинув одну ногу на подлокотник и подперев лицо кулаком.

— Надежда — утешение слабых, — ответил Байл, не сводя глаз с экрана.

— Будь твой язык хлыстом, я мог бы причинять такие восхитительные муки, — проговорил Блистательный. — Твое... изобретение, похоже, работает. Мы еще ни разу к ним так близко не подбирались. Раньше они к этому моменту уже бежали.

— Всегда пожалуйста.

— Я не собираюсь тебя благодарить до того, как это закончится. До того, как Двенадцатая рота водрузит свое знамя на гору из эльдарских трупов, — проговорил Блистательный, лениво махнув рукой, — Из него выйдет отличный флагман, тебе не кажется? Я посвящу Слаанеш каждую из этих изящных арок и уходящих ввысь башен. Блистательный мир для блистательного короля. Я превращу его в мир удовольствий, и наши братья хлынут к нам... О да. Они хлынут к нам, и наши ряды разрастутся. Возможно, я провозглашу себя Императором. Как думаешь, древний труп на золотом троне не будет возражать?

— Я думаю, Эзекиль будет, — ответил Байл, скрестив руки на груди, — Я думаю, Абаддон не замедлит явиться, чтобы бросить в огонь твое знамя — и твои амбиции заодно. Что тогда будешь делать?

— Что мне этот Абаддон? Я — любимец бога. А его все ненавидят, — бросил Блистательный и выпрямился. — Может, стоит забрать себе коготь Хоруса, м? Тебя это обрадует, Фабий? Ведь из крови, которая еще покрывает эти когти, ты вырастишь для меня целый легион монстров — армию, достойную Императора, — Он наклонился вперед, постукивая пальцем по губе. — Тогда ты останешься, брат? Останешься, если я пообещаю тебе, что ты сможешь закончить то, что начал в Граде Песнопений? Уверен, наши братья скажут тебе спасибо, когда всё поймут.

Байл молчал. Его разум бродил по полузабытым тропам, среди воспоминаний о давних поражениях. Он был так близок к цели там, в Граде Песнопений. Ближе, чем когда-либо. Так близок, что четко видел, как всё должно быть. Но его ждала неудача, потому что он тратил силы на попытки починить сломанное вместо того, чтобы создавать что-то новое. Новое и лучшее.

Собравшись с мыслями, он ответил:

— Поэтому ты меня вызвал? Чтобы опять надавать обещаний, которые никогда не сможешь сдержать? А я только начал думать, что ты не безнадежен.

— Нет. Просто мне подумалось, что ты захочешь понаблюдать за кульминацией всего, что ты для меня сделал, — хмуро бросил Блистательный, откидываясь на спинку трона, — Мы превратим их

последние часы в истинный кошмар, и это стало возможным лишь благодаря тебе.

— Поблагодари меня, сделав так, чтобы я успел забрать то, ради чего сюда прилетел.

— О, об этом не волнуйся, Фабий. Я планирую долго здесь пировать. Я же сказал, из него выйдет отличный флагман, — сказал он и хлопнул ладонью по боку трона. — Может, отдам тебе этот, когда он уже не будет мне нужен. Твой такой маленький. А в этом столько интересного. Он идеально подойдет главному кузнецу плоти в моей армии. Видишь? Я не только справедлив, но и добр. Мой титул заслужен, согласен?

Байл рассмеялся:

— У меня уже есть корабль, и он меня вполне устраивает.

— Осторожно, Фабий. Однажды мне надоест получать плевки в ответ на великодушие. Олеандр легкомысленный и ненадежный, но, возможно, ему мое предложение больше понравится. И если я буду вынужден прибегнуть к этому варианту, можешь не сомневаться, что я скормлю ему твой мозг, чтобы твоя гениальность не потерялась.

Байл смерил его взглядом.

— Можешь делать что хочешь, Касперос.

— Что ты ты имеешь в виду?

— Сам догадайся.

Блистательный усмехнулся и встал.

— Открой вокс-канал, — приказал он ближайшему машиножрецу и поднял свой шлем.

Некоторое время он разглядывал его, пробегая пальцами по линиям. Затем громко заговорил:

— Пойте, сыны и дочери наслаждений, пойте, вступая в шторм! Пойте мне о радости и смерти, мои дети, мои братья, мои возлюбленные. Пойте, чтобы сам Слаанеш увидел, какой восхитительный хаос мы сеем для него, — Он надел шлем, и его голос вдруг зазвучал из всех вокс-динамиков на палубе, — Пойте, идя на смерть. Пойте последний гимн Града Песнопений в честь того, кто сделал этот миг возможным.

И они запели. По всему кораблю Дети Императора затянули жуткую рапсодию, заполняя все каналы вокса. Рабы тоже присоединились к исступленным завываниям своих повелителей. Блистательный раскинул руки в стороны и принялся качаться и жестикулировать, как какой-то жуткий дирижер.

— Слышишь их, Фабий? Слышишь, как они любят меня? Мои Узники Радости любят меня не меньше, чем мы любили Фулгрима, — сказал Блистательный, — Вот оно, мое время. Пора выйти на сцену и отвесить последние поклоны. А потом меня ждет еще более великое представление. Нас ждет.

— Мечтай, о чем хочешь, для меня это лишь очередной шаг на пути к морю, Касперос, — ответил Байл.

— Какому морю? Опять ты со своими отсылками? Как это уныло!

— Когда-то мы гордились своими знаниями риторики и афоризмов, — сказал Байл, — Помнишь те замечательные дискуссии, Касперос? Мы до глубокой ночи искали смысл среди словесных полей. Сам Фениксиец присоединялся к нам, и мы перекидывались отсылками до тех пор, пока не всходило солнце, и время слов сменялось временем войны.

Между тем на обзорном экране было видно, как корабли несутся вперед, словно псы, спущенные с поводка. В темноте вспыхивали яркие огни, и «Кваржазат» дрожал, разгоняясь до максимальной скорости, которую экипаж мог выжать из его двигателей.

— Такая печаль у тебя в голосе, брат, — заметил Блистательный, — И это... совсем не так красиво, как можно было бы ожидать. Знаешь, ты ведь мог бы стать величайшим из нас. Но ты сломан и несовершенен. Унылая печаль для унылого существа.

Он отвернулся и выкрикнул экипажу мостика последние несколько приказов. Над палубой разнесся грубый металлический голос.

«Контакт через десять... Девять... Восемь...»

— Унылая? Возможно. Но она моя, и я берегу ее, — тихо ответил Байл, чтобы его не услышали. Стремление к совершенству привело его сюда. Лучше б он продолжал печалиться.

Он некоторое время наблюдал за экипажем на своих постах и

слушал их нервную болтовню. Эльдары атакуют их, как только увидят. Но к тому моменту будет поздно. Байл отстраненно прикинул, сколько Элиану осталось. Немного, но шумодесантника это явно не беспокоило. Байлу оставалось лишь гадать, каково это — осуществить мечту всей жизни.

Блистательный обернулся.

— В чем дело? Почему ты еще здесь, главный аптекарий? Разве тебе не надо готовиться к славному бою в мою честь? Не волнуйся, Савона проследит, чтобы с тобой ничего не случилось. Я не хочу, чтобы ты пропустил мой триумф.

Байл низко поклонился и отвернулся. Когда он уже уходил, Блистательный добавил:

— Не забывай, Фабий... Если ты меня разочаруешь, я лично прослежу, чтобы твой злобный мозг со всеми его темными знаниями либо развеяли по космическому ветру, либо передали кому-нибудь более услужливому. Я устал от этого мира и хочу уже увидеть другой. И если для этого потребуется переступить через твой труп, я это сделаю.

В реакторном зале «Кваржазата» Элиан Пакрит, бывший сержант Девятой роты, почувствовал тяжесть приближающегося момента и понял, что скоро умрет. Каждая клетка его тела горела диким огнем от песни Слаанеш, которая билась в теле, пытаясь вырваться, и он трясся, потеряв контроль над собой. Кабели давно вылетели из гнезд и хлестали вокруг, а оставшиеся вокс-динамики испускали диссонирующий шум. Вокруг валялись еще подергивающиеся тела машиножрецов, чьи мозги вскипели от силы его голоса. Он и себе сжег все внутренности дотла. Но песня продолжала стучать в голове, сердце и душе, а тело продолжало жить. Оно не умрет, пока ему еще было что предложить.

Он отдался песне добровольно и даже радостно. С тех пор, как он впервые услышал ее на каком-то давно забытом поле боя, он мечтал лишь о том, чтобы стать с ней одним целым. Где это было, на Истваане? Он не помнил. Память ничего не хранила подолгу, эмоции притупились, от них остались лишь осколки. Всякий раз, когда он обращался к воспоминаниям, видел лишь обрывки чего-то ужасного и прекрасного. Только песнь имела значение.

Никогда еще Элиан не чувствовал себя так одиноко, как сейчас,

под светом звезд. Вокруг него танцевали демонические силуэты, изящные и притягательные, но он едва замечал их. Фрейлины Слаанеш следовали своей природе, летя на его пение, как мотыльки на огонь, и вскоре целые сотни плыли по залу, распевая вместе с ним. Ему казалось, что воздух переливается всеми цветами, что он кристально чист, что он сияет, как солнце, обращается в пляж из золотых зубов и в море темного вина. Лампы горели так, что жгло глаза, а звуки пульсировали в гипнотическом ритме, подчиняясь темпу его голоса. Стена перед ним была гигантской пастью, и она говорила что-то, но поврежденные барабанные перепонки ничего не улавливали. На фоне пасти чернело пятно. Пятно было миром, который ослепила его песнь. Он ясно видел его через пропавшие стены корабля. Сенсоры «Кваржазата» были его глазами, вокс был его голосом.

Элиана ждала достойная смерть. Он превратился в чистый шум и ярость, пока еще запертый в распадающейся оболочке, и смотрел перед собой, уговаривая себя продержаться еще немного. Он хотел, чтобы эль-дары услышали его во всем его величии, чтобы его партия пронеслась над ними прежде, чем ее унесет космический ветер. Пятно разрасталось, уродуя совершенную негармоничность имматериума.

Рукотворный мир был так огромен, что мог двигаться лишь с досветовой скоростью. Его окружал флот из кораблей поменьше, которые жались к нему, как косяки рыб к тени левиафана. Мир населяли миллионы, и совсем скоро эти миллионы услышат зов Слаанеш. Его братья поднимут свои инструменты и двинутся вперед, неся песнь к самому сердцу вражеского мира. Они заставят самую психокость рыдать от ее красоты и обучат безбожных эльдаров новым способам кричать, наслаждаться и убивать.

Они освободят ксеносов от оков и откроют им вечный мир чудес и славы. Не обращая внимания на спазмы в спине и ногах, Элиан выпрямился, раскинул руки в стороны и собрался с последними силами. Его партия подходила к концу, но сама песнь никогда не умрет. И после его смерти она будет литься вперед, набирая силу. Она накроет всю Галактику — и тогда все познают божественный восторг, который дарила любовь Слаанеш.

Рукотворный мир приближался. Элиан чувствовал пульсацию вокс-частот флота и нетерпение «Кваржазата», завидевшего добычу.

Корабль трясся, как пес на охоте, а его двигатели оглушительно пыхтели. Небольшие рейдерские и поисково-ударные корабли вырывались вперед, нарушая построение и уходя туда, где их не доставала его песнь, где их не касались подсоединенные к нему разумы еще живых смертных. Они погибнут первыми, эгоистично забрав себе смерти, которые предназначались куда лучшим воинам. Но он не мог винить их за излишнюю рьяность. Когда-то он вполне мог поступить так же.

Он протянул руки, словно мог схватить далекий корабль, и замки на броне в конце концов не выдержали. Раскалывающийся череп усиливал все звуки до грома. Главный аптекарий наделил его огромной силой, и не раз. Мозг, пронизанный нечеловеческой плотью, вскипал, и он слышал голоса псайкеров и ведьм, которым она раньше принадлежала. Он слышал крики, с которыми они отдавали свои силы его песне, обращаясь в прах на ветру музыки. Элиан заставил их петь вместе с ним.

Его песнь расколола космос, сложила вдвое и скрутила, открывая путь «Кваржазату», за которым следовал остальной флот. Он чувствовал, как задрожал корпус, когда выдвинулись орудия. Он слышал, как воют сирены, как возбужденно кричат члены экипажа на своих постах.

Он слышал пение.

Внутри разгоралась боль. Его голос слабел. Теперь он остался по-настоящему один, и уже ничто не могло его спасти. Броня сползала с распадающихся конечностей, разваливающегося туловища, раскалывающейся головы. Демонетки растворялись в воздухе, напоследок проводя когтями по его броне со сладостной горечью прощания. Или, возможно, желая показать ему, что он прожил достойную жизнь и спел достойную песнь.

Война началась, и Элиан Пакрит, бывший сержант Девятой роты, рассыпался в пыль. Но песнь разрушения продолжала катиться вперед, становясь только сильнее.

— Олеандр, ты помнишь Кемос? — спросил Гулос, когда зазвенели датчики сближения и воины, которым не терпелось отправиться на войну, бросились к своим десантным капсулам. По ангару разносился монотонный рокот от выстрелов, тщетно бьющих в щиты «Кваржазата». Пока тщетно. Они уже выходили на орбиту

рукотворного мира, а когда это случится, на флот со всех сторон набросятся тысячи неуловимых истребителей и один очень большой корабль. Пустотные щиты быстро спадут под напором плазмы. Олеандр был почти рад, что отправлялся в первой волне.

— Я родился на Терре, — ответил Олеандр, рефлекторно проверяя свое снаряжение. Все было в порядке — к сожалению. Он был бы не против отвлечься. Десантирование ему никогда не нравилось: слишком большой риск, слишком мало контроля.

— До Фулгрима Кемос был больным миром, — сказал Гулос, — Примарх его исцелил, но вскоре тот опять заболел. Совсем как Двенадцатая. Ее исцелю я. — Он махнул рукой в сторону десантного модуля. — Вперед, аптекарий. Нам еще скальпы собирать.

Внутри уже сидело отделение Детей Императора, опустивших фиксаторы и радостно обсуждающих предстоящую резню. Один тихо пел, другой развлекался, простым ножом вырезая на руке странные символы. Возбуждение было осязаемым.

Абордаж был кровавым предприятием, но сейчас он будет больше похож на планетарную высадку. Рукотворный мир был так огромен, что его сложно было захватить, как корабль, даже если бы у Двенадцатой была полноценная армия, а не полуорганизованная толпа. Сложно, но возможно... Едва. Если им удастся активировать телепортационный маяк в нужный момент, если Саккара сделает то, что обещал, если остальные капитаны будут следовать приказам Блистательного, а не своим прихотям... Если, если, если. Надежда была слабой. Но она была.

Разумеется, все это перестанет иметь значение, если их просто расстреляют на подлете к цели.

— Мы так давно не воевали вместе, брат, — сказал Олеандр, проверяя ремни фиксаторов. — Тебе тоже этого не хватало?

Цимисхий пожал плечами. Затем постучал пальцами по нагруднику, и Олеандр засмеялся. Сидящий напротив Гулос недовольно уставился на них.

— Что он сказал? — спросил он.

— В переводе не так хорошо звучит.

— Не сомневаюсь, — ответил Гулос, подозрительно скривив идеальные черты, — Но ты все равно скажи.

— Он сказал, что рад опять отправиться на войну вместе с братьями, — сказал Олеандр, откидываясь назад, — И я не могу сказать, что не согласен. Меня пьянит мысль о том, что я скоро буду сражаться рядом с людьми одной крови и души.

— Я тронут. То есть ты считаешь нас братьями?

— Да, — Гулос продолжал смотреть на него, — Мы братья, Гулос. Даже теперь. Даже после всего, что было... Мы по-прежнему братья. — Олеандр взмахнул рукой. — Град Песнопений стал последним ударом. Смерть от тысячи порезов началась задолго до него... Скалатракс, Гнозис, сотни других сражений по всему Оку. Но Град... И копье Абаддона... Именно мы перестали быть силой и превратились в воспоминание. Те немногие узы, что еще были, оборвались, и мы оказались на страшной, жуткой свободе.

Все молчали. Взгляды, которые столько лет были направлены на внутренние бездны желаний, теперь сосредоточились на нем одном. Олеандр прокашлялся.

— В небольших дозах свобода — замечательная штука. Но когда ее слишком много, она начинает душить. Сводить с ума. А безумие без цели — пустая трата сил. У нас нет никаких целей, ничего, кроме удовольствия, а потому мы тоже тратим силы впустую.

— Тогда зачем ты здесь? — тихо спросил Гулос. В кои-то веки в его голосе не было ни вызова, ни надменности. Только любопытство.

— Чтобы спасти то, что от нас еще осталось. Блистательный огнем и кровью удержал Двенадцатую от распада, и я не допущу, чтобы она погибла теперь, на рифах желаний. Я сделаю все, чтобы спасти ее. А вместе с ней — и весь Третий легион. Если для этого нужно посадить на трон нового короля, я готов.

Гулос откинулся на спинку кресла. Глаза у него блеснули.

— А ты гораздо сложнее, чем я думал. Не знал, что ты идеалист.

— Настоящий аптекарий умеет забывать о своих желаниях во благо подопечных. И иногда приходится прибегать к экстраординарным мерам. Я не собираюсь сдаваться.

Цимисхий коснулся кулаком наплечника, то ли предостерегая, то ли соглашаясь. Завыли сирены. Отсек торпеды залило кроваво-красным цветом.

— Тем более без боя, — закончил он, когда их выбросили навстречу буре.

Глава 18

Первый удар

Битва началась со светом и яростью, но без звука. Носовые батареи стреляли сверкающими копьями, и неосмотрительные корабли разлетались на горящие куски, но остальной флот Блистательного продолжал нестись к жертве без какого-либо порядка и построения.

Со смертью Элиана Лугганат вострепнулся, увидев опасность. Его оборонительные системы активировались, хотя из-за остаточного эффекта психических миазмов произошло это не сразу. Корабли, до сих пор укрывавшиеся в его тени, вдруг развернулись и устремились к наступающему флоту, разрывая тьму вспышками орудий. Без сомнения, часть из них хотела скрыться. Остальные бросились в бой добровольно. Результат в обоих случаях был одинаков.

Истребители встречали друг друга в пустоте между гигантскими кораблями и вступали в медленную, торжественную схватку, обращая пространство в море раскаленной смерти. Тишина вибрировала от столкновений фрегатов и предсмертных криков не выдерживающих перегрузок крейсеров, у которых отказывали пустотные щиты. Реакторы взрывались, порождая новые звезды, и множество мелких кораблей становились жертвами их родильных мук. Поврежденные корабли падали по совершенно невероятной траектории.

«Кваржазат» не обращал на них внимания и продолжал вести флот за собой, покачиваясь на поле звезд, словно гигантский космический змей. Все его орудия безостановочно полыхали, не разбираясь, где враг, а где друг, и за монстром, который скользил к добыче, распахнув километровые челюсти, тянулся длинный хвост обломков.

Укрепленные бастионы на боках Лугганата очнулись, и оборонительные турели громко заговорили. «Кваржазата» встретила стена плазмы, но он пробился сквозь нее, пусть и лишившись части пустотных щитов, и орудия, которых хватило бы на целый город,

продолжили гимн разрушению.

«Сорокопут» укрылся за крейсером и, следуя по течению войны, пока избегал столкновений. Прислонившись к трясущейся переборке, Байл изучал вид-экраны, на которых мелькали изображения бушующей снаружи битвы. По запутанности она не уступала большинству подобных сражений. Корабли поднимались и опускались под странными углами, вставая на траектории перехвата или преследования. Эскорты и истребители кружились в тесных объятиях, ведя бои, совсем не похожие на столкновения их крупных товарищей.

Глаза резанула вспышка, и по экрану побежали идентификационные руны.

— «Ловкий язык», — сообщил он, хотя никто не спрашивал. — Как видно, не такой уж и ловкий.

— Надо было сесть в десантную капсулу, — прорычала Савона. Она была бледнее обычного, а ее воины неуютно елозили в фиксирующих креслах, недовольно поглядывая на Игоря и ее стаю, которые сидели в другом конце отсека и отвечали им настороженными и злыми взглядами — наподобие тех, каким кошки смотрят на необычайно больших крыс.

Астартес-ренегатов было тридцать, и каждый стоил армии. Их шлемы были отмечены черным отпечатком копыта — символом преданности госпоже Спирального Огня, — а вооружены они были разнообразными мечами, вибротопорами, силовыми топорами и клинками из заточенных костей неведомых ксеносов. Они были ее чемпионами, сильнейшими из ее воинов. Несколько он узнал. Оскада, сержант сорок пятой. Беллеф из шестьдесят седьмой. И другие. Все они сражались под его знаменем в Луперкалиосе и сотнях других битв, пока не случился Град Песнопений.

Байлу стало интересно, кем была Савона до службы Касперосу и как сумела возглавить банду Третьего легиона. Смертный, командующий трансчеловеческими воинами, был редким явлением. Особенно когда воины были ветеранами.

Он покосился на Игоря. Гландовая ищейка ответила ему спокойным взглядом. Рядом сидели двадцать ее братьев и сестер, переполненные боевыми стимуляторами и наркотиками его собственного изобретения. Они были экипированы лучшими броней

и оружием, какие он только мог достать, и были вполне способны постоять за себя в бою с не уступающим по численности противником.

Помимо них он взял трех значительно модифицированных боевых сервиторов. Лоботомированные тела были закованы в тяжелую броню и вооружены наспинным механизмом наподобие его хирурга. Многочисленные многосуставчатые конечности оканчивались разнообразным оружием: огнеметами, плазменными резаками, костяными пилами и так далее, а в передней части бронированного корпуса были встроены массивные комби-болтеры. Они таились в своих противоударных альковах, как пауки, ожидая его приказов.

Корабль тряхнуло, и Байл поморщился, касаясь рукой бока. Рана до сих пор болела, напоминая, что в следующий раз следует быть быстрее. Он проверил свои жизненные показатели и остался недоволен, увидев, что несколько второстепенных органов находятся на грани отказа. Работе это не мешает, но они были очередным подтверждением его изношенности. Скоро тело надо будет заменить. Извлечь его сознание из старой головы и поместить его в новую, чтобы этот удручающе короткий танец мог начаться снова. Если только он не одержит здесь победу. В этом случае враг под именем Время будет повержен навсегда.

— Может, мне сделать собственный камень души, хм? — сказал он.

— Главный аптекарь? — удивился Арриан.

— Просто мысли вслух, Арриан.

На экране опять замелькали вспышки. Им удалось застать эльдаров врасплох, как он и рассчитывал, но они уже всерьез давали отпор. Вскоре они начнут действовать по стратегии. Если Блистательный не нанесет смертельный удар быстро, наступление затухнет, а его флот рассеется. С дисциплиной в эти темные времена было туго.

— Вам незачем было отправляться с нами. Вы могли бы подождать на «Везалии», — сказал Арриан. В его голосе слышалось что-то, подозрительно похожее на беспокойство, — Ваш организм...

— Мой организм функционирует. Этого достаточно, — ответил Байл, продолжая наблюдать за ходом боя на экранах. Еще одна

вспышка — еще одна тысяча душ с криком отправилась на встречу с безмолвной смертью, — Когда ты не в эпицентре, все это выглядит даже поэтично, — заметил он.

Савона уставилась на него.

— Что ты несешь, Свежеватель?

Ее воины заерзали, готовые сорваться с мест по ее приказу. Байл прищурился, окидывая ее взглядом. Возможно, с явной угрозой стоило разобраться пораньше. Он, в отличие от Олеандра, терпеть не мог игры во взаимные угрозы.

— Придержи язык, — ответил он, выбрав мягкий тон голоса, но многозначительно подняв посох. Савона улыбнулась, демонстрируя клыки, и попыталась встать, но не смогла поднять фиксаторы. Ее воины тоже не могли выбраться. Один попытался поднять оружие, но Арриан тут же оказался рядом и прижал один из фальксов к его горлу. По команде Байла боевые сервиторы развернулись, не покидая альковов, и нацелились на закованных Детей Императора.

— Братья, успокойтесь, — сказал Пожиратель Миров. — Или умрете. Мне-то все равно.

Игори выскользнула из фиксаторов и приставила к голове Савоны сюрикеновый пистолет, добытый на Грандиозной.

— Что все это значит? — прорычала Савона.

— Неужели ты думаешь, что вы здесь первые непрошенные гости? — спросил Байл, многозначительно указывая на кресла. — У тебя, подозреваю, геносемени нет. Но что-нибудь ценное наверняка найдется. — Он смерил ее взглядом, — Блистательный отправил тебя со мной, чтобы ты меня сторожила. Но я не допущу, чтобы меня сторожили, изводили или торопили.

— При чем тут я? — процедила она, — Может, он и хочет тебя уберечь, но я-то ничего об этом Не знаю и узнавать никогда не собиралась.

— Ничего?

— Ничего, — ответила она, злобно смотря на него.

— То есть ты не будешь мне мешать?

— Нет.

Байл кивнул:

— Что ж, я рад, что мы разрешили этот вопрос. Теперь мне не надо проламывать тебе череп и лгать потом, что это сделали эльдары. Не люблю лишнюю работу, — Он подал знак, и его подчиненные вернулись на свои места, — Я хочу лишь заполучить то, ради чего пришел, и это все.

— А потом?

— А потом я улечу, дорогая. Меня не волнует, что ты будешь делать после этого.

Зазвенел датчик движения, и отсек залило светом аварийных ламп. Десантно-штурмовой корабль содрогнулся, взревев двигателями. Они поднимались над «Кваржазатом», покидая пространство боя, но путь вверх не был лишен опасностей. Мимо пролетали десантные капсулы, устремившиеся к куполам и башням рукотворного мира. Многие исчезали в огне, не долетев, но до цели добиралось еще больше.

«Сорокопут» же направлялся к одной из тысяч стыковочных башен, испещряющих верхний уровень мира-корабля. Вблизи его гигантские размеры становилось невозможно отрицать. Он заполнял все экраны и притягивал «Сорокопута» силой своей гравитации. Изящную поверхность покрывали сотни пузырей-куполов, в каждом из которых, должно быть, находился целый город или экосистема, искусно выстроенная в подражание мирам, которые эльдары когда-то называли домом. Каждый пикт и каждый показатель с ауспиков записывался для дальнейшего изучения. Подробная информация о мире-корабле всегда пригодится. Кто данным не знает цены, тому не миновать беды.

«Сорокопут» не был единственным, кто летел наверх. За ним следовали другие корабли: одни побольше, другие поменьше, принадлежащие пиратам, ренегатам и бандам, которые не желали подчиняться прихотям Блистательного. Они прилетели грабить, а не воевать, но если сумеют пробраться внутрь, то невольно помогут отвлечь и разделить силы обороны.

Над головой Байла замигала зеленая лампа.

— Приближаемся. Арриан?

— Да, главный аптекарий. Начинаем вторжение, — ответил

Арриан, нажимая активационную руну на гранате. Люк отсека начал подниматься, а штурмовые пушки корабля заревели, пробивая путь к посадочной платформе. «Сорокопут» с радостным воплем влетел в образованную дыру на башне. Отсек опять трянуло, и фиксаторы поднялись, выпуская всех на свободу.

Савона зарычала, как пантера, и вскочила на копыта, одновременно активируя силовой молот. Ее воины тоже поднялись, вскидывая болтеры и клинки.

— Скорей, пес войны. Мне еще эльдаров убивать и их души поглощать.

Арриан закинул гранату в раскрывающийся люк. Дым от взрыва хлынул обратно в отсек. Вдруг оказавшись в темноте, воины затолкались, выбегая на рампу и посадочную платформу за ней. Болт-автоматы загрохотали, стреляя по теням. Вокруг вопили неестественно пронзительные сирены, и где-то трещал вокс, передавая злые ксеносские крики. Их встретили только трупы.

Савона выкрикивала приказы, указывая направление силовым молотом. Ее воины заняли оборонительные позиции, Арриан же выбежал вперед, по пути доставая вторую гранату. Между посадочной платформой и идущими вниз транзитными тоннелями стояли ворота из гладкого материала, больше похожего на дерево или кость, чем на металл.

— Заперто, — крикнул он через плечо.

— Я их открою, — заявил Байл, выходя на рампу, и начал спускаться, похлопывая по игольнику в кобуре и крепче сжимая посох Мучений. Боевые сервиторы следовали за ним, а glandовые ищейки, напряженные от нетерпения, построились вокруг. Приблизившись к воротам, он взял посох обеими руками, чувствуя, как внутри оружия гудит зловещая, жадная энергия. Посох не мог дожждаться, когда им воспользуются. Когда им начнут раз за разом бить по голой плоти и хрупким костям. При этой мысли в тело хлынули боевые стимуляторы, добавляя к шуму в голове свой причудливый гул.

Хотя посох в основном служил усилителем боли, он также мог раскалывать металл, словно стекло. Собравшись с силами, Байл ударил. Дверь прогнулась с почти человеческим криком, а отдельные куски покатались по уходящему вниз коридору. Не дожидаясь, пока

лапы хирурга откинут в коридор остатки ворот, Байл вошел внутрь, доставая игольник. Мимо просвистело несколько сюрикенов, опалив боковую сторону шлема.

Целеискатель шлема ожил, как только показался первый эльдар, стреляющий на ходу. У врагов были оранжевые доспехи и вытянутые шлемы глянцево-черного цвета. Руку одного покрывал узор из разноцветных ромбов, поразительно похожий на одежду арлекинов, и Байл помедлил, гадая, что это значит. Эльдары между тем наступали, продолжая стрелять в его сторону сюрикенами. Они явно решили пойти на осознанный риск, пытаясь оттеснить врагов назад на платформу и удержать их там, пока не прибудет подкрепление. Действовали они дисциплинированно, целеустремленно. Вот только сочленения на их броне были так услужливо уязвимы...

На ретинальном дисплее замигали прицельные знаки, и игольник загудел в руке. Байл улыбнулся, когда транзитный коридор наполнился дребезжащим эхом криков, переступил через ближайшего конвульсирующего ксеноса и отошел в сторону, освобождая дорогу Арриану.

— Впереди перекресток, — сказал он.

Арриан швырнул гранату и сразу же потянулся за новой. Раздался глухой удар, башня покачнулась. Арриан бросил в коридор еще две, а когда дым рассеялся, прошел вперед.

— Чисто. Еще двое ворот, оба закрыты. У врага пять погибших.

— Хорошо. Возьми пробы. У эльдарской крови бесконечное число применений, — Обернувшись, Байл увидел, как Савона поднимает молот над одним бьющимся в конвульсиях эльдаром — тем, с арлекинской рукой. Он остановил молот посохом. — Они не для тебя.

— Вы еще успеете набрать пленников, — бросила она.

— Каких еще пленников? Саккара... Делай с ними все, что тебе нужно, — сказал он, указывая игольником. Несущий Слово влез между ними, доставая с пояса изогнутый нож. Его лезвие маслянисто блестело, словно свет отражался от него как-то неправильно, а когда Саккара описал им в воздухе сложный символ, вокруг вдруг стало холодно и тускло.

— Отойдите все. Они будут голодны и тратить время, чтобы

разобраться, где друг, а где враг, не станут, — сказал Саккара, поднимая умирающего эльдара на ноги и приставляя нож к его животу, — Знай, что это доставляет мне огромное удовольствие, червь, — сказал он. — И радуйся, что наконец исполняешь свое предназначение, помогая мне с моим.

Зазубренный нож легко проткнул психореактивный металл, поддоспешник и плоть. Из раны хлынула кровь, и эльдар мучительно закричал. Саккара еще два раза взмахнул ножом, протыкая ксеносу оба запястья, и отошел, разглядывая свою работу.

Эльдар не упал — словно растущие струи крови поддерживали его. Кровь разливалась по стенам и темнела, пока не начала походить на зеркало из полированного обсидиана. Она все лилась и лилась из дрожащего, стонущего эльдара, и блестящая чернота становилась все больше. Саккара засунул свободную руку в рану на животе ксеноса и пошевелил пальцами, словно пытался открыть щеколду. Эльдар опять закричал и наконец затих, повиснув на цепях из крови. Саккара убрал руку и отошел, сначала на один шаг, затем на два. За его рукой протянулась полоса из плоти и крови, которая брызгала на пол и потолок, образуя странные узоры.

— Из пламени предательства в кровопролитие возмездия мы несем имя Лоргара, — разнесся в зловонном воздухе голос Саккары. Послышались странные звуки, похожие на далекий вой зверей. Сжав атам окровавленной рукой, Саккара опустил на колени и принялся вырезать на еще шевелящихся телах губительные символы. Воздух темнел от его гортанных заклинаний, а вой становился громче, словно потревоженные им существа приближались. Доспехи и кожа присутствующих начали покрываться инеем.

Байл с невольным восхищением наблюдал за Саккарой, быстро вырывающим все камни душ. Висящий в воздухе эльдар вдруг задержался, а затем с жутким звуком провалился внутрь себя, словно кто-то вытянул его через крошечное отверстие. На его месте осталось что-то влажное и красное. Оно пульсировало и растягивалось, как ухмыляющаяся пасть, а когда Саккара швырнул в него камни душ, оно жадно проглотило их, растянулось еще шире и изрыгнуло чудовищный свет, переливающийся всеми цветами и одновременно ни одним из них. Зазвенели колокола, кимвалы, другие менее очевидные инструменты. Коридор наполнился нечеловеческим смехом, за которым последовала резкая мелодия, веселая и в то же

время жуткая.

Из раны в реальности хлынул разноцветный дым. Залив весь коридор, он начал твердеть, и на их глазах возникли силуэты — так много силуэтов, что их невозможно было сосчитать. Запели медовые голоса, отвратительные глаза на прекрасных лицах устремились на Байла и остальных. По психокостному полу застучали копыта, жадно защелкали когти, и демонетки бросились вперед, остановившись только у линии из капель крови, которую Саккара оставил поперек коридора. Некоторые из них сидели на змееподобных чудовищах с подрагивающими хоботами, но Байл также слышал скрип колес и треск кнутов. Он не видел ничего в тумане, но знал, что там стоит целая армия.

Над толпой поднялся кто-то высокий, с винтовыми рогами, увешанными цепями с серебряными колокольчиками. Его козлиная пасть распахнулась, и раздался низкий, чувственный голос:

— Фа-а-абий... — Хранитель Секретов вышел вперед, взметая полупрозрачные одежды. — Канатара шлет тебе привет, алхимик. Его ярость восхитительна. Как же хитро ты поступил: пригласил его, а затем... А ведь Фулгрим предупреждал его, и мы тоже. Но он не послушал. Юность так упряма. — Он продемонстрировал обсидиановый клинок длиной больше человеческого роста, — Зачем ты открыл наши врата?

— А ты сам не догадываешься? Ты разве не осколок бога? — поинтересовался Байл, уверенно встречая взгляд существа. Он ничего не чувствовал, но знал, что другим повезло меньше. Дети Императора распростерлись перед тварью, а Савона опустила на колено, опираясь на рукоять молота, как рыцарь в молитве. Саккара тихо молился, а Арриан держался позади, не убирая рук с клинков. Игори со стаей заранее получили дозу ноль-экстракта, но даже они нервничали. Байл раскинул руки в стороны: — Ты разве не чуешь?

Демон поднял морду, и его ноздри раздулись, а длинный язык высунулся из-за клыков и прошелся по носу.

— А-а-а... Это... жертвоприношение, алхимик? — спросил он, впиваясь в Байла черными глазами. — Ты наконец признаешь наше главенство? Я почти разочарован.

— Я ничего не признаю, — ответил Байл, — Убивайте, грабьте, разоряйте сколько хотите, нерожденные. Не сдерживайте себя,

залеите эти купола кровью и завалите их телами.

— Почему ты решил, что мы станем тебе подчиняться? — спросил демон, наклоняясь к нему. Кровь на полу вдруг вспыхнула и обратилась в пепел. Саккара охнул, словно его ударили, — Ты нам не друг, алхимик. Неужели ты думаешь, что я не вгоню свой меч в твою червивую душу в отместку за боль, которую ты причинил смеющемуся Канатару на мире-ране под названием Грандиозная?

— Потому что здесь есть удовольствия получше, — сказал Байл. Его рука скользнула к игольнику. — Но можешь и иглу получить, если хочешь.

Демон отступил, оскалившись в улыбке.

— Принц Фулгрим был прав насчет тебя, Фабий. Неудивительно, что он так о тебе беспокоится.

— Пусть беспокоится о чем хочет, — ответил Байл. — Меня волнует только мой собственный путь.

— Может, мне так ему и передать? — поинтересовался демон, глядя на него сверху вниз. — Такое презрение со стороны собственного сына восхитительно его ранит.

— Если хочешь, пусть оно будет моим подарком.

— Отлично! — Демон отвернулся и хлопнул мечами. — Договорились, алхимик.

Демонетки одновременно завyli и по жесту своего повелителя исчезли в транзитных тоннелях. Хранитель Секретов последовал за ними, сотрясая коридор при каждом шаге. Из раны вырвалась волна демонической плоти и по спирали поползла за ним, постепенно заполняя весь тоннель.

До Байла донеслись деревянный звук раскалывающихся переборок и крики. Эльдарское подкрепление опоздало, и теперь ему оставалось только умереть. Савона с радостным криком повела своих воинов вперед, и Дети Императора бросились за демонической ордой, распевая гимны Владыке излишеств. Саккара и Арриан остались ждать его приказов.

Игори со своими glandовыми ищейками хотела последовать в тоннель, но он обернулся и схватил ее за плечо. Она поморщилась от боли.

— Благодетель, — сказала она, смотря на него сияющими от нетерпения глазами, — Мы уже собрали для хранилищ множество проб. И брони с оружием. Из них много можно будет узнать.

— Ах, моя Игоря... Создав тебя, я сломал все лекала. Ты будешь ждать нас здесь, — Она нахмурилась, и он продолжил, не дав ей возразить: — Ты будешь ждать нас здесь, пока не получишь сигнал. Удерживай эту бухту со всей яростью, которая у тебя есть. Получив сигнал, отступай к «Сорокопуту» и на полной скорости возвращайся на «Везалий». Понятно?

— А как же вы, Благодетель?

— Мы найдем способ выбраться, дитя мое. Способ вернее всего будет шумный и кровопролитный. Когда это начнется, собирай свою стаю и беги. Мы вскоре к тебе присоединимся.

— А если не присоединитесь? — тихо спросила она.

Он помедлил, затем наклонился к ней:

— Ты знаешь, что тогда делать. Не возвращайся на Урум. Отправляйся на одну из второстепенных станций и следуй установленным протоколам, — Услышав это, она вздрогнула, и он печально улыбнулся: — Работа должна продолжаться, дитя мое. Что бы ни случилось, мы должны идти только вперед. Будущее наступит, и ему будет все равно, готовы ли мы к нему или нет.

Глава 19

Открытый клинок

Цимисхий Флей наблюдал за манипулой боевых автоматов «Кастеллакс», идущих в бой, и испытывал что-то похожее на гордость. Они вели шквальный огонь, двигаясь в сторону оранжевых эльдаров, которые укрылись за полуразрушенными стенами на границе огромной площади, и он слышал, как кричат от радости и ненависти органические разумы внутри роботов, разламывая изящные статуи и психокостные арки. Мысль, что он сумел подарить им эту радость, грела душу.

Не обращая внимания на рассекающие воздух сюрикены, он повернулся обратно к обломкам, разбросанным на земле. Телепортационный маяк был сломан, как только его привезли. Он не

знал, случайный ли выстрел это сделал или очень точный, но результат был в любом случае одинаков.

— Можешь его починить? — спросил Олеандр. Он присел за опрокинутой статуей и поспешно перезаряжал болт-пистолет. На его броне чернели пятна от выстрелов. Тон голоса был нетерпеливый, впрочем, как и всегда. Цимисхий подозревал, что причина в химическом дисбалансе, вызванном изъятиями в геносеми Третьего. Он отметил про себя, что надо будет взять у Олеандра образец крови, когда ситуация стабилизируется. Отвечать он не стал, сочтя это излишним, только кивнул и опустил на колено перед устройством.

Он начал пересобирать маяк, с отработанной четкостью заменяя оборванные провода и отделяя сгоревшие передатчики от почти нетронутого мозга. Многие системы в этих ранних моделях дублировались, поэтому даже в боевых условиях ремонт был простым делом, хотя и скучным. Это было легче, чем вправление костей или зашивание порванной артерии. Разве что искры сыпались в маску шлема, и церебральная жидкость брызгала на руки.

Пока он работал, сенсоры его сервочерепов, подключенные к внутреннему ауспику брони, держали его в курсе событий на поле боя. Он выпустил дронов с установкой лететь туда, куда понесет их ветер; они могли постоять за себя благодаря его модификациям. Он не мог упустить шанс составить полноценную карту рукотворного мира: такие возможности предоставлялись раз в жизни.

Воздух потяжелел от дыма и жара. Их десантная капсула попала в один из центральных куполов и на пути к переливающемуся морю в центре главной площади пробила несколько транзитных тоннелей, башен и мостов. Удар разрушил кольцо ближайших зданий, а деревья возле воды теперь горели. Весь биом дрожал, словно от боли.

Дети Императора занимали оборонительные позиции в руинах, появившихся на берегу кристального моря — в основном возле трех гигантских «Когтей ужаса», которые последовали на мир после абордажных торпед. Воины, отставшие от своих команд, сражались на мостиках наверху или в транзитных тоннелях внизу, неуклонно пробиваясь к площади, чтобы объединиться с остальными. Вокс был полон смеха, фальшивого пения и запросов о поддержке от воинов со всего рукотворного мира. С востока доносился диссонансный вой: Благословенный Лидоний и шумодесантники сражались с аспектными воинами в лазурной броне на аллеях, обрамленных

горящими психокастными деревьями.

Пока все шло по плану Блистательного, но эльдары реагировали быстрее, чем ожидалось. В носовой части мира-корабля, среди высоких башен и сверкающих улиц, мотоциклисты и разорители Двенадцатой дрались с эльдарскими реактивными мотоциклами. Ближе к корме их стражи отступали под напором дюжины чудовищных дредноутов. Рев древних машин разносился далеко по тоннелям и коридорам, которые соединяли купола.

Высоко наверху в дырах купола, перекрытых наростами психокасти, виднелись очертания флота, сражавшегося с кораблями эльдаров. Время от времени один из кораблей погибал, и купол заливало ярким светом, словно солнцем. Рукотворный мир дрожал от многочисленных ударов: десантные капсулы и «Когти ужаса» продолжали падать по всей его огромной длине. Один раз мимо по спирали пролетел штурмовой таран с поврежденными реактивными двигателями, весь охваченный огнем. Абордаж шел несогласованно и непредсказуемо, но это играло им на руку: эльдары не смогут запереть их в одном месте.

Один из сервачерепов послал сигнал Цимисхию. На ретинальном дисплее появилось изображение: по улице за площадью катилась тяжелая орудийная платформа. Эльдары наступали в полную силу. Цимисхий сделал резкий жест, и Олеандр кивнул.

— Гулос, эльдары готовятся к канонаде. Будь так любезен, сходи и объясни им, что их представления о собственном огневом превосходстве беспочвенны.

— Ты мне приказываешь, аптекарий? — спросил Гулос из-за упавшей колонны, вынимая из болт-автомата магазин. Он открыл огонь, едва новый успел встать на место. — Дурная привычка. Так можно однажды обнаружить свои черные потроха в области ступней.

— Это лишь совет, брат. Прошу меня извинить: я думал, что ты хочешь пережить этот бой, — ответил Олеандр.

Гулос злобно смотрел на него несколько секунд, после чего гаркнул своему отделению:

— Олиос, Кулькат... со мной. Есть одно кровавое дело. — Он бросил свой болт-автомат Олеандру, — Надеюсь, ты помнишь, как этим пользоваться?

— О да, — ответил Олеандр, убирая пистолет в кобуру. — Это честь для меня, брат.

— Постарайся не попасть мне в спину.

— Не сомневайся, если я когда-либо в тебя выстрелю, то только в грудь.

Олеандр прицелился в эльдара, пытавшегося забраться повыше, и лишил его жизни одним выстрелом. Гулос рассмеялся и потрусил прочь, на ходу доставая мечи из ножен. Цимисхий обратил внимание, что Олеандр начал поворачиваться, взяв Узника Радости на прицел, и предостерегающе похлопал брата по плечу.

— Ты прав, брат. Позже еще будет время, — сказал Олеандр и вновь занялся ксеносами. Цимисхий, довольный ответом, вернулся к работе. Он выбрал мигающую иконку голосвязи и был вознагражден видом эльдара, раздавленного под железными ногами его «Кастеллакса». Боевой автоматон крутанулся, прошивая выстрелами рушащиеся психокостные строения. Цимисхий послал по каналу приказ, и манипула сосредоточила огонь на ближайшем отряде стражников, которые пытались вывести орудийную платформу на позицию.

Перед глазами промелькнуло что-то зеленое, и боевая машина развернулась, пытаясь остановить аспектного воина в изумрудной броне. Тот ударил ее жужжащим цепным мечом и тут же помчался прочь, ловко уклоняясь от выстрелов, которые преследовали его до конца бульвара.

Мгновение спустя Цимисхий осознал, что целью атаки было не повредить машину, а отвлечь ее. «Кастеллакса» окатило раскаленным воздухом, от которого все его сенсоры ушли за красную черту. Вперед вышли аспектные воины в красной броне с термоядерными пушками, истекающими жидким жаром. Поврежденный боевой автоматон покачнулся, а его обезумевший от боли разум завопил, проклиная врагов. Цимисхий оставил его умирать и одним сигналом приказал остальным отступать к берегу.

Земля тряслась под ногами отступающей манипулы, а воздух гремел от их залпов, идущих один за другим.

— Пора, брат. Твои автоматы впечатляют, но у ксеносов целый мир таких, — с напряжением в голосе сказал Олеандр. Цимисхий покосился на него, проверяя, не ранен ли тот. Ничего не

обнаружив, он вернулся к работе. — Твои слова наполняют меня уверенностью, Цимисхий, — кисло добавил Олеандр.

Плоть, оставшаяся от лица Цимисхия, растянулась в горькой улыбке. Его братья забыли, каково это — быть частью отряда, шестеренкой в плавно работающем механизме. Сердца поразила скверна, и она распространялась все дальше и дальше, и отсутствие сплоченности было одним из ее симптомов. Она была даже в главном аптекарии.

— Где Мерикс? Он уже должен был к нам присоединиться, — возмутился Олеандр, — Они нас всю теснят, — поток сюрикенов вынудил его пригнуться, и он поднял болт-автомат над головой, стреляя вслепую, — Я начинаю всерьез ненавидеть эльдаров.

Один космодесантник хаоса покачнулся, когда на его ярко раскрашенной броне возникли кратеры. Когда он упал, Цимисхий мысленно отметил его расположение, чтобы позже вернуться за прогеноидами. Видимых мутаций у него было немного, а значит, его железы вернее всего были стабильны. Такие непременно стоило извлечь. Как бы ни закончилась эта война, она уже обеспечила их неплохими запасами ценных материалов.

Его сенсоры зарегистрировали поток ударов, но ни один не пробил броню, которую он в свое время тщательно усилил. Он все же рефлекторно проверил свои жизненные показатели. В потоке данных, бегущих по внутреннему дисплею, были отмечены скачки адреналина и артериального давления. Цимисхий запустил подачу ингибиторов, чтобы выровнять химический дисбаланс. Пока ни к чему волноваться. Терпение было его искусством и работой.

Цимисхий всегда возводил стены из обдуманных выводов и доказанных решений. Ни на миг он не переставал строить неприступные крепости безупречно рассчитанных вероятностей. Разум и действия можно было программировать так же легко, как машины — даже в разгар битвы. Возможно, особенно в разгар битвы. И теперь от него требовалась реакция.

Он поднял с земли болт-автомат и повернулся, отдавая свою руку в распоряжение внутреннего целеискателя. Он выстрелил три раза. Решив, что результат удовлетворительный, он положил оружие обратно на землю и вновь вернулся к делу. Давно ему не приходилось настраивать телепортационные маяки в боевых условиях. Он

наслаждался каждой секундой.

Когда маяк загудел, он отступил.

— Работает? — спросил Олеандр. Цимисхий дружелюбно хлопнул его ладонью по груди. — Извини, брат. Не мне сомневаться в твоём умении обращаться с неживым.

Внезапный взрыв заставил обернуться. Цимисхий заметил, как Гулос сносит голову какому-то эльдару и ногой отбрасывает дергающееся тело в сторону. Но ему пришлось спешно искать себе укрытие, когда кто-то открыл огонь из сюрикеновой катапульты, разнося на куски и психокость, и одного неудачливого ренегата.

— Враг приближается, — заметил Олеандр. Цимисхий обернулся, и его целеискатель выделил несколько ксеносов в оранжевой броне, бегущих по восточному берегу. Их сопровождали воины в синем и зеленом. В их маневрах была закономерность, ощущение скоординированности, которое до сих пор отсутствовало. Кто-то руководил обороной.

Очередной взрыв проломил дальнюю стену купола, на мгновение скрыв эльдаров из вида. По изогнутым улицам повалил дым, а когда он рассеялся, на экранах возникло несколько знакомых ауспик-идентификаторов.

— Мерикс прибыл, — воскликнул Олеандр, ударив Цимисхия кулаком по плечу.

Мерикс наступал во главе отделения из десяти космодесантников-ренегатов, ведущих оглушительный обстрел из болтеров. Их броня почернела местами, и многие были ранены. Они явно пережили тяжелый бой. Мерикс выкрикнул приказ, и они тут же бросились в укрытие, уступая дорогу шагающим позади монстрам.

Из дыма вышел дредноут-контемптор, сжимая и разжимая когти.

— Плачьте, ксеносы. Плачьте, ибо я пришел за вами, и ваша смерть неизбежна, — несло из-за вокс-решетки. Он вскинул одну поршневую руку, и встроенный штурмовой болтер запел смертоносный гимн. Облаченным в лазурь эльдарам оставалось лишь станцевать последний, предсмертный танец и отлетать в сторону, когда он проходил мимо. — Плачьте для Диомата, ксеносы. Кричите для меня и умирайте смертью, мне недоступной. Умирайте и будьте прокляты.

Широкие пальцы сомкнулись вокруг белого шлема и раздавили металл и ксеносский череп под ним.

Остальные дредноуты следовали примеру Древнего Диомата и рассеивались по площади, грохоча оружием. Все они были так или иначе повреждены и явно побывали в тяжелом бою. У некоторых недоставало конечностей. У одного из покрытого вмятинами корпуса валил дым. Но они все равно шли вперед, безумно и неумолимо. Наступление эльдаров провалилось, и они начали отступать. Но дредноуты охотились и сражались далеко друг от друга — как отдельные воины, а не как отряд, и эльдарам не понадобится много времени на то, чтобы перегруппироваться. Цимисхий послал команду оставшимся автоматам «Кастеллакса», и манипула направилась к восточному берегу, не прекращая стрельбы.

Телепортационный маяк позади вдруг загудел. Когда Олеандр обернулся, над площадью уже танцевали огни. Воздух наполнился вонью паленой плоти и обожженного камня. В ухе зазвенел датчик сближения, и он метнулся в сторону. Силовой меч ударил сверху вниз, едва не лишив его руки. Он откатился в сторону, успев заметить черно-оранжевый гребень. Аспектные воины в лазурной броне неслись к нему, перепрыгивая через развалины. Выругавшись, Олеандр прицелился в одного, но чей-то шальной выстрел выбил оружие из руки. Другие ударили в броню, толкая его назад. Цимисхий схватился за топор, но мечник был уже совсем рядом.

Свет усиливался, пока не заполнил весь купол и сам воздух не закричал, словно от боли. В свете возникли смутные силуэты, которые вскоре отвердели, явив взгляду ярко раскрашенный керамит. Аспектный воин, бежавший к Цимисхию, помедлил, застигнутый врасплох волной диссонирующего шума, сопровождающей свет. В грудь ему ударил болтерный снаряд, и ксенос упал на спину.

Цимисхий обернулся как раз в тот момент, когда из гаснущей телепортационной вспышки вышла высокая, изящная фигура, сопровождаемая армией монстров. Завыв, Дети Императора промчались мимо и с животным восторгом набросились на ближайших эльдаров. Блистательный король в радостном отдохновении прибыл.

Он прошел мимо Цимисхия, на ходу вынимая меч из ножен. Чудовища-стражи развлекались позади, с хрипом и воплями разрубая эльдаров визжащими цепными глефами.

— Я явился. Пришло время последнего занавеса и последней песни, — проревел Блистательный, взмахивая мечом и разрезая одного эльдарского воина надвое, — И прежде, чем наступит финал, я сожгу этот полумир и облачусь в его пепел, — Он поднял меч, и его лицо растянулось в безумной улыбке. — Дети Императора! Смерть врагам его!

Волна демонов успешно очистила им дорогу. Весь путь к нижним уровням стыковочной башни шел мимо гор искалеченных тел и разбитых переборок. Какодемоническая орда прошла по транзитным тоннелям и мостикам, убивая всех, кто пытался их остановить. Эльдары отступили, но демоны следовали за ними. Воздух шумно пульсировал там, где они проходили, а психокость в их присутствии скручивалась и покрывалась чудовищными наростами, из которых исходил удушающий туман. Плачущая трава вырастала на ровных поверхностях, на искалеченных деревьях из плоти и кости неудачливых эльдаров, на стенах и ступенях.

Но долго эти любопытные явления не продлятся. Ритуал Саккары мог удержать демонов в материальном мире лишь на несколько часов. Однако этого хватит, чтобы отвлечь оборонительные силы рукотворного мира. Когда они добрались до нижних мостов, которые вели в гигантские купола на корме, Савона со своими воинами встала в авангарде, и они рассеялись по дымящимся руинам, держа оружие наготове. Несколько воинов тихо пели, неосознанно подстраиваясь под измученные крики, которые разносились в воздухе.

Тут и там танцевали демоны, отставшие от основной волны, чтобы удовлетворить свои жестокие потребности за счет умирающих. Демонетки звали Байла и остальных и предлагали им блестящие куски мяса и горсти костного мозга в обмен на поцелуй или танец.

Байл игнорировал их, больше озабоченный своей безопасностью. Он уже несколько раз с момента высадки замечал странные тени. За ними следовали. Саккара это тоже чувствовал.

— Кто-то идет по пятам, — сообщил он субвокализацией. В его склянках появилось несколько новых полупрозрачных демонов, крепко скованных силой его воли. Эти взятые на будущее нерожденные не отличались особой силой и были всего лишь падальщиками, следующими за армиями Принца Удовольствий.

— Не обращай внимания, — сказал Байл.

— Не лучше ли остановиться? Вступить с ними в бой? — Он указал рукой, в которой держал одну склянку, в сторону, и демон, похожий на бурлящее облако, из которого без конца выдвигались когти, щупальца и шипы, бросился вперед, недовольно защелкав уродливыми челюстями, когда цепь кончилась.

— Зачем? Мы почти у цели.

— У твоей цели, — уточнил Саккара, резким ритуальным жестом загоняя демона обратно в склянку. Та светилась, а вырезанные на поверхности символы испускали неестественный жар.

— Моя цель — это наша цель, — ответил Байл и отошел в сторону, когда кусок психокости наверху откололся и упал, обрушив часть моста. Обломки исчезали в море башен под ними. Байл остановился, разглядывая мешанину строений внизу. Огромные мосты огибали высокие башни или заворачивались, как корни деревьев. В петлях этих мостов и на вершинах башен стояли купола. В них располагались целые города, леса и другие менее знакомые биомы.

Многие из них были сломаны и охвачены огнем. На оранжевой поверхности центрального купола чернели рваные раны, в которых виднелись очертания флота. Изысканные истребители с воплем проносились мимо башен, сражаясь с теми немногочисленными кораблями легиона, которым удалось пробраться внутрь. Рукотворный мир уже понес такой урон, что искусственная гравитация постоянно менялась, и корабли кидало из стороны в сторону, как во время бури, отчего схватки становились еще смертоноснее.

Издалека доносились вой тяжелых орудий и грохот артиллерии. У каждой десантной капсулы, сумевшей пробить оболочку рукотворного мира, шли бои. В большинстве случаев банды из воинов Двенадцатой действовали в одиночку, и перегруппировавшимся эльдарам не составит труда перебить их. Но пока что они радостно вырезали всех, кто попадался им на пути, будь то воин или гражданский, ибо их единственной целью было удовольствие. Несчетные сотни умирали или мечтали о смерти внизу, на невидимых отсюда улицах, и их крики звенели в воздухе, сливаясь в сплошной вой страдания.

— Паук сплел сеть в императорском дворце, и птица ночи прокричала свой сторожевой клич на башне Афресияба, — сказал Байл.

— Что? — удивился Саккара.

— Это цитата. С Терры, из древних времен, когда империя Парси была уничтожена пустынными кочевниками, с которыми долго воевала. — Он отвернулся, не желая ничего видеть, — Мне показалось, что она сюда подходит.

Лугганат умирал смертью от тысячи порезов. Даже если он выживет, перенесенные муки ему никогда не забыть. Для кого-то вроде Блистательного этого, пожалуй, было достаточно. Лишь бы он получил то, что хотел; условия победы же могли быть любыми.

Какое расточительство! Он успел забыть, как выглядит резня. Если он когда-то и умел радоваться возможностям, которые открывались во время таких расправ, эта способность давно отмерла. Теперь он хотел лишь забрать то, за чем пришел, и поскорее улететь.

Они вышли в длинную галерею, где шум боев был почти не слышен. Многоярусная и сумрачная, она тянулась вдоль части верхнего корабельного хребта, состоящего из бесчисленных необитаемых закоулков. Время от времени пузырьки в психокости, служившие сторожевыми постами или комнатами для медитации, и узкие бульвары отходили от галереи к ближайшим куполам.

Все было разрушено. Волна демонов прошла по галерее и бульварам, преследуя всех, на кого падал глаз. Из залов для раздумий доносились крики несчастных, вздумавших искать там укрытия, но попавших в лапы голодным нерожденным. Сирены были непонятно откуда, а из-за ближайшей арки доносилась стрельба. Дети Императора шли, ничего не боясь, и иногда останавливались, чтобы взять образцы тканей у трупов или попробовать пролитый товар в питейных, которые располагались в углублениях стен.

— Они так просто не сдаются, — заметил Арриан, вгоняя в тело иглу нартециума, чтобы взять пробу.

— Они как крысы, — бросила Савона, ткнув молот в труп, свисавший из трещины в крыше и повешенный на собственных связках. Его кожу покрывали примитивные рисунки, вырезанные ножом, — Только для развлечения и годятся.

— Тихо, — приказал Байл, — Мы на месте.

Всю стену в дальнем конце галереи занимали огромные изогнутые ворота, которые вели во внутренний купол. Двери были покрыты изящным узором из золота и серебра и украшены янтарными каплями в виде символа эльдаров. Купол кристаллических провидцев.

Приказав боевым сервиторам охранять тыл, Байл приблизился к дверям. Удар посоха Мучений разбил их на части. Пройдя мимо обломков, он обнаружил сияющий охровый лес, застывший в вечном закате от собственного отраженного света.

— Наконец-то, — сказал он.

Стражей здесь не было — а если и были раньше, им пришлось заняться другими вещами.

— Странно, что нерожденные сюда не налетели, — заметил Арриан, проходя через разломанные двери. Савона со своими воинами следовала за ним.

— Они смогли бы, только если бы кто-нибудь открыл им двери, — ответил Саккара, — Это место защищено от них. Но они его уже учуяли, — Он перевел взгляд на Байла: — Надо спешить. Я не смогу их контролировать.

— Я прекрасно осведомлен о пределах твоих возможностей, Саккара, — промолвил Байл.

Из земли поднимались остекленевшие тела ксеносских провидцев, вытянувшиеся и разросшиеся до могучих кристаллических деревьев, обрамляющих звезды своими кронами. Светящаяся листва скрывала все, что когда-то отличало их друг от друга, но те обрывки индивидуальности, что еще оставались, без конца шептали о прошлой жизни. В изогнутых стенах купола ярко блестели камни душ.

Байлу казалось, что на него уставились тысячи глаз. Сколько душ, застывших в миг смерти, сохраненных на вечность, здесь скопилось? В воздухе стоял тяжелый запах перспектив. К этому саду были прикованы целые поколения ксеносских псайкеров, и скрытая в них история была старше, чем человечество, чем даже сама Терра.

Он закрыл глаза и склонил голову набок, вдыхая аромат тайн. Эльдары запасали знания, как крысы запасают еду, оставляя мудрость

целых эпох гнить в темноте. Он извлечет ее всю до последней крупички и найдет ей такое применение, которое хранители сада и вообразить себе не могли.

Блестящая трава хрустела под ногами. Он поднял посох, чувствуя, как тот дрожит от возбуждения, и шагнул к дереву, намереваясь разбить его на куски, чтобы затем собрать их. Деревья дадут ему ответы на его вопросы — он в этом не сомневался. Но не успел он ударить по стволу, как перед ним вдруг поднялась стена белого пламени. Затем оно возникло со всех сторон, гоня ругающихся и встревоженно кричащих воинов назад. По саду разнесся звенящий смех.

— Две птицы одним камнем, — пропели в тенях.

Байл поднял посох. Голос был ему знаком. Именно он шептал в его воксе.

— Что? Говори громче, — крикнул он. Пламя пропало, словно его и не было. Должно быть, какая-то иллюзия.

— Две птицы. Их убивают одним камнем. Поговорка монкей, верно? Она так хорошо сюда подходит. Где Касперос Тельмар, Царь Перьев? — спросил голос со всех сторон одновременно. — Ты знаешь, что с ним? Тебя это беспокоит?

— Нет, — ответил Байл, знаком приказывая замолчать Савоне, которая собиралась вмешаться, — Как и тебя, раз ты здесь.

Клубы плотного светящегося тумана выплыли из-за деревьев и потянулись в их сторону.

— Два представления за одну ночь. Одно личное, другое публичное. Одно тихое, другое громкое.

— Две птицы одним камнем, — отозвался Байл. Опять раздался смех. В боку вспыхнула боль. Шприцы тут же вонзились в него, заглушая ее. Сейчас он не мог позволить себе отвлекаться. Сейчас все было иначе. Они не собирались дразнить его и уходить, едва успев появиться. Нет, это был последний акт представления.

— Верно, верно, — сказал ксенос, аплодируя.

— Представься. Я хочу видеть лицо своего мучителя, — сказал Байл.

— Нет лица, нет лица, но есть имя, конечно... Силандри Идущая

под Пеленой к твоим услугам, главный аптекарий, — ответили ему, — Или лучше лейтенант-командующий?

— Идущая под Пеленой — более фальшивое имя и представить сложно, — ответил Байл. Тень скользила с одной блестящей ветки на другую, и целеискателям никак не удавалось взять ее в фокус. — И мне больше нравится «Прародитель».

— Скорее роль, а не имя. Роль всей жизни. Я — это она, а она — это я. А ты монкей, — По роще разнесся смех, и не от одного противника, а от многих. Слишком многих, — Прародитель... Высокомерный ты монкей, Владыка Клонов. Всегда пытаешься заполучить то, что тебе не принадлежит и чего ты не заслуживаешь. Как жадный ребенок, который тянется за сладостями.

— Так объясни мне, что происходит, раз я ребенок. Или успокой, мне неважно. Дай мне то, чего я хочу, и я уйду, — сказал он, всматриваясь в кристаллический лес. Арриан по его знаку двинулся вбок, держа клинки наготове. Савона и ее воины разошлись по роще. Узники Радости выглядели настороженными, но одновременно радостными. Они едва не пускали слюну, глядя на миллионы камней душ, которые усеивали стены огромного сада. Саккара остался на месте, продолжая читать молитву, чтобы демоны в его склянках успокоились. Те жадно вопили и кидались на стеклянные стенки, отчего символы странно мигали. Они чуяли запертые в саду души и изнывали от желания их съесть.

— Объясни, успокой, намекни, отомсти... Как ты думаешь, Свежеватель, что мы тут делаем? Как ты думаешь, Патер Мутатис, почему мы позволили тебе зайти так далеко?

— Если честно, я об этом не думаю, и о вас тоже, — ответил Байл, — У меня есть заботы поважнее, чем интриги ксеносов.

— Ложь, ложь, — пропела эльдар. Тогда Байл наконец ее увидел: та сидела наверху, на ветке, была одета в тряпки изумрудного, черного и золотого цветов, а из-под капюшона в желто-фиолетовых ромбах выглядывала зеркальная маска. В тонких руках ксеноса был длинный посох.

Байл вскинул игломет «Ксиклос» и выстрелил, но арлекинесса исчезла прежде, чем иглы ударились о кристаллический ствол. В воздухе разлился тихий стон. Он обернулся.

— Правда, ложь — сейчас ничто из этого не имеет значения.

Выходи, и узнаешь истинную суть боли, — бросил Байл. Он был зол, сам не зная почему. Все понемногу становилось ясно. «Почему мы позволили тебе зайти так далеко?»

Байл замер.

— Почему? — проговорил он. То есть это была ловушка? Если так, когда ее устроили? На Грандиозной? Или раньше?

— Почему ты спрашиваешь «Почему»? — засмеялась эльдар, прыгая с ветки на ветку и всякий раз ускользая из-под взгляда. — Ты боишься темноты, главный аптекарий Фабий? Что ты видишь в глубине теней?

— Ничего, что бы тебя касалось, ксенос, — ответил Байл, решив не тратить время на попытки отследить ее. — Если ты здесь не для того, чтобы мешать нам, убирайся. А если для этого...

— Мы здесь для этого, и танец уже начался.

Тонкое существо спрыгнуло на землю позади него и раскрутило посох. Заревели болт-автоматы, Арриан что-то закричал. Разноцветные призраки выпрыгнули из-за деревьев и побежали, поскакали, покатались к ним, как поток переливающейся воды.

Байл заблокировал посох, устремившийся к его черепу, но эльдар тут же уклонилась от иглы из пистолета. Его целеискатель не поспевал за ней, а собственных рефлексов в сочетании со стимуляторами едва хватало на то, чтобы блокировать удары и контратаковать. Длинные тени кристаллических деревьев окутывали его, словно шелковые занавеси, развевающиеся от движений теневидицы. Он уловил движение в этих тенях. Ксеносы брали его в кольцо, отрезали от остальных. Звуки боя утихали, и вскоре он не слышал ничего, кроме скрипа кристаллических ветвей и шепота давно умерших ксеносских провидцев.

Байл обернулся, пытаясь отыскать своего противника, но каждый раз в коре деревьев отражалось другое лицо. Все принадлежали ему, но были разными. Одни были моложе, другие старше. Одни были такими же совершенными, каким он себя помнил; другие — такими же уродливыми, каким он боялся стать. Но все они стояли в кристаллическом лесу, все они замерли в одном мгновении и все говорили одновременно. Собственный многократно усиленный голос превратился в сплошной гул, впивающийся в мозг. Байл схватился за голову, ничего не соображая от шума.

В сознание сплошным потоком хлынули сцены. Победы и поражения, рождения и смерти — клубок возможностей, расширяющийся во все стороны. Он увидел, как ангел в красном сбрасывает его с высоты, и почувствовал, как тонкие руки Мелюзины ломают ему, закованному в цепи, шею. Он услышал собственный крик, когда на скотобойне Терры в него впились зубы его измученных созданий, и ощутил вонь гниения, когда болезнь, пронизавшая все клетки его тела, все-таки настигла его и превратила в безумную развалину.

Сцен было все больше, и они мелькали все быстрее. Он увидел себя, вновь облаченного в пурпур и золото и ведущего остатки Третьего легиона в бой под званием лейтенант-командующего Фабия. И Око рыдало огнем, смотря, как идет на войну единый легион Детей Императора. Гордых, совершенных, непобедимых. Но он также видел, как умирает на когтях Абаддона, как разрывают ему сердца, как уничтожают его клонов и сравнивают с землей его апотекарион. Он видел, как кольца Фулгрима сжимаются вокруг его трескающихся костей, и слышал обвиняющий шепот своего генетического отца. Он слышал смех демонов, рвущих его душу на куски, и крики богов, горящих на его костре. Он видел сотни тысяч возможных путей и сотни тысяч вариантов будущего.

Но всех их объединяло одно. Если он примет командование, то останется жив. Но если продолжит идти нынешним путем, то погибнет. От рук врагов, подопечных или даже своих собственных — но смерть была неизбежна.

Все это время его другие «я» не замолкали, моля стать ими или любой ценой избежать их судьбы, убить себя, бежать, принять командование. Тысячи противоречивых желаний тянули его в тысячи сторон. Кто он на самом деле? Какой Фабий стоял здесь? Он упал на колени. На губах ощущался вкус крови. Хирургeon шипел и размахивал лапами, чувствуя, как все его жизненные показатели катятся вниз. Сердца содрогались внутри своей костяной клетки. По телу разливалась обжигающая и очищающая боль. Только боль была реальна. Боль станет нитью, которая приведет его к выходу из этого лабиринта.

Байл с криком выгнулся, поднял посох и с такой силой обрушил его на психокостный пол рощи, что тот треснул, обнажив светящуюся бесконечную сеть. Из глазницы посоха хлынул алый свет, прогоняя

тени и вероятности. Над головой кричали деревья, и он был рад это слышать.

Он выдернул оружие из пола и, содрогаясь всем телом, встал. На навершии посоха дымились кусочки бесконечной сети. Он рассеянно собрал их.

— Неужели вы думали, что сможете сломать меня видениями? — спросил он. — Вариантами и возможностями?

— Бесплодная цель для бесплодной души, — печально ответили из теней, — Ты цепляешься за свои лохмотья, боясь принять свою судьбу. — Эльдар медленно обошла его по кругу, крутя в руках посох, — Мы позволили тебе зайти так далеко, потому что ты должен был увидеть, что трон перед тобой — это единственный путь...

— Не тебе определять его путь.

Теневидица замерла, когда этот голос разнесся по роще. Что-то жуткое раскололо одно дерево ударом обсидианового клинка, и остальные закричали еще пронзительней. Давя копытами осколки кристаллов, из теней вышел Хранитель Секретов. Байл услышал смех демонов и крики умирающих эльдаров и понял, почему вопили деревья.

Великий демон смерил его взглядом, насмешливо кривя морду.

— Твои нити судьбы порваны и перепутаны, Фабий.

— О чем ты? — резко спросил Байл. Его переполняли вопросы. Арлекины хотели, чтобы он возглавил Третий, но зачем? И почему они рискнули собственным народом, лишь бы убедить его? — Я сам выбираю свою судьбу, и так было всегда!

— Неужели? — загоготал демон. — Но даже Владыка Темных Наслаждений не знает, к чему приведут твои действия здесь... И ему очень хочется узнать, как ты поступишь дальше, — Затем он повернулся к арлекину и облизал губы, — О, темный, несравненный деликатес! Я съем твою душу, дитя.

Арлекинесса опешила, когда демон на полной скорости бросился к ней, но не сдалась и прыгнула назад, пытаясь найти убежище в тенях. Хранитель Секретов презрительно фыркнул.

— Хочешь охоты? Как это утомительно! — Он покосился на Байла. — Возвращайся к своим делам, Фабий.

Не дожидаясь ответа, он прыгнул в рощу, разрубая обсидиановыми клинками ветки и стволы.

Голова Байла все еще раскалывалась от возможных перспектив, но он опустился на колени и начал собирать то, ради чего пришел.

Что бы ни случилось, с пустыми руками он не уйдет.

Глава 20

Скрытый клинок

Блистательный Король в Радостном Отдохновении с воем вырвал камень души из брони эльдара и закинул его в рот. Он раздавил его идеальными зубами, не обращая внимания на то, как осколки ранят десны, и проглотил все: камень, кровь и вопящую душу. Это был уже двадцатый, и в животе бурлило от обломков украденной жизни. Он чувствовал себя распухшим, но сильным. Песнь Слаанеш пульсировала в голове, отдаваясь до самого мозга костей, до самых дальних глубин души, где дрожали последние обрывки Каспероса Тельмара. Человек, которым он когда-то был, кричал и тряс прутья клетки, но его душа уже сгорала дотла. Блистательный не обращал на него внимания со времен Истваана и не собирался делать это теперь.

Принц удовольствий был доволен. Блистательный рассмеялся, когда сюрикены опалили мех на его доспехах и убили одного гвардейца. Жирный мутант умер, хихикая и сжимая разодранные потроха. Эльдары отступали, покидая площади.

— Бегите, птички, бегите. Змея везде вас найдет, — напевал Блистательный, шагая за ними. — Я вырву из земли ваши деревья и станцую на корнях.

Он родился для этого момента. Для того, чтобы переродиться. Измениться и наконец стать цельным. Блистательный поднял очередное хрупкое тело и выковырял камень души острием меча. В его бурлящих глубинах чувствовался страх — паника запертой души, отчаянно пытающейся выбраться из тюрьмы, которую она до сих пор считала неприступной крепостью.

— Глупые птички со своими глупыми гнездышками! Теперь я съем ваши яйца одно за другим, — Он запрокинул голову и распахнул противоестественно красивые челюсти так широко, что кожа лопнула, а мышцы отошли от костей. Бросив камень в пасть, он высосал из него все, что там было. Из пасти пошел дым, и все волосы встали дыбом. Он чувствовал, что нерожденные рядом, что они разоряют рукотворный мир где-то в стороне. Еще больше демонов приникло к оболочке реальности, ожидая, когда он их впустит. Он

был ключом и вратами одновременно.

Его вдруг пронзила боль, но боль приятная и значимая. Он покачнулся, все органы чувств словно сошли с ума, и мир поплыл перед глазами. Кобелески вибрировал в руке. Меч знал, что скоро случится, и его кровожадный дух трясся от ужаса.

— Мне кажется, твой тезка бы понял, — сказал Блистательный, вгоняя меч в землю, — Он и все те тираны Древней Ночи. В них была поэтичность, которую даже Ложный Император не сумел вытоптать. Уверен, они знали, каково это — обменивать душу на душу.

Он поморщился, когда внутри что-то шевельнулось, словно отодвигаясь от обжигающего жара, набирающего силу в области сердца. Пламя апофеоза разгорелось, и пути назад уже не было. Ни пути назад, ни страха, ни боли. Только наслаждение.

Хотел бы он, чтобы Фабий стал свидетелем его перерождения. Как же он хотел, чтобы главный аптекарий не был таким упрямым! Чтобы старый друг, лейтенант-командующий Фабий, вернулся в разрушенное тело Фабия Байла. Какой толк от чудес и славы, если нет друзей, с которыми это можно разделить? Неужели историю Третьего придется писать на сброшенной плоти, когда все они, один за другим, откажутся от прошлого и вступят в будущее?

Воспоминания кружились в голове, как листья в огненной буре. Он вновь стоял на борту «Солнечного камня», на шаг позади Декануса Грифана Торна. Тяжелый крейсер забился в предсмертных судорогах, и советник упал ему в руки, давясь собственной кровью. На него вновь обрушились кулак Луаста и поток оскорблений от командира ударной группы. Он с ужасом и уважением смотрел, как лидеры нелюдей-катаров бросились на собственные мечи, кладя конец войне за Кенуитскую систему. Воспоминания мелькали все быстрее и быстрее, сгорая в огне его апофеоза. Все, что составляло его сущность, гило, и какая-то часть горько заплакала.

Эта горечь не была чем-то новым. Именно она отправила его к Эйдолону и его Конклаву, наполнив желанием восстановить то несовершенное существо, в которое он превратился. В тени Абаддонового копья они поклялись, что возродят легион. Что соберут его осколки и крепко склеят, что возведут новые крепости и подготовятся к концу времен. К тому моменту, когда они, ставшие полноценным легионом, отыщут ушедшего в отшельники Фулгрима

и потребуют, чтобы Феникс восстал из пепла и вновь повел своих сынов на войну. Если б он только смог заставить Фабия увидеть, понять...

Но боль распространялась все дальше, поджигая нервные окончания, и все сожаления сгорали дотла, оставляя после себя лишь радостное предвкушение. Совсем как ему обещали.

— Получу ли я крылья, как Сломленный Ангел? — произнес он. — Или могучие кольца, как величественный Фулгрим? О, сколько вариантов! Я буду великолепен!

В спину ему вонзился меч, проливая ихор. Он развернулся, и его кулак обрушился на белый шлем. Эльдар безвольно рухнул назад.

Его плоть надувалась и твердела, и сочленения доспехов начинали поскрипывать. Он уже не помещался в этой хрупкой конструкции. Да и сам мир стал ему мал.

Эльдары облепили его, как гнус, пытаясь убить, но теперь он был выше смерти. И выше жизни. Он был песней без конца и исходом, обретшим голос. Подхватив одного из этих хрупких воинов, Блистательный рассмеялся ему в лицо, а затем откусил ему голову. Сломанный череп он выплюнул в его товарища, сбив того с ног. Мышцы начали рваться, и тело выскользнуло из дрожащей руки.

Блистательный запрокинул голову и радостно завыл.

— Доставай меч, аптекарий, — сказал Гулос, плавным выпадом насаживая очередного эльдара на собственный клинок, — Сражайся во имя Слаанеш, чтобы он узнал о твоей радости. Пой для него, глупец.

Вместе со своими воинами он удерживал небольшой пустырь в стороне от главной площади. Эльдары уже три раза пытались его захватить и каждый раз терпели неудачу.

— Уверен: он в курсе, как я рад, что участвую в этом веселье, Гулос. Ни к чему надоедать ему своим пением, — ответил Олеандр из-за упавшей колонны. Он прицелился в одного из эльдаров и выстрелил — оранжевый воин кубарем повалился вниз, к мертвым товарищам.

Где-то неподалеку, в самой гуще боя, выл, моля о смерти, Древний Диомат, и пыхтели спаренные лазпушки. Появление безумных дредноутов застало эльдаров врасплох, но они уже

перешли в наступление. Ксеносы пытались удержать Детей Императора на площади, и удавалось им это лучше, чем ему хотелось признавать. Орудийные платформы расположились на проспектах, выходящих из купола, и вели непрерывный огонь. Все либо горело, либо было готово загореться в любой момент.

Оранжевые воины наступали с мрачной решимостью и били в слабые точки, которых в линии фронта Двенадцатой было немало.

— Столько времени прошло, — сказал вдруг Олеандр.

— Что? — прорычал Мерикс. Он сидел рядом, за треснувшей колонной, и перезаряжал болт-автомат. Его броню покрывали трещины и вмятины, а визор был в крови. От силы треть его воинов выжила после нападения на проспекты за площадью. Лишь горстка из них соображала достаточно трезво, чтобы воспользоваться укрытием. Остальные бродили по полю боя, как дикие звери, ища скальпы или распевая хвалебные оды Слаанеш.

— Столько времени прошло с тех пор, как мы в последний раз сражались в настоящей битве с равными соперниками, — уточнил Олеандр и опять выстрелил, выругавшись, когда целеискатель потерял фокус. Дым играл злые шутки с его сенсорами. Ему оставалось лишь надеяться, что у эльдаров такие же проблемы.

— Нам нет равных, — сказал Мерикс, — Хотя должен признать, что притворяются они неплохо.

Сюрикен врезался в камень над его головой, и он с руганью спрятался обратно в укрытие.

Олеандр извлек пустой магазин. Если они здесь выживут, их ждала нехватка боеприпасов. Он потянулся за новым магазином, ничего не нашел и, вздохнув, уперся головой в упавшую колонну. Через некоторое время он поднял голову.

— От Фалопсида или Пульхрата что-нибудь слышно?

— Ксеносы прижали их в двух проспектах отсюда, — ответил Гулос, — Они свои улочки знают лучше нас. Когда этот полумир станет нашим, за ними будет очень интересно охотиться.

Выглядел он так, словно искупался в крови, но Олеандр сомневался, что его собственной на нем было много.

— А Никола? — спросил Мерикс, изогнувшись и выстрелив.

Гулос ухмыльнулся и ударил клинками друг о друга.

— Разлетелся на куски. Попал под огонь их орудийной платформы. Лидоний вне себя. Вы его разве не слышите?

Олеандр слышал. Вопли гигантского Узника Радости, возглавившего очередную атаку, разносились по всей площади.

Раздался пронзительный вой, и он, поморщившись, заглянул вглубь улицы. Там, в руинах, собирались выжившие какофоны, ведомые со всего поля боя каким-то нечеловеческим инстинктом. Они издавали звуки, не похожие на их обычный разрушительный грохот. Байл мог бы объяснить, что они задумали, но его здесь не было.

Над ними с немыслимой скоростью и изяществом промчался, скорбно воя двигателями, ксеносский истребитель с крыльями-полумесяцами. Подкрыльные орудия испускали лучи трещащей энергии, которая забирала жизнь у всех, кому не везло оказаться на их пути. На его глазах один космодесантник в разукрашенной броне отшатнулся, расцарапывая себя, и упал, мертвый и высохший. Еще несколько истребителей последовали за ним, оставляя за собой след из трупов.

— Это что-то новое, — равнодушно сообщил Гулос.

— Они тут ненадолго. Какофоны их уже заметили, — сказал Мерикс. Вскоре действительно раздался трубный вой, перебивая весь прочий шум, и один из истребителей разлетелся на части. На их позиции обрушились горящие обломки, а остальные корабли резко сменили направление и стали забираться повыше. Воины на пустыре радостно закричали, хоть и нестройно. Олеандр к ним не присоединился.

В суматохе он потерял Цимисхия из виду. Железный Воин исчез вскоре после того, как прибыл Блистательный, — вернее всего, присоединился к своим дорогим машинам. Олеандр надеялся, что брат еще жив. Он надеялся, что все еще живы. Если Байл погибнет, все его труды окажутся напрасны.

Поле боя сотряс крик, но не механический вопль какофонов и не трескучий рев дредноутов, а что-то более стихийное. Олеандр обернулся. Все его органы чувств резало, и было ощущение, что он проглотил что-то холодное и острое. Когда он увидел Блистательного, свет больно ударил по глазам. При виде

начинающейся трансформации ему самому захотелось кричать.

Блистательный стоял в центре боя, на груди покоробившейся психокости, в окружении умирающих врагов. Его тело, окутанное ореолом мутного света, раздувалось, керамит сминался и раскалывался, а плоть превращалась в нечто, одновременно большее и меньшее, чем у человека. Он кричал от удовольствия, и все, что было у него внутри, вскипало, питая бушующее в сердце пламя. Пламя его апофеоза. Возле него кружились мерцающие, полупрозрачные силуэты демонов, исступленным танцем приветствуя в своих рядах.

Его крики разносились по площади, а психокостные стены купола стонали от боли. Блистательный изогнулся, содрогаясь в конвульсиях. На свету показались очертания чего-то похожего на крылья, набравшего массу, темнеющего, обретающего реальность. Кипящая плоть сползла с новой чешуи, а старые смертные кости затрещали, превращаясь в нечто куда более прочное.

— Вот и все, — сказал Гулос, — Взгляни на это — на него. Это воплощенная красота. Он возносится, Олеандр... А ты летишь вниз.

Мечник развернулся на пятках и сделал выпад в бок Олеандра. Тот рефлекторно парировал удар и отступил. Затем посмотрел на Мерикса, но тот отвернулся. Отсюда помощи можно не ждать. Не то чтобы он на это рассчитывал. Кроме того, он также не рассчитывал, что Гулос сделает свой ход так скоро.

— Ты никогда не отличался терпением, да? — сказал Олеандр.

— Зачем ждать конца битвы? — ответил Гулос. — Убью тебя сейчас — и хлопот потом будет меньше. В отличие от сидящего здесь Мерикса, ты никогда не знал свое место. А Блистательный, на мой взгляд, слишком хорошо к тебе относится.

— Я думал о тебе то же самое.

Гулос зарычал и сделал еще один выпад. Олеандр отбил его в сторону, но не стал контратаковать. Вместо этого он продолжил отступать, заманивая противника поближе.

— Ты же знаешь, что он не собирается уходить. Наш Блистательный Король — не щедрый капитан. Он эгоистичный, избалованный и мелочный ребенок.

Гулос опять атаковал. И опять Олеандр парировал удар, но не

ответил, экономя силы.

— Отвечай мне, трус, — бросил Гулос. Он выставил клинки вперед и бросился к нему, перепрыгивая через трупы. Олеандр уклонился от одного удара, но второй был сильнее и точнее — чуть не сбил с ног и оставил на наплечнике царапину. Олеандр крутанулся и вскинул меч, чтобы заставить Гулоса отодвинуться. Гулос обошел его по кругу, жадно дыша.

— Тебе некуда бежать, аптекарий.

— Ничего страшного. У нас здесь будет хороший вид.

Гулос остановился.

— Вид на что?

— На гибель Блистательного, разумеется. Я давно думал, что имела в виду та демонетка. Она сказала, что они придут с севера. И вот он, север, и вот они. — Он показал в сторону. Гулос обернулся и замер, пораженный представлением, которое уже начиналось на площади.

Теперь Олеандр понял, в чем заключалась тактика эльдаров: разделить силы Блистательного и открыть путь к нему самому. Они использовали в качестве приманки собственных сородичей, уведя Детей Императора обещанием легкой добычи, а затем образовали огневой мешок, чтобы не подпустить тех, кто не повелся на приманку. А теперь пришло время смертельного удара в виде буйства цветов и треска магии.

Труппа арлекинов танцевала, скакала, скользила, топала и кружилась в вихре зелено-желтого света. Они изящно перепрыгивали с места на место или растворялись среди развалин. Вел их мастер труппы, величественно взмахивая руками и описывая мечом странные символы, словно дирижировал. По краю расхаживал шут смерти, отстреливающий всех, кто пытался помешать труппе. А в центре шумного, разноцветного вихря виднелись ведьмы Лугганата в оранжевых одеяниях — конклав эльдарских колдунов, чье молчаливое спокойствие резко контрастировало с клоунами, которые привели их к жертве.

Мастер труппы с важным видом подошел к Блистательному и низко поклонился.

— Приветствуем тебя, павший. Долгой была твоя история, но

она подходит к концу. Твой трон в вышине расшатывается, а моря судьбы тревожно плещут, — голос ксеноса был оглушительным, как гром, и тихим, как шепот, — Мы видели этот миг с тысячи углов и отмели все, кроме самых удачных. Нити твоей истории натягиваются, привязывая тебя к нему. Та, что Жаждет зовет тебя. Откажешь ли ты ей?

Худой воин опять поклонился, на этот раз еще ниже.

Блистательный качнулся и попытался ответить. Но не успел он ничего сказать, как труппа бросилась вперед с захватывающей дух синхронностью. Несколько арлекинов перепрыгнули через своего мастера, до сих пор согнувшегося в поклоне. Блистательный завопил и попытался защититься, но руки уже не работали так, как он помнил, а тело стремительно распадалось. Оно было бесполезным коконом, который следовало скорее сбросить. Он этого сделать не успел.

Арлекины закрутились вокруг него, изящно перепрыгивая через его удары и отрезая куски от трепещущей плоти. Эльдарские псайкеры между тем встали в круг позади них, и воздух запахом электричеством и чем-то кислым, когда они изящными движениями подняли свои мечи и копья и принялись описывать в сгущающемся воздухе странные блестящие узоры. Время от времени кто-нибудь из них оборачивался так быстро, что одеяние подбрасывало вверх, и атаковал космодезанта-ренегата, подобравшегося слишком близко. Но потом они всегда возвращались в круг.

Мутировавшее тело Блистательного задымилось. Под растягивающейся плотью завертелись странные огоньки, а крики изменились. В них больше не было раздражения, а было что-то другое... Страх. Чистейший ужас, какой Олеандр слушал с превеликим удовольствием. Арлекины начали отступать: сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, пока Блистательный не остался в кругу один.

Колдуны одновременно подняли мечи и единым движением вонзили их в Блистательного. Он закричал, и его тело начало распадаться. Пока он метался, насаженный на ксеносские клинки, его сущность стремительно перемещалась вверх, словно стремясь к холодно светящимся звездам. Скрученные кости развалились на осколки и по спирали полетели вверх на колдовском ветру, а демоническая плоть обратилась в дым.

А затем раздался хлопок вытесненного воздуха, и Блистательный Король в Радостном Отдохновении исчез.

Гулос зарычал и бросился на Олеандра. Тот попятился, но Гулос был быстрее, и он был зол. Олеандр попытался оттеснить его назад, как раньше, однако Гулос схватился за его меч, опустил тот к земле и ударил по нему ногой, расколов металл. В руке Олеандра остался только короткий обломок.

— Ты все равно никогда не умел с ним обращаться, — заявил Гулос.

Олеандр едва не споткнулся, пытаясь отступить за диапазон клинков своего противника. Гулос победно заревел и ударил, но Олеандр пригнулся и вонзил обломок меча ему в горло — прямо туда, где броня была тоньше всего. Узник Радости пораженно выкатил глаза. Олеандр вогнал зазубренный обломок поглубже, а когда почувствовал, что тот уперся в кость, отломил рукоять. Гулос выронил мечи и отшатнулся, тщетно скребя пальцами по обломку металла в горле.

— Маленький аптекарский фокус. Благодаря ему рана остается открытой. В обычном случае твой орган Ларрамана не дал бы тебе истечь кровью, но металл мешает образованию рубцовой ткани.

Гулос упал на колено. Мокрые от крови пальцы ухватились за край клинка, пытаясь его вытащить. Он не сводил глаз с Олеандра, но огонь в них уже угасал. Олеандр приставил карнифекс нартециума к виску Узника Радости.

— А вот тебе еще один фокус. Покойся с удовольствием, Гулос.

Адамантиевый штырь с шипением вылетел вперед, и огонь угас навсегда. Гулос повалился набок. Олеандра охватила приятная дрожь.

— Это было восхитительно! Я даже не представлял, что будет так хорошо.

Он отшвырнул в сторону рукоять сломанного меча и подобрал один из клинков Гулоса. Древняя реликвия вибрировала от скрытой в ней силы, и эта вибрация доходила до самых костей. Он один раз взмахнул на пробу.

— Это меч Гулоса, — заметил Мерикс. За все время боя он и мускулом не шевельнул, доказав, что вовсе не так глуп, как все думают.

— Уверен: он не будет возражать, — ответил Олеандр, — К тому же я собираюсь носить его только до тех пор, пока не найду что-нибудь более подходящее, — Затем он приставил острие к горлу Мерикса, — А ты?

Мерикс помолчал.

— У меня уже есть клинок, — сказал он наконец.

— Я так и думал, — ответил Олеандр, осматривая площадь, — Хватай, что можешь. Пора отступать. Эльдары перегруппировываются. Я слышу, как воют их двигатели на том, что тут вместо ветра. А для последнего боя нужно место поторжественнее.

— Мы отрезаны от стыковочной башни. Возвращаемся через галерею, — приказал Байл, пытаясь перекричать вой двигателей, злобный рев болт-автоматов и заунывное пение сюрикеновых катапульти. Он пнул одного эльдара, скинув его с мостика. Оранжевая фигура исчезла в дыму, который поднимался снизу. Байл обернулся, поднимая посох. Сюрикены забили в грудь колючим дождем, едва не сбив с ног. Плащ принял на себя большую часть выстрелов, и обрывки повисли среди лезвий, торчащих из нагрудника.

Все еще находясь в неустойчивом положении, он выстрелил. Один эльдар дернулся и упал, выронив оружие. Байл зашипел и ударил его посохом по голове, проломив и шлем, и хрупкий череп под ним. Сквозь грохот битвы прорывался другой звук — сначала едва слышный, но с каждой секундой он становился все громче. Он проникал на все вокс-частоты, постепенно заглушая все. Звук вызывал ассоциации с мечом, который медленно затачивали до убийственной остроты.

Он знал, что это за звук. Боевая песня какофонов, только усиленная и многократно задублированная. Байлу подумалось, что именно это имел в виду Рамос, когда они разговаривали на «Кваржазате». Тот тогда сказал, что их песня сотрясет основы мироздания. Байл не знал, что именно они планируют, но подозревал, что к началу представления лучше отсюда убраться.

Эльдарские стражи стремительно наступали сквозь дым, заполонивший галерею, и стреляли на ходу. Байл с остальными оказался под огнем, как только они вышли из купола. И не только от стражей. За галереей носились реактивные мотоциклы, поливая

отступающих ренегатов сюрикенами. Двигались они так быстро, что даже его боевые сервиторы не успевали отвечать. От массивных механоидов остались только дымящиеся груды металла.

Одного из воинов Савоны мотоциклы поймали на открытом пространстве, и он упал, истекая кровью из тысячи ран. Умирая, он смеялся и восторженно дергался.

Выжившие Дети Императора бросились в атаку, едва увидели новых врагов, и, добравшись до них в центре галереи, кинулись на ксеносов, как бешеные псы.

Савона танцевала в центре боя, ломая молотом кости и сминая броню. Ксеносы превосходили их числом почти вшестеро, но Детей Императора это мало волновало. Ножи и мечи успешно собирали кровавую дань.

Когда реактивные мотоциклы над ними на головокружительной скорости описали вираж, разворачиваясь для нового захода, Саккара с решительным видом вышел вперед. Демоны, выпущенные из склянок, кружились вокруг него, как чудовищная аура, и щелкали призрачными челюстями. Он раскинул руки в стороны и выплюнул одно слово. Температура упала, в воздухе запахло чем-то маслянистым, и отпущенные нерожденные с радостным воем понеслись к приближающимся мотоциклам.

Когда первый мотоцикл взорвался, Байл обернулся и вновь бросил взгляд на роццу с кристаллическими провидцами. Несмотря на суматоху, ему удалось собрать пробы с деревьев и несколько камней душ, украшавших стены купола. Но этого было мало. Он помедлил. Возможно...

— Главный аптекарий, пора уходить, — сказал Арриан.

— Да, конечно, — ответил Байл. Эльдары отступали вниз по галерее, оставляя за собой трупы товарищей. Дети Императора не стали их преследовать: развлечься можно было и с мертвыми. Савона пыталась вытащить из брони одного камень души, когда Байл сказал:

— Женщина, мы уходим.

Она положила слабо мерцающий камень в сумку на поясе и встала.

— Я так не думаю. Нам предстоит убить еще множество эльдаров и собрать множество душ ради Владыки Темных

Наслаждений.

— Эльдары прямо сейчас перегруппировываются. В единении безопасней.

— Безопасней, — фыркнула она. — Нигде не безопасно. Ты слышал тот крик так же ясно, как я. Блистательный мертв, и все, что нам остается, — это следовать своим желаниям, пока еще есть время. Рано или поздно эльдары нас уничтожат.

Тот крик разнесся по всему рукотворному миру, сотрясая его от вершины до основания, ломая психокость и поджигая сам воздух. Байл был на Йидрисе и прекрасно знал, как звучит апофеоз. Он начинался в самых дальних глубинах души и расширялся, пока все тело не начинало дрожать в жутком предвкушении этого события. В этот раз все было иначе.

В этот раз ему показалось, что в мозг ему вонзили клинок. В теле резко вспыхнула боль, а потом каждую мышцу скрутило. Когда крик отгремел, рукотворный мир на мгновение замолк, словно весь шум и всю ярость высосали из воздуха и выбросили в пустоту. Теперь звуки вернулись, а эльдары принялись теснить врагов с удвоенным усилием.

Байл не знал, что именно помешало восхождению Блистательного, но подозревал, что в этом замешаны арлекины. Теневидица своими виршами фактически подтвердила, что вся эта затея была лишь ловушкой для него и, возможно, Двенадцатой.

— И все же надо идти вперед, — сказал он, — Там эльдаров можно будет убивать с тем же успехом, как тут.

— Где?

Байл постучал по уху.

— Следуй за шумом.

Савона моргнула и посмотрела вверх. Буря шума стала громче и ясно слышалась за грохотом войны. Психокость от нее вибрировала, колонны шли трещинами, а изящные скульптуры прогибались.

— Что это? — спросила она, оборачиваясь. Эльдары стекались к изгибающимся мостам за галереей. Мосты представляли из себя широкие улицы с тонкими колоннами по бокам, и единственным

укрытием на них были раскиданные тут и там обломки. Это были поля смерти. Ксеносам явно надоело атаковать галерею. Они решили ждать, когда Дети Императора сами к ним придут.

— Музыка войны, — произнес Байл, разглядывая эльдаров на ближайшем мостике. Там были несколько ударных команд, расположившихся в шахматном порядке, и двуногие шагатели в качестве поддержки. Лишь глупец или безумец осмелился бы пойти на них, — Это шум какофонов. Я его прекрасно знаю. Они должны быть вместе с главной ударной группой. Если доберемся до центральной точки прорыва, можно будет начать организацию отхода с боем.

— Кто назначил тебя главным? — поинтересовалась Савона, приподнимая молот.

— Блистательный мертв. А я все еще лейтенант-командующий Детей Императора, — ответил он, проверяя игольник. Савона напряглась и покосилась на своих воинов, но они смотрели на Байла, — Я знаю некоторых из вас, — продолжил он, все еще проверяя оружие, — Оската, я восстановил тебе сердце во время атаки на Луну Шестьдесят пять Семьдесят восемь. Беллеф, я дал тебе новые глаза, когда старые оказались несовершенными. Вы оба следовали за мной, когда я пытался вытащить легион из болота, в котором бросил его Фулгрим. Вы последуете за мной снова? — Он поднял взгляд. — А ты, Деукалий? И ты, Аргимед?

— Она наш командир, — сказал Беллеф, чью броню сплошь покрывали строки похабной кемосской поэзии. — Мы поклялись следовать за ней.

Но в его голосе не было уверенности.

— Вы также клялись следовать за мной, — сказал Байл, затем перевел взгляд на Савону, — Ты молодец, что зашла так далеко. Но если хочешь идти дальше, тебе придется следовать за мной.

— Или ты меня убьешь? — спросила Савона.

— Нет. Они убьют.

Савона огляделась. Ее воины отворачивались, не желая встречаться с ней взглядом. Тогда она вновь посмотрела на Байла.

— Я последую за тобой... лейтенант-командующий.

Байл несколько секунд смотрел ей в глаза. Затем вернулся к эльдарам. Он указал посохом на ближайший мостик.

— Идем туда. Придется через них пробиваться. Не останавливайтесь. Не сбавляйте скорости.

— Я знаю, как воевать, старик, — бросила она, злобно глядя на своих воинов. Осада хмыкнул и вытер нож чьим-то окровавленным скальпом. Аргимед насвистывал задорную мелодию, примеряя самодельное ожерелье из ушей. Остальные проверяли оружие или готовили гранаты. Их было двадцать человек. Не армия, но сойдет.

— Я воевал, когда тебя еще в планах не было, дитя, — ответил Байл. Затем он выпрямился и медленно выдохнул. Ему уже несколько веков не доводилось наступать по открытой местности. И в прошлом ему это совсем не нравилось, — Когда окажемся на открытом пространстве, они попытаются подпустить нас поближе и перестрелять под одному. Цельтесь хорошо. — Байл поднял посох. — Что ж, давайте посмотрим, как эти изощренные дегенераты будут отвечать на грубое насилие. Давайте покажем, что значит играть в войну с Детьми Императора.

Дети Императора открыли огонь и двинулись в сторону линии из воинов в оранжевой броне. Эльдары начали медленно и целенаправленно отступать, стреляя на ходу. Те, кто до сих пор ждал на других мостах, начали стекаться на помощь сородичам. Астартес-ренегаты разошлись веером, двигаясь с вымуштрованной четкостью, которая провела их через тысячи войн. Каждый из них стоил армии, и они сражались с нечеловеческой синхронностью, подчиняясь древним ритмам боя.

Фраг-гранаты отскакивали от психокостного пола и взрывались, подбрасывая эльдаров в воздух. Цепные мечи и топоры с жужжанием впились в ксеносскую броню и плоть, как только Дети Императора добрались до их передовых позиций, и бледные колонны, поднимающиеся по бокам бульваров, омыло кровью их защитников.

Хирургeon предупреждающе зазвенел в ухе шагающего Байла. Он сжигал боевые стимуляторы и наркотики, едва те попадали в вены. Машина делала все возможное, чтобы он оставался на ногах, но силы иссякали. Он проигнорировал предупреждение: на ретинальном дисплее замигал и скользнул по границе зрения целеискатель.

Сенсоры брони выбирали цели с механической точностью. Он

стрелял не думая и не колеблясь, полностью положившись на сенсоры. Поддерживающиеся тела подтверждали, что целеискателю можно доверять.

Судя по ретинальному дисплею, Арриан находился в авангарде с Савоной и самыми быстрыми ее воинами, непринужденно раскалывая черепа и отрубая конечности. Саккара занимал позицию слева от Байла, выбирая цели с холодным, презрительным видом и стреляя из болт-пистолета с молитвой на устах, призывавшей проклятия на головы ксеносов, осмелившихся встать у него на пути.

Один из воинов Савоны покачнулся и упал. Его броню покрывали кровавые кратеры. Байл переступил через него, не сбавляя шага. Эльдары приближались, и он поднял посох, взывая к его темной энергии, собираясь с силами перед предстоящим боем. Но когда он приблизился, послышалось характерное жужжание болт-пушек. В дыму за ксеносами вышагивали четыре огромные фигуры, подобные мстительным богам войны.

— Ложись! — крикнул он, падая на колено. Услышав приказ, остальные последовали его примеру. «Кастеллаксы» открыли огонь, выкашивая ксеносов на мосту. По рядам эльдарских воинов пронеслись встревоженные крики. Одна из боевых машин прошла мимо Байла, ступая так тяжело, что мост ходил ходуном, и ее орудия с грохотом разрывали эльдаров, пытавшихся зайти с других путей. В один момент машина остановилась и, не переставая сыпать какой-то безумной, кровожадной бессмыслицей, описала из орудий намеренно неторопливую дугу. Воздух наполнился пылью и смертью.

Байл поднял голову и принял протянутую руку Цимисхия. Железный Воин помог ему подняться.

— Откуда ты взялся, брат?

Цимисхий показал на сервочереп, который висел в воздухе, не сводя оптических сенсоров с поля битвы. Байл рассмеялся:

— Разумеется.

Цимисхий постучал по груди двумя пальцами. Байл кивнул:

— Полностью согласен, Верховный Цимисхий. Эвакуироваться давно пора. Вперед. — Он перевел взгляд на Савону: — Еще хочешь развлекаться?

Она улыбнулась и закинула молот на плечо.

— Есть только одна вещь, которая приятнее красивой смерти, — это возможность отложить смерть на другой день. Веди, лейтенант-командующий Фабий.

Глава 21

Песня раскола

Шум какофонов сопровождал их все время, пока они пробивали себе путь к площади. Их песнь оглушала. Она проникла на все частоты, заглушив просьбы о помощи и призывы к отступлению. Пока Байл вел свою небольшую банду по извилистым улицам рукотворного мира, к ним присоединялись воины, потерпевшие поражение или оставшиеся одни из-за суматохи.

Байл был ошарашен тем, как знакомо все это выглядело. Ему вспоминались похожие отступления и великие поражения. Кровавый исход со Скалатракса, побег из Града Песнопений... Литания последних рубежей и провалов, тянущаяся до самых границ памяти. В определенный момент поражения стали Детям Императора привычнее, чем победы. И тем не менее они продолжали стремиться к совершенству. Что ими управляло — глупость? Или озлобленное упорство? Воля к успеху любой ценой?

Эту волю можно было переделать, вернув ей силу и величие. Ему вспомнилось одно видение в роще: с лейтенантом-командующим Фабием, облаченным в пурпур и ведущим возрожденный легион на войну. Но он раздраженно отбросил эту мысль. Всего лишь фантазии. А сейчас на них не было времени.

К тому моменту, как они добрались до границ площади, к ним присоединилось больше сотни воинов, в основном Астартес-ренегатов. Они превратились в тяжелый керамитовый кулак, способный пробить почти любую линию фронта. Но эльдары явно предпочитали отстреливать их издалека. Они расстреливали полуорганизованную колонну с крыш и из окон, не давая им выйти за пределы главного бульвара. На пути им постоянно встречались следы боя. Пожары бушевали по всему рукотворному миру, а в развалинах танцевали странные силуэты: нерожденные, продолжающие развлекаться несмотря даже на то, что они уже растворялись и постепенно возвращались в свою сознательную пустоту, или смертные последователи Владыки Наслаждений, у которых желания

оказались сильнее инстинкта самосохранения.

Песнь какофонов между тем становилась все громче. С высоты падали обломки кирпичей, и возникало впечатление, что весь мир-корабль сейчас от тряски развалится на куски. Возможно, в этом и состоял их план. В таком случае Байл надеялся, что они подождут, когда он сможет насладиться этим с безопасного расстояния — желательно с борта «Везалия», улетающего из системы.

Они добрались до площади как раз вовремя, чтобы увидеть смерть Благословенного Лидония. Гиганта-Узника окружило несколько эльдарских конструкторов — высоких машин из психокости, очертаниями отдаленно напоминающих самих эльдаров, с пустыми масками шлемов, в которых отражались бушующие вокруг пожары. Их массивные орудия вывернули наизнанку и обратили в золу тех немногих воинов, которым не повезло сражаться рядом с Лидонием. Когда они приблизились к самому Лидонию, тот описал громовым молотом широкую дугу, смяв эльдарского конструктора, но остальные обратили на него свои орудия, и его рев замолк навсегда.

Затем они одновременно обернулись. Байл поморщился, осознав, почему их никто не остановил. Перед ними стояла сплошная стена из эльдарских машин с поддержкой из стражей, и она никого не собиралась ни пускать на площадь, ни выпускать из нее. Однако в эту игру могли играть двое. Байл поднял руку:

— Цимисхий, будь так любезен, открой нам путь.

Цимисхий дал знак, и его боевые автоматы бросились вперед, грохоча орудиями. Массивные роботы тут же пробили во вражеской линии дыру, раскидав эльдарских конструкторов в стороны или используя их в качестве импровизированного оружия против остальных. Те мгновенно переключились на явную угрозу, как Байл и надеялся. Их хозяева остались одни против Детей Императора.

— Бегите, пока они заняты, — сказал он, поднимая посох, — Живей, глупцы!

Он отбросил одного ксеноса в сторону и ударил посохом по земле с такой силой, что психокостная палуба пошла трещинами, а окружающих эльдаров сбило с ног.

— Повелитель, вы живы!

Обернувшись, Байл увидел спешащего к нему Олеандра с мечом

в руке, за которым по пятам следовал Узник Радости по имени Мерикс. Байл узнал древний меч Блистательного, как только Олеандр его поднял, и удивился, где бывший студент сумел его отыскать. Апотекарий вел уверенно идущую фалангу из Детей Императора. Их было немного, но достаточно, чтобы эльдары дважды подумали, стоит ли подходить ближе.

— Что с Лидонием? — спросил Олеандр, дойдя до Байла, — Он вел отступающих...

— Мертв, — ответил Байл, — И мы скоро к нему присоединимся, если не найдем укрытие.

— Боюсь, мы его не найдем, — ответил Олеандр. — Вся площадь разваливается на части.

Земля затряслась, словно желая подтвердить его слова. Одна башня вдали треснула, медленно наклонилась и упала, ломая при падении мосты. По улицам покатились волна пыли и дыма.

Эльдары пошли в наступление, используя пыль в качестве укрытия. На них была сегментированная зеленая броня, придающая им сходство со смертоносными насекомыми, а удлиненные выступы по бокам шлема стреляли иглами из белого огня. Байл заблокировал одну атаку цепным мечом, схватил за запястье тонкую руку с сюрикеновым пистолетом и отвел ее в сторону в момент выстрела. Эльдар оказался на удивление сильным, но недостаточно. Байл сломал ему запястье, а лапа хирурга с костяной пилой проткнула ему визор и с влажным звуком впилась в мозг.

Новые эльдары в зеленой броне влетели в неорганизованные ряды Детей Императора, изолируя отдельных воинов и с беспощадным изяществом расправляясь с ними.

— Спиной к спине! — крикнул Байл, усиливая громкость вокса, чтобы его голос пробился сквозь вой какофонов, — Не давайте им разделить нас!

— Мне кажется, я уже слышал эту песню, — заметил Олеандр, со свистом опуская меч на эльдарский клинок, — Слова другие, но мелодия та же. Это так успокаивает.

Он крутанулся в сторону, освобождая путь Арриану, который тут же бросился мимо, выставив перед собой фальксы. Оба вонзились в грудь захваченному врасплох ксеносу. Арриан дернул плечами, и

эльдар распался на кровавые куски.

— «Успокаивает» — не самое подходящее здесь слово, — сказал он. Заметив, что шумодесантники собираются в дальней стороне площади, он добавил: — Не знаю, что они делают, но им лучше делать это побыстрее. — Затем он покосился на оружие Олеандра, — Новый меч?

— Подарок на память, — ответил Олеандр. — Вы прибыли к самому финалу представления, повелитель. Как пунктуально!

— Хватит острить. Что задумал Рамос со своими братьями? — спросил Байл.

— Осмелюсь утверждать, что мы узнаем прямо сейчас... Слушайте!

Крик какофонов поднимался все выше и выше, достигая невозможного крещендо. Он поднялся так высоко, что даже улучшенный слух космодесантников больше не мог его услышать, но мог мир-корабль. Когда пронзительный вой поднялся до ультразвука, корабль затрясло сильнее. Земля под ногами вздымалась и шла волнами. Психокость отслаивалась, обнажая мигающие сети, которые вскоре охватывало пламя сверхъестественного света. Башни стонали, мосты от резонанса слетали с опор. Площадь стала эпицентром мощнейших вибраций, распространяющихся во все стороны. Купол над ними треснул, воздух хлынул наружу. Один эльдар покачнулся и завыл, когда его камень души лопнул от звука.

Одна башня взорвалась от резонанса. А затем еще одна и еще. Четвертая, пятая. На площадь с мощью божественных кулаков посыпались камни, поднимая облако пыли. И эльдаров, и космодесантников сбивало с ног и погребало под тоннами обломков с разрушающихся верхних уровней.

Затем наступила тишина.

Байл с трудом поднялся, не переставая кашлять. Пыль и частицы психокости забили ему все респираторы. Голова болела от прошедшей вибрации.

— Мне кажется... Мне кажется, сейчас точно надо улетать, — проговорил он, ища взглядом остальных. Он нашел Арриана и Олеандра, засыпанных пылью. Через развалины к ним пробиралось несколько групп из Детей Императора, пытающихся объединиться

после перенесенных потерь и выбраться из ловушки, в которую они с такой радостью попали, — Идем к «Когтям ужаса».

Где-то тихо рассмеялись. Обернувшись настолько быстро, насколько позволяли уставшие, измученные стимуляторами мышцы, он заметил всполох зеленого, золотого и черного. Из пыли выбежала знакомая разноцветная фигура с опущенным мечом, и он с опозданием узнал арлекина, который напал на него на Грандиозной. Но на этот раз не он был его целью. Олеандр крутанулся, но он был слишком медленным в сравнении со своей смертью.

А потом между ними оказался Цимисхий, бросившийся наперерез, как железный бык. Из-за его вокс-решетки несясь бессловесный рев — первый звук, который он издал на памяти Байла. Арлекин крутанулся на пятках, мгновенно меняя направление. Его клинок промелькнул в воздухе, и рев Цимисхия оборвался. Цепной топор выпал из руки. Он упал на колени. Арлекин отступил, на мгновение замерев в нерешительности при виде этого непредвиденного события. Олеандр метнулся вперед, делая выпад, — и голова мастера трупы, украшенная высоким гребнем, покатилась в вихре пыли.

Остальная труппа исчезла в тени так же быстро, как появилась, и только разноцветные пятна на их одежде мигали, как огоньки. Байл огляделся. Цимисхий оказался не единственной жертвой. Больше половины стоявших рядом Детей Императора были мертвы или умирали. Савона и Мерикс были живы, но ранены. Выжившие стреляли в пыль, тратя немногочисленные боеприпасы на тщетные попытки попасть в арлекинов.

— Отставить огонь, глупцы, отставить огонь! — сказал Байл. Он ударил по земле посохом, отчего по пыли побежали волны красного света. Болт-автоматы один за другим замолчали.

— Зубы кусают, а когти ловят, — пропели наверху. Байл поднял голову. Теневидица арлекинов сидела на упавшей колонне, опираясь на посох. Тени и пыль окутали ее саваном. Взгляд из-за серебряной маски был направлен прямо на него.

— Полагаю, одни ничем не лучше других.

— Главный аптекарий, — начал Арриан. Пожиратель Миров был напряжен, как пес, натягивающий поводок. Он поднял клинки и столкнул их друг с другом. Байл махнул рукой.

— Подожди. Позаботься о Цимисхии, — Затем он смерил эльдара взглядом, — Ты пережила бой с демоном? Не ожидал.

— Это история не о моей смерти, — просто ответила теневидаца, — И не о твоей, если ты выслушаешь меня, лейтенант-командующий Фабий. Глава аптекариона. Истинный сын Кемоса.

— Ты хочешь сдаться? — спросил Байл.

Арлекинесса схватилась за бока и зафыркала, дергая ногами. Из руин донесся смех. Остальные члены трупы все-таки далеко не ушли. Байл нахмурился. Позади раздался стон. Обернувшись, он увидел, как Олеандр приподнимает Цимисхия, а Арриан ощупывает рану. Пожиратель Миров поднял на него взгляд и покачал головой. Байл стиснул челюсти и услышал треск зуба.

— Цимисхий, — позвал Олеандр.

Цимисхий хрипло выдохнул и схватил его за плечо.

— Б... брат, — проговорил он голосом, похожим на шелест статики. Затем его голова запрокинулась, и он потяжелел. Олеандр на секунду закрыл глаза и склонил голову, затем поднял взгляд на теневидацу.

— Ты пыталась меня убить.

— Солнечный Граф должен умереть, аптекарий, так прописано в роли, — ответила эльдар, вставая. — Царь Перьев сбрасывает свои лохмотья и возвращается на трон, возрожденный и сильный, но Солнечный Граф умирает у его ног, раненный в момент триумфа. Его смерть наполняет Царя Перьев решимостью, и он исполняет свое предназначение. Таков сюжет.

— Значит, это плохой сюжет, — сказал Байл.

— Может быть. Но пьеса закончена. Блистательный Король свергнут, его подданные в смятении, а трон пустует. — Ксенос обратила на Байла свой серебряный взгляд. — Займи свое место, Царь Перьев.

— Она права, — сказал Олеандр. — Отложите окровавленный скальпель и возьмите уже трижды проклятый меч.

Он развернул меч и протянул его рукоятью к Байлу. Тот приблизился, постучал пальцами по навершию и убрал руку.

— Ага. Игра наконец проясняется, — сказал он, — Я давно думал: к чему все эти разговоры о легионе и братстве, Олеандр? Должен признать: ловко сделано. Атаковал со всех сторон и одновременно ни с одной, — Он так устал. Со времен Терры он чувствовал себя таким усталым. Словно все его грехи разом легли ему на плечи, — Тебя можно поздравить.

— Я сделал только то, чему вы меня учили. Только то, что я должен для блага пациента.

— Что ты наделал, брат? — спросил Арриан, вставая от тела Цимисхия.

— Разве это не очевидно? — произнес Байл, — Он заключил сделку с этими дьяволами. Обменял нас на этих болтливых клоунов. А теперь они пришли за платой.

— Предатель, — прорычала Савона. Она хотела броситься на него, но Мерикс схватил ее и покачал головой. Под взглядом Байла она успокоилась.

— Разумеется, я заключил с ними сделку, — ответил Олеандр. — С помощью своей магии они увидели эту атаку еще несколько лет назад, если не веков. Вероятность атаки, во всяком случае, — Он повернулся к Байлу: — Я говорил вам, что Блистательный харизматичен. Через пару сотен лет он стал бы непобедим и собрал бы флот, способный разбить этот жалкий полумир на осколки. Но теперь он мертв, и эльдарам ничего не угрожает, и у нас есть армия, которой нужен новый лидер. Лидер, способный вытащить их из огня, спасти их от вымирания. Показать им лучший путь.

— Ты, — сказал Арриан.

— Нет, брат. Он, — ответил Олеандр, показав Кобе-лески на Байла. — Это должны быть вы, повелитель. Из всех, кто остался, только вы на это способны. Когда эта армия станет вашей, вы сможете постепенно собрать легион по кусочкам. Вы можете исцелить нас, главный аптекарий. Вы можете сделать нас одним целым. Все это было сделано ради вас.

— И чья это идея? — спросил Байл, размышляя над видениями в роще кристаллических провидцев, — Твоя, Олеандр? Или их?

— Я не знаю, — ответил Олеандр и огляделся, — Разве это

важно? Я знаю только, что теперь у вас есть шанс восстановить все, что мы потеряли. Граду Песнопений не обязательно становиться нашей эпитафией, повелитель. У вас в руках источник новой жизни. Двенадцатая рота еще жива — побита и обескровлена, но жива. С ее помощью мы соберем остальных. Мы возродим Третий легион. Починим то, что было сломано. Только подумайте, чего вы сможете достичь, если только возьмете на себя бремя...

— Ха, — перебил его Байл. — А вот и она. Ловушка.

Сверху раздался арлекинский смех. Ксенос хлопнула в ладоши:

— Не ловушка, Фабий, а роль. Предназначенная тебе роль, роль всей твоей жизни. Когда же, когда же ты начнешь играть?

— О чем она? — спросил Саккара.

— О ловушке, — ответил Байл, — Бремя командования. На то, чтобы исцелить, возродить Третий, уйдут все мои оставшиеся силы. И мне придется пожертвовать всем, над чем я работал. Почти как в прошлый раз.

— Повелитель... — начал Олеандр.

— Я, кажется, просил не называть меня так, — сказал Байл, хватая Олеандра за горло. — Будь у меня такая возможность, я переписал бы каждую окровавленную страницу нашей истории, чтобы она стала идеальной, — прошипел он и поднял своего бывшего студента. Керамит треснул под его пальцами, а хирургeon предупреждающе выдохнул в ухо, — Но такой возможности у меня нет. Нельзя усовершенствовать то, что мертво. Ты лишь тратишь мое время.

Посмотрев за плечо, он заметил, как мелькнуло что-то зеленое. Арлекины стекались к ним — может, для очередного боя, а может, просто чтобы посмотреть, что будет дальше. В конце концов, они не хотели его убивать. Он поднял голову на существо, усевшееся на упавшей колонне.

— Вот ваша цель, — сказал он, поднимая посох, — Вы хотите, чтобы я впустую тратил свое время — то небольшое, что у меня осталось, — на попытки воскресить мертвого.

— Разве не этим занимаются апотекарии, монкей? — со звонким смехом спросила эльдар, — Неужели мы ошиблись? Неужели ты пал так низко, что не узнаешь свое предназначение, когда оно само тебя

находит? Мы предлагаем тебе жизнь, а ты называешь ее смертью.

— Я знаю свое предназначение лучше тебя, клоунесса, — рассмеялся Байл. — Вы увидели будущее, в котором бедняга Касперос уничтожает этот мир. Интересно: что я такого сделал в том далеком будущем, что вы перепугались и теперь пытаетесь приковать меня к старой работе? — Он швырнул Олеандра на землю и поднял руки. — Нет, не отвечайте, я сам знаю. Я построю лучшее будущее на костях настоящего, даже если это будет стоить мне жизни. Других вариантов нет.

— Варианты всегда есть, — ответила она. В ее голосе больше не было веселья. Ни намек на смех. Байл вдруг осознал, что совершил самое страшное преступление — отошел от сценария. И ответил на непроницаемый серебряный взгляд злобной ухмылкой. Внутри поднялась волна удовлетворения. Он никогда не любил проторенные тропы.

— Не для меня, — ответил Байл, опуская руку к игольнику. По венам понеслись стимуляторы, хирургeon опасливо заныл. Байл не обращал на него внимания. Стимуляторы были ему нужны еще ненадолго. — Пусть Галактика горит. Я выживу. Моя работа выживет. Человечество выживет — благодаря мне. А вот ты, боюсь, нет.

Он выхватил игольник со всей усиленной стимуляторами скоростью и выстрелил. Арлекинесса, издав пронзительный вопль, дернулась и упала, пропав из виду. Он не был уверен, что попал, но это не имело значения. Из-за пыли и развалин доносились злые крики. Скоро вся труппа бросится на них.

— Что вы наделали? — воскликнул Олеандр.

— То, что всегда делаю. Сам выбрал свою судьбу, — ответил Байл и махнул в сторону ближайшего «Когтя ужаса». — Улетаем, сейчас же. Оставайтесь или отправляйтесь со мной, решать вам, — добавил он, глядя на Савону и Мерикса, — Блистательный мертв, а ваши товарищи либо мертвы, либо скоро умрут. Собирайте, кого можете, если надо. Но улетать нужно сейчас и быстро, если хотим выжить.

Десантно-штурмовые корабли поднялись над площадью, обмениваясь огнем с эльдарами, а «Когти ужаса» с ворчанием ожили и убрали якорные крюки. Байл подозревал, что большинство

ошалевших от боя Детей Императора отступление не переживут. Но некоторым удастся. Возможно, их даже будет достаточно, чтобы эта затея не оказалась абсолютно бесполезной.

— А я? — спросил Олеандр, опираясь на меч, чтобы подняться. Не выпуская меч, он встал лицом к Байлу, — Вы откажетесь от трона, который я для вас завоевал, лишь потому, что я скрыл правду?

— Мне следовало бы убить тебя здесь и сейчас, — сказал Байл, поднимая игольник. — Ты лишил меня ценного помощника и отправил врагов по моему следу. Я говорил, что милосердие есть предел, Олеандр. Ты моего достиг. Но в знак признания твоей прошлой службы я оставлю тебя искать собственную судьбу, как я. — Он опустил пистолет и направился к «Когтю страха».

— Повелитель... Главный аптекарий, — позвал Олеандр.

Байл остановился на рампе. Он не стал оборачиваться, только ждал.

— Я был рад вновь поработать с вами, главный аптекарий.

— Прощай, Олеандр, — проговорил Байл.

Когда люк на «Когте ужаса» начал закрываться, Олеандр вскинул меч Блистательного — возможно, прощаясь. Или салютуя ему, как солдат командиру. Затем все, кроме люка, пропало.

Отлет с Лугганата был кошмаром, заполненным ревом двигателей и трясущимся полом. Многие из атакующей группы проигнорировали приказ об отступлении и вместо этого принялись с удвоенной силой удерживать позиции. Они погибли, но те, кому хватило ума воспользоваться отвлекающим фактором, были благодарны им за усилия. В целом до корабля добралось чуть больше сотни космодесантников, включая несколько пугающе тихих шумодесантников, в числе которых был Рамос.

Сходя по рампе, Байл пошатнулся. Арриан поймал его.

— Опирайтесь на меня, главный аптекарий, — тихо сказал он. Байл его почти не слышал. Он держался за грудь, отчаянно пытаясь вдохнуть. Боль была сильнее, чем раньше. Из ноющей она превратилась в мучительную. Его тело умирало.

— Благодетель, вы ранены.

Подняв взгляд, он увидел, как к нему бежит Игори, а остальная

стая следовала за ней. Она схватила его, помогая Арриану.

— Я же велел тебе возвращаться на «Везалий», — едва слышно прохрипел он. Корабль тряхнуло под обстрелом. Снаружи все еще шел бой. Даже если «Кваржазату» удастся выйти из боя, он останется легкой мишенью, если только не улетит как можно дальше.

— Велели, — ответила Игори. — Но я этого не сделала. Я знала, каким путем вы вернетесь. Я хотела встретить вас. Я приказала Вольверу вывести «Везалий» из системы, подальше от боя. Эльдары его даже не заметили.

— Хорошо, — ответил Байл и заставил себя выпрямиться, невольно захрипев. Эффект от последней дозы стимуляторов проходил, и все болело. Сирены истошно завопили, и корабль опять затрясся. Он услышал звук далекого взрыва, в воздухе запахло паленым. «Кваржазат» кричал от боли.

— Что теперь? — спросила Савона. Ее лицо было местами обожжено, а по подбородку текла кровь. — Что насчет нас?

Лампы мигнули, пряча ее в тень.

— Что насчет вас? — процедил Байл. Он оттолкнул Арриана и Игори, стараясь не обращать внимания на боль в конечностях, — Здесь все очевидно, женщина. Служи мне или умрешь. Вот твои варианты, — Байл окинул взглядом выживших Узников Радости. — Мне всегда нужны сильные руки или запасные органы. Вам решать, что вы мне дадите.

Палубу тряхнуло. Воздух был задымленным и пах огнем.

— Надо улетать из системы, пока эльдары не организовали погоню, — сказал он, — Надо отправляться на «Везалий», — Он махнул рукой Арриану, — Иди на командную палубу, возьми контроль над этим монстром и направь его в нужном направлении. Мне надо отдохнуть.

Он оставил их и побрел в покои Блистательного. Корабль, раньше переполненный ужасами, теперь был пустым и тихим. Экипаж прятался на своих постах, настороженно наблюдая за ним или в ужасе вопя после каждого попадания.

Когда Байл добрался до покоев Блистательного, палуба затряслась под ногами, и он понял, что могучие двигатели заработали, чтобы развернуть крейсер класса «Лунный» и унести его

прочь от раненого мира-корабля. Двери раздвинулись, и он прошаркал внутрь. Демонов не было. Со смертью Блистательного развлекать стало некого, и они ушли во Внешнюю Тьму. Зал погрузился в тишину.

Байл огляделся, задерживая взгляд на гнилых гобеленах и ржавых трофеях. Обломки впустую прожитой жизни. Байл подобрал побитый шлем и вгляделся в имперского орла, припаянного к маске.

— Мы были избранными. Мы были светом и будущим, а теперь мы — лишь холодный пепел, разбросанный по пустым страницам истории, — сказал он. Эхо его голоса разнеслось по огромному залу. Он отшвырнул шлем прочь. Олеандр не был абсолютно неправ. Все зависело от него. Все всегда зависело от него. Никто другой не обладал его предусмотрительностью, его пониманием. Но он не был лидером.

— Врач, исцели себя сам, — тихо произнес Байл. Он гадал, к кому обращается. Возможно, он просто старался убедить себя самого. Байл тяжело опустился на трон Блистательного и провел дрожащими пальцами по редующим волосам. В руке остался клочок. Хирургeon тихо зашипел, и он просмотрел его показания.

С этим телом было почти покончено. Скоро ему понадобится новое. А потом еще одно и еще. Он был паразитом в собственной плоти.

Он так устал. Но не мог позволить себе отдохнуть. Не сейчас. Он должен жить.

Обязан.

Фабий Байл закрыл глаза.

— Пока моя работа не будет закончена.

notes

Примечания

1

Решительные и неожиданные действия, основанные на скорости и внезапности для достижения поставленной цели за один удар (фр.).

Отсылка к стихотворению "Инвиктус"- "Непокорённый", опубликованному в 1888.

Из-под покрова тьмы ночной,
Из чёрной ямы страшных мук
Благодарю я всех богов
За мой непокорённый дух.

И я, попав в тиски беды,
Не дрогнул и не застонал,
И под ударами судьбы
Я ранен был, но не упал.

Тропа лежит средь зла и слёз,
Дальнейший путь не ясен, пусть,
Но всё же трудностей и бед
Я, как и прежде, не боюсь.

Не важно, что врата узки,
Меня опасность не страшит.
Я — властелин своей судьбы,
Я — капитан своей души.

От вечной смерти, Император, храни нас.